

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

В. Б. Помелов

ВЯТСКИЕ ПЕДАГОГИ И ПСИХОЛОГИ

Киров
2019

УДК 378(470.342)(092)
ББК Ч403(2Р-4Ки)-8
П551

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

Н. В. Булдакова, доктор педагогических наук, профессор и зав. кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Р. С. Наговицын, доктор педагогических наук, доцент, декан факультета педагогического и художественного образования ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Помелов, В. Б.

П551 Вятские педагоги и психологи: [монография] / В. Б. Помелов. – Киров : Вятский государственный университет, 2019. – 173 с.

ISBN 978-5-98228-209-5

В монографии раскрывается вклад в отечественную педагогику и психологию уроженцев Вятской земли, а также тех представителей психолого-педагогической науки, которые часть своей жизни провели «на Вятке». Это В. М. Бехтерев, Б. А. Бялик, В. А. Вагнер, Н. Ю. Войтонис, Б. П. Есипов, Е. А. Климов, М. П. Коробейников, В. И. Косолапов, Э. И. Моносзон, И. Т. Огородников, А. И. Пискунов, А. Ц. Пуни, В. Г. Разумовский, В. Ф. Сахаров, В. С. Серебrenиков, М. И. Смирнов, Н. С. Сунцов, Л. А. Цветков, М. Г. Яновская и др. Большое внимание уделено повседневной жизни Вятки первой половины XX в. Издание адресовано специалистам в области истории образования и педагогической мысли, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей Вятского края.

УДК 378(470.342)(092)
ББК Ч403(2Р-4Ки)-8

ISBN 978-5-98228-209-5

© Вятский государственный университет
(ВятГУ), 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
I. Неустанный труженик (В. М. Бехтерев).....	6
II. Первый вятский профессор психологии (В. С. Серебrenиков).....	19
III. Зоопсихологи «на Вятке» (В. А. Вагнер, Н. Ю. Войтонис).....	22
IV. Он стремился быть ближе к учительству (Б. П. Есипов).....	28
V. Первые инновационные учебно-воспитательные учреждения (А. И. Кондаков, В. А. Петров)	45
VI. «Как хорошо, что мы сегодня юны!..» (П. П. Распопов)	66
VII. Путь в науку начинался на Вятской земле (Э. И. Моносзон)	81
VIII. Основатель спортивной психологии (А. Ц. Пуни)	99
IX. Воин, учёный, писатель (М. П. Коробейников).....	106
X. Дело, которому ты служишь (Л. А. Цветков).....	113
XI. На Вятку зла не держал (Б. А. Бялик)	118
XII. Если вы правильно выберете труд (Е. А. Климов).....	125
XIII. Самый молодой академик (В. Г. Разумовский).....	131
XIV. Без вятских – нет педагогики (И. Т. Огородников, А. И. Пискунов, Н. С. Сунцов)	135
XV. Феномен Нижнеивкинской школы (Г. Е. Заузолков)	144
XVI. Наставники и коллеги (В. И. Косолапов, В. Ф. Сахаров, М. И. Смирнов, М. Г. Яновская)	152
Заключение.....	165
Библиографический список.....	167

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая монография ставит своей целью охарактеризовать деятельность видных деятелей высшего педагогического образования, крупных педагогов и психологов – тех из них, кто имел непосредственное отношение к Вятскому краю, то есть родился здесь или учился, либо провёл значительную часть жизни в Вятской губернии (Кировской области); иными словами, был по-настоящему *вятским*.

Вятский край дал немало крупных учёных, известных далеко за пределами нашей страны. Некоторые из них и стали героями нашей книги. Эти замечательные люди поднимали науку и народное образование в родных местах вовсе не на пустом месте: они имели замечательных предшественников-подвижников, хотя с лёгкой руки некоторых историков было принято считать, что уровень культуры и образованности населения Вятской губернии до революции 1917 г. был якобы «крайне низким».

Проблема монографии заключается в том, чтобы дать адекватную оценку вклада этих учёных в психолого-педагогическую науку. Теоретическую значимость своей работы автор усматривает в том, что предлагаемая вниманию читателей монография фактологически дополняет ранее известные науке данные в области историко-педагогической регионологии, касающиеся истории развития педагогики и психологии в регионах России. Практическая значимость монографии в том, что изложенный в ней материал с успехом может использоваться в учебном процессе при освоении ряда гуманитарных дисциплин.

Мы не ставили перед собой задачу давать всестороннюю картину развития образования в Вятском крае. Эта задача систематически решалась автором на протяжении более 30 лет и нашла своё отражение в почти в 500 научных публикациях, в том числе в монографиях, изданных как в нашей стране, так и за рубежом, а также в нескольких энциклопедических изданиях, таких как «Российская педагогическая энциклопедия», «Российский педагогический энциклопедический словарь», «Вятская энциклопедия» и др. По вопросам истории вятского образования автор около ста раз выступал в периодической печати. Кроме того, в обобщённом виде различные аспекты развития образования в Вятской губернии (Кировской области) были отражены в первых четырёх монографиях авторской серии «Просвещение на Вятке», которые вышли в научном издательстве Вятского государственного университета в 2018–2019 гг. Предлагаемая монография является *пятой* монографией этой серии.

Исторические и педагогические реалии, прежде всего, первой половины XX вв. служили автору средством для характеристики героев предлагаемой читателю книги. В содержание монографии включены, по возможности, достаточно полные биографические и статистические данные, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Следует также иметь в виду, что в ряде случаев в центр повествования сознательно был поставлен именно вятский период жизни тех, о ком идёт речь в книге.

Автор не стремился к подробной оценке научных трудов героев книги, желающие поближе познакомиться с их научным наследием могут сделать это самостоятельно.

Большую ценность в процессе создания книги представляли личные встречи с некоторыми героями книги, в частности, с А. И. Пискуновым, Л. А. Цветковым, Е. А. Климовым, М. П. Коробейниковым, Э. И. Моносоном, В. Г. Разумовским, В. Н. Никологорским, В. С. Крекниным и др.

В качестве источника изучения темы использовались письма, устные и рукописные воспоминания учёных, выпускников Вятского пединститута и других вузов, материалы архивов, центральная и местная печать.

I. НЕУСТААННЫЙ ТРУЖЕНИК (В. М. БЕХТЕРЕВ)

Крупнейший отечественный невропатолог, физиолог, психиатр, психолог и педагог, организатор отечественной науки и медицинской практики Владимир Михайлович Бехтерев родился 20 января (1 февраля) 1857 г. в селе Сорали Елабужского уезда Вятской губернии (ныне село Бехтерево Елабужского района Республики Татарстан) в семье мелкого служащего [21, с. 67].

Детство будущего учёного проходило в вятском селе Уни, городах Глазове и Вятке, куда по службе переводили отца. Он был большим любителем природы, поэтому в семье всегда были домашние животные и птицы. «Страсть к птицам, сдерживаемая, однако, средствами, оставалась долго-долго и у нас, братьев, детей его, к которой присоединилось затем увлечение бабочками», – вспоминал впоследствии старший брат Владимира Николай [11, с. 3]. В семье были приняты длительные походы, экскурсии на природу, ночёвки в поле, охота и рыбалка.

Отец умер, когда Владимиру было всего 8 лет. Оставшись без кормильца с тремя детьми, мать, тем не менее, сумела дать высшее образование двум сыновьям. В Вятке она сдавала под жильё квартирантам ранее купленный дом, готовила для них и убирала. На полученные деньги жила вся семья [20, с. 117]. Этот двухэтажный дом (первый этаж – каменный, второй – бревенчатый) сохранился до настоящего времени по адресу: г. Киров, ул. Казанская, 52. На нём установлена соответствующая мемориальная доска.

Старшего из братьев мать подготовила к вступительным экзаменам в гимназию сама, а тот уже помогал Владимиру. Он решил поступать сразу во второй класс. Среди вступительных экзаменов был латинский язык. На экзамене по латыни Владимир Бехтерев успешно справился со всеми заданиями, но не смог ответить на вопрос про спряжения глаголов; он не знал, что «и их нужно знать». Решительный мальчик упросил учителя дать ему несколько дней на подготовку, и через неделю успешно сдал каверзный экзамен [21, с. 67–68].

В годы обучения в гимназии он много времени уделял чтению. Был постоянным посетителем публичной библиотеки, открытой в 1837 г. А. И. Герценом. Бехтерев увлекался трудами передовых естествоиспытателей Ч. Дарвина, Т. Гексли и сочинениями «властителей дум» тогдашней молодежи, таких как Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов.

Юного Бехтерева интересовал и быт, и культура народов, населявших Вятскую губернию. Его первый научный труд был посвящён описанию «вотяцкого (т. е. удмуртского) быта» и был опубликован в журнале «Вестник Европы» в 1880 г. Спустя много лет, на юбилейном вечере, посвящённом 70-летию В. М. Бехтерева, учёный добрым словом вспомнил гимназию и её преподавателей, особенно А. И. Редникова и В. П. Хватунова. На здании бывшей Вятской мужской гимназии установлена мемориальная доска в память о двух её знаменитых выпускниках – хирурге А. Н. Бакулеве и В. М. Бехтереве [20, с. 117].

В. М. Бехтерев хотел продолжить обучение на естественном отделении Казанского университета, но в дело вмешался случай: три его товарища решили учиться в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, и он присоединился к ним. Однако в столице он столкнулся с неожиданным препятствием: ему было всего 16 лет – на год меньше разрешённого возраста для поступления в университет. Благодаря своей настойчивости ему удалось добиться у начальника академии разрешения на поступление. Академия в те годы была одним из крупнейших научных и учебных центров России. Здесь работали в разные годы химик (и композитор) А. П. Бородин, врачи С. П. Боткин, Н. И. Пирогов и Н. В. Склифосовский, физиолог И. М. Сеченов [21, с. 68].

Летом 1877 г. во главе санитарного отряда студент Бехтерев участвовал в освободительной борьбе болгарского народа против турок. Впоследствии в журнале «Северный вестник» он дал правдивое описание ужасных условий, в которых находились русские солдаты во время боёв, особенно под Плевной. На Балканах он заболел малярией. Болезнь протекала в тяжёлой форме, и он был отправлен санитарным поездом в Санкт-Петербург [20, с. 118].

Окончив с отличием академию в 1878 г., В. М. Бехтерев был оставлен при ней, в клинике профессора И. П. Мержеевского для дальнейшего усовершенствования и подготовки диссертации. Своей специальностью он избрал невропатологию и психиатрию, поскольку эти разделы медицинской науки, по его мнению, были в то время особенно тесно связаны с социальными проблемами. Отличное окончание академии давало ему право защиты диссертации без предварительного экзамена (аналога нынешних кандидатских экзаменов). В 1881 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Опыт клинических исследований температуры тела при некоторых душевных заболеваниях». В своей работе исследователь стремился увязать особенности протекания душевных заболеваний с «телесными» болезнями и раскрыть вопрос о роли мозга в регуляции температуры тела [21, с. 68].

Вскоре В. М. Бехтерев был избран приват-доцентом «по курсу нервных и душевных заболеваний». В 1884 г. он выиграл длительную заграничную командировку, в ходе которой работал в лучших клиниках Австрии, Германии и Франции, в том числе в лаборатории психолога Вильгельма Вундта и невропатолога Жана Мартена Шарко, которого называли «Наполеоном неврозов». Также он использовал это время для подготовки к получению профессорского звания [21, с. 68].

Еще до отъезда за границу В. М. Бехтерев получил предложение возглавить кафедру психиатрии Казанского университета. Видимо, молодой учёный испытывал вполне понятное нежелание покидать столицу, и поэтому, будучи вынужденным согласиться, выставил такие условия в плане приобретения оборудования, выделения средств и расширения штата, которые, как ему казалось, вынудят руководство университета отказаться от приглашения. Однако к этому времени он уже был известен – все требования были выполнены к его возвращению в Россию.

В Казани родился сын Пётр (1886–1938), ставший впоследствии знаменитым изобретателем, сотрудником Остехбюро (Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения). П. В. Бехтерев имел патенты на изобретения, в частности, он значительно усовершенствовал парашют. Во времена сталинщины он был, как и многие другие светлые головы, расстрелян, посмертно реабилитирован в 1956 г. [21, с. 69].

В 1885 г. В. М. Бехтерев был избран профессором Казанского университета. Здесь он поставил на новую высоту преподавание психиатрии, открыл первую в мире психофизиологическую лабораторию, организовал Казанское общество невропатологов и психиатров, инициировал издание журнала «Неврологический вестник» [21, с. 69].

Проведённые им исследования в области физиологии головного мозга, особенностей его коры и деятельности внутренних органов легли в основу труда «Проводящие пути спинного и головного мозга» (1893 г.), за который он получил золотую медаль им. Бора Императорской академии наук. Впоследствии эта работа переиздавалась в расширенном и уточнённом варианте. В ней В. М. Бехтерев дал научное описание ряда проводников, часть из которых в науке получила его имя: пучок Бехтерева, ядро Бехтерева, полосы Бехтерева. Он детально изучил ход нервных путей и исследовал те центральные мозговые образования, к которым эти пути подходят.

Исследования Бехтерева привели в порядок уже имевшиеся данные о структуре мозга и его функциях, дополнили известные ранее

представления рядом уточнений и дополнений. Так, им было доказано, что органами восприятия являются кожа, мышцы, суставы и полукружные каналы внутреннего уха. Он проследил ход нервных раздражений от кожи, мышц и суставов в спинной мозг и от полукружных каналов — в мозг и мозжечок. В итоге, сложилась достаточно стройная система представлений о структуре мозга. В научных опытах Бехтерева принимал участие видный физиолог Н. А. Миславский [21, с. 69].

В. М. Бехтерев охватил своим вниманием чрезвычайно широкий круг научных проблем. Прежде всего, отметим его как крупнейшего представителя науки о структуре и функциях мозга, клиники невропатологии и психиатрии. В начальный период его научной деятельности о структуре и функциях мозга было известно чрезвычайно мало. С. П. Боткин и И. М. Сеченов полагали, что все стороны деятельности организма и все болезненные нарушения этой деятельности находятся в прямой зависимости от мозга. Следующий шаг в исследовании природы мозга предстояло сделать Бехтереву. В своих ставших классическими трудах «Проводящие пути спинного и головного мозга» (1893) и «Основы учения о функциях мозга» (выпуски 1–7, 1903–1907) им обобщены результаты его исследований по морфологии и физиологии нервной системы. Эти работы сохраняют до настоящего времени своё значение для диагностики нервных и психических болезней и методов их лечения [21, с. 69].

С 1893 г. В. М. Бехтерев заведует кафедрой психиатрии и невропатологии Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии (таким стало новое название медико-хирургической академии). Здесь он организует клинику нервных болезней. Замечательным врачом впервые в России была на практике реализована идея гуманного отношения к психическим больным. Для них был организован содержательный досуг, использовался метод трудовой терапии, проводились лечебно-физкультурные занятия. Бехтерев добился выделения значительных средств на их лечение. Также впервые в России он создаёт отделение хирургической невропатологии, лабораторию по анатомии, физиологии и экспериментальной психологии, а также медицинскую библиотеку. Одновременно с работой в академии с 1897 г. В. М. Бехтерев возглавляет кафедру нервных и душевных болезней в Женском медицинском институте [21, с. 69].

Петербургский период работы В. М. Бехтерева характеризуется открытием научных обществ, проведением Пироговских съездов и

Съездов невропатологов и психиатров. Выходят его монографии по анатомии, физиологии, психиатрии, психологии и невропатологии. Имя Бехтерева становится широко известным зарубежной науке. Наконец, заговорили об авторитетной бехтеревской школе невропатологии и психиатрии.

Более того, в бурный период первой русской революции (1905–1907) Учёный совет Военно-медицинской академии избрал Бехтерева начальником академии. Прогрессивные взгляды В. М. Бехтерева, демократический стиль отношений с сотрудниками и студентами, высокая эрудиция, доброжелательность и доступность профессора-новатора привлекали к нему симпатии всех, кто общался с ним по работе, но одновременно вызывали неприязнь и подозрительность со стороны военного министра В. А. Сухомлинова, в ведении которого находилась академия. Всё это, в итоге, привело к отставке В. М. Бехтерева в 1913 г. [21, с. 69].

В. М. Бехтерев был не только крупным учёным и успешным практикующим врачом, но и замечательным организатором. В 1903 г. он задумал создать своего рода «вольную медицинскую школу», которая бы отличалась от государственных учреждений отсутствием ограничений по национальному признаку и социальному положению, свободным поступлением туда женщин, бóльшим демократизмом. Идею удалось осуществить в 1907 г., несмотря на бюрократические препоны и благодаря частным пожертвованиям. Созданная школа, а точнее Психоневрологический институт, руководимый В. М. Бехтеревым с 1908 г., объединил большой коллектив передовых ученых того времени. Реализация проекта создания института значительно превзошла первоначальный замысел [21, с. 70].

Психоневрологический институт был научно-исследовательским учреждением и одновременно образовательным заведением университетского типа с рядом факультетов: медицинским, юридическим, а также педагогическим, состоявшим из двух отделений, – естественнонаучного и словесно-литературного. Имелся также так называемый *общий*, то есть общеобразовательный, факультет. К работе в институте В. М. Бехтерев привлёк таких видных учёных, как ботаник В. Л. Комаров, физиологи Н. Е. Введенский и А. А. Ухтомский, гигиенист Т. В. Хлопин, зоологи Н. А. Холодковский и Е. П. Павловский, социологи М. М. Ковалевский и Е. В. де-Роберти, историки И. Н. Кареев и Е. И. Тарле, педагоги П. Ф. Каптерев и П. Ф. Лесгафт, филологи И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. А. Венгерова.

Средства на открытие института собирались по всей России. В. М. Бехтерев привлёк к этому делу даже некоторых великих князей. Для здания института был выделен заболоченный участок около Семенниковского завода за Невской заставой, в районе, который назывался Царским городком. Прежде чем начать строительство здания, пришлось осушать болото [20, с. 119]. В 1910 г. В. М. Бехтерев добился окончания строительства четырехэтажного корпуса, вместившего лаборатории и учебные аудитории. Было построено здание клиники душевных болезней. Здесь же был расположен экспериментальный институт по изучению проблем алкоголизма.

На базе института была создана сеть научно-клинических и научно-исследовательских институтов, в том числе в 1909 г. первый в России Педологический институт. В советские времена, после печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4.07.1936 г., название института в научных изданиях не упоминалось, либо он «скромно» именовался как «Институт по изучению развития ребёнка» [20, с. 119].

В 1913 г. Бехтеревым была открыта нейрохирургическая клиника имени Н. И. Пирогова, что знаменовало собой новый этап в развитии хирургии и невропатологии. С этого времени скальпель хирурга стал вторгаться в самый сложный орган человека и животных – мозг [20, с. 119]. Авторитет В. М. Бехтерева в создании хирургической невропатологии (нейрохирургии) был признан во всём мире. Знаменитый невролог Пьер Мари предложил В. М. Бехтереву написать главу для своего фундаментального труда «Руководство по общей психопатологии».

В 1920–1930-х гг. большинство кафедр невропатологии, психиатрии, психологии было укомплектовано учениками Владимира Михайловича. Если показателем оценки учёного-педагога считать большое количество талантливых продолжателей дела Учителя, то он, несомненно, занимает выдающееся место [21, с. 70].

В. М. Бехтерев в своих научных изысканиях уделял немалое внимание психологии, и даже выдвинул идею превращения её в объективную естественную науку. В своих первых трудах по психологии он излагал основные принципы объективной психологии, которую позднее называл рефлексологией. Теоретические и практические исследования учёного имели особенно важное значение в период формирования экспериментальной психологии в России [21, с. 70].

Отношения между сотрудниками и студентами Психоневрологического института отличались демократизмом. В то же время сту-

денты института неизменно были в числе зачинщиков разного рода волнений. По неблагополучию, с точки зрения полиции, институт занимал второе место после университета. Сам В. М. Бехтерев также не стоял в стороне от социальных коллизий своего времени. Достаточно вспомнить его участие в скандальном уголовном деле Бейлиса, обвинённого в ритуальном убийстве христианского ребенка. Владимир Михайлович участвовал в экспертизе и доказывал невиновность Бейлиса, чем вызвал ненависть к себе со стороны черносотенной клики и царской власти [21, с. 70].

В. М. Бехтереву приходилось постоянно защищать институт от нападков чиновничества. И если до Великой Октябрьской социалистической революции ему это ещё как-то удавалось, то после 1917 г. институт, хотя сначала и получил статус вуза, но затем на его базе был создан 2-й Петроградский мединститут. Тем самым, он хотя и получил значительный стимул к развитию, но утратил ту научную специфику, которую стремился культивировать в его стенах Бехтерев. Сам же Владимир Михайлович был смещён с поста директора и профессора ещё в 1913 г., ему не был продлён контракт. Спустя год по той же причине его удалили и из Женского медицинского института. Несмотря на все протесты коллектива, поданные министру просвещения Л. А. Кассо, тот не утвердил В. М. Бехтерева во вновь созданной должности президента Психоневрологического института. Отказ в его утверждении даже вызвал в сентябре 1913 г. забастовку сотрудников. Разумеется, дело своего учителя продолжали его ученики, в частности, ставшие впоследствии известными учёными В. Н. Мясищев и Н. М. Щелованов, возглавившие лаборатории индивидуальной и генетической рефлексологии [20, с. 120].

Испытывать недоброе чувство в отношении Бехтерева у Кассо были все основания. Так, на первом съезде психиатров учёный в своём докладе на тему о самоубийствах среди учащихся представил убедительные свидетельства того, что детский суицид есть следствие установившегося в стране полицейского режима и тяжёлых экономических условий, в которые поставлено большинство населения России. Кстати, предшественник Кассо в должности министра просвещения А. Н. Шварц пытался лишить студентов института права на отсрочку от воинской повинности. Однако этот шаг не удался, так как министр внутренних дел по ходатайству Бехтерева отменил это решение. Тогда Л. А. Кассо, новый министр народного просвещения («народного затемнения», как выражались в народе), подал в совет министров

докладную записку о закрытии института. Однако закрыть институт с восемью тысячами студентов, да ещё и при острой нехватке в стране квалифицированных специалистов с высшим образованием практически любого профиля, власти не решились. К тому же, такая акция, несомненно, вызвала бы волну недовольства в среде интеллигенции, чего правительство не хотело допустить [21, с. 71]. Вместо этого институт лишили «вольностей», а именно переподчинили новому уставу, который соответствовал требованиям министерства. И всё же дальнейший рост революционного движения привёл правительство к решению окончательно закрыть институт. Оно вышло всего за три дня до Февральской революции 1917 г., но в воцарившейся суматохе не было реализовано, и институт всё-таки уцелел [21, с. 71].

В отечественной историко-психологической литературе советского периода утвердилось мнение, что В. М. Бехтерев «с первых дней революции оказался среди людей, которые связали свою судьбу с судьбой молодой Советской республики» [12, с. 32]. В доказательство приводятся, например, следующие слова В. М. Бехтерева: «На переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать, – нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе; и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчёт, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить своё будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в этом вопросе? Мы поэтому должны стремиться к тому, чтобы сократить по возможности время разрухи, отдавая всю сумму наших знаний и всё умение на созидательную работу в настоящих условиях страны и на пользу народа. В этом отношении и новый институт [речь идёт об институте по изучению мозга – *В. П.*] может дать молодой России то, чего не могли дать научные учреждения в прежнее время, и это потому, что народ, почувствовав себя свободным, проявляет необычайную жажду знаний, которая открывает широкие перспективы...» [2, с. 11].

Как видим, ничего верноподданнического по отношению к Советской власти в этих словах нет, а имеет место, прежде всего, забота об интересах народа, о его просвещении. В дооктябрьский период В. М. Бехтерев был известен своими протестными высказываниями; он открыто называл мировую войну антинародной бойней, видел в ней «кризис всей современной цивилизации». Ещё в 1885 г. в Казани едва ли не в первом своём публичном выступлении он указывал на

экономические условия как на причину распространения психических заболеваний. В основе ухудшения психического здоровья населения лежит, по его мнению, экономическое рабство, обусловленное значением капитала в жизни современного общества. Он указывал, что не сама культура и цивилизация, не мозговое переутомление служат условиями, приводящими к развитию душевных болезней, а негативные социальные условия общества.

В 1918 г. Председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин подписал декрет об организации института по изучению мозга и психической деятельности, в лабораториях которого изучались анатомия, строение и многообразные функции центральной нервной системы. В. М. Бехтерев был его первым директором. Позднее этот институт в течение длительного времени возглавляла его внучка Наталья Петровна Бехтерева, а ныне – её сын Святослав Всеволодович Медведев.

Задачи, которые ставил перед собой институт при В. М. Бехтереве, не ограничивались лишь исследованиями мозга как такового, но включали в себя изучение вопросов гигиены умственного труда и психической деятельности человека в условиях конкретной производственной работы [21, с. 72].

Показателем громадного размаха организационной деятельности В. М. Бехтерева является, в частности, реорганизация Психоневрологического института в Психоневрологическую академию, в которую, помимо Психиатрического института и Института по изучению мозга и психической деятельности, вошли организованные его учениками Отофонетический институт, Детский обследовательский институт, Воспитательно-клинический институт для нервнобольных детей, Невропсихиатрический диспансер и ряд других учреждений. Из бывшего Психоневрологического института выросли 2-й Петроградский университет, Государственный институт медицинских знаний (впоследствии Санитарно-гигиенический медицинский институт), Институт социального воспитания нормального и дефективного ребенка, а также Ветеринарно-зоотехнический и Химико-фармацевтический институты [20, с. 121].

В то время в среде учёных получило распространение выражение «неутомим, как Бехтерев». В эти годы В. М. Бехтерев создаёт и редактирует журналы «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вопросы изучения труда», «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной рефлексологии», «Психофизиология, рефлексо-

логия и гигиена труда» и ряд других. Проводит занятия в институте медицинских знаний, в женском педагогическом институте, в пединституте имени А. И. Герцена, на курсах усовершенствования «лекпомов», а также читает популярные лекции для населения. Организует съезды по проблемам психоневрологии, по изучению труда, по борьбе с детской «дефективностью» и безнадзорностью [21, с. 72].

Особое внимание им, как учёным, уделялось вопросам изучения развития человека в раннем детском возрасте и проблеме гигиены и организации труда. Он организовал комиссии по изучению особенностей труда рабочих различных специальностей, причём в разных отраслях промышленности, а также труда педагогов, врачей и артистов. Разрабатывал методы изучения человека в коллективе и влияния коллектива на личность [21, с. 72].

В 1923–1924 гг. В. М. Бехтерева привлекали к консультациям в связи с болезнью В. И. Ленина. Свои впечатления об этой встрече учёный изложил в очерке «Человек железной воли» [20, с. 122].

По предложению В. М. Бехтерева Учёный совет Психоневрологической академии 5 декабря 1927 г. вынес постановление, в котором призывал учёных всех стран и поборников мира поддержать предложение о всеобщем разоружении, внесённое на Женевской конференции советской делегацией. Последним научно-общественным выступлением В. М. Бехтерева была статья «В защиту науки». Она представляет собой отклик на судебный процесс над американскими учителями, излагавшими в школе учение Чарльза Дарвина [21, с. 72–73].

В послеоктябрьский период В. М. Бехтерев активно включился в работу по социалистическому строительству. Он организовал курсы усовершенствования фельдшеров для Красной Армии. В своём институте открыл госпиталь для душевнобольных солдат. Был избран депутатом Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Однако социалистическая действительность вскоре его разочаровала. Не случайно смерть замечательного учёного покрыта тайной, которая, по всей вероятности, не скоро будет раскрыта. По одной из распространённых версий В. М. Бехтерев, приехавший в Москву на научный симпозиум, 24 декабря 1927 г. был отправлен [21, с. 72].

Официальной версии об инфаркте мало кто поверил; молва приписала смерть учёного спецслужбам как месть за неосторожное высказывание о Сталине (после проведённого обследования Бехтерев назвал его параноиком). Именно такая трактовка причины смерти

выдающегося учёного приводится в зарубежных энциклопедических изданиях по психологии, в частности, в учебнике для американских университетов, авторами которого являются Дуан П. Шульц и Синдия Э. Шульц «История современной психологии» [79, с. 217]. Правда, некоторые российские исследователи считают подобную версию «крайне мало достоверной» [77, с. 45]. Кстати, в объёмистом издании американских учёных, вышедшем в русском переводе, упоминаются имена всего лишь двух российских учёных И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, и именно как психологов, причём оба они характеризуются как предтечи бихевиоризма [21, с. 72].

Психологические исследования В. М. Бехтерева были тесно связаны с его психиатрическими и патопсихологическими работами. Его труды содержат богатый материал патопсихологических исследований, в особенности в области психической симптоматологии, где психология и психиатрия тесно сближаются. Он исследовал проблему галлюцинаций и показал роль внешних раздражителей в формировании галлюцинационных явлений. Изучил внушающее влияние слуховых обманов чувств [21, с. 73].

Ещё в молодости, в ходе своей зарубежной стажировки В. М. Бехтерев обратил внимание на несовершенство подхода В. Вундта к изучению сознания. Вундт считал предметом психологии сознание, а его материальный субстрат (мозг) оставался вне поля его зрения. Бехтерев считал практиковавшийся Вундтом метод самонаблюдения совершенно бесплодным и отводил решающую роль в решении данного вопроса экспериментальному методу. Таким образом, с самого начала своей научной деятельности В. М. Бехтерев выступал против теории и методов субъективной психологии и стремился к построению естественнонаучного психологического учения, которое было бы основано на объективных методах исследования [20, с. 122].

Объективность исследований, проводимых В. М. Бехтеревым и его сотрудниками, обеспечивалась надёжной экспериментальной проверкой лабораторных данных. Свою систему психологических воззрений В. М. Бехтерев называл «объективной психологией» (с 1904 г.), затем психорефлексологией (с 1910 г.) и, наконец, рефлексологией (с 1917 г.). Для проведения экспериментов, помимо ранее известного лабораторного оборудования, применялись приборы, которые были сконструированы самим В. М. Бехтеревым и его сотрудниками. Это были пневмограф – аппарат для записи дыхательных движений, реф-

лексграф – прибор для записи коленных рефлексов, рефлексометр – аппарат для измерения силы коленного рефлекса [21, с. 73].

В. М. Бехтерев и его ученики пытались направить психиатрию и психологию по пути рефлексологии. Его взгляды на роль и место психологии, во многом, сводятся к стремлению осуществить попытку внедрения рефлекторного принципа в понимании психических явлений. В монографии «Коллективная рефлексология» (1921) он, например, утверждал, что общество подчиняется тем же законам, что и отдельные организмы и неорганические предметы и что законы проявлений коллектива те же, как и законы проявления отдельной личности. Бехтерев фактически отвергал психологические понятия и игнорировал те реальные психические явления, которые находили отражение в этих понятиях. Взгляд на деятельность человека как на простую совокупность рефлексов он распространил на общество в целом. Он трактовал психологию как науку о поведении, под которым понимал совокупность врождённых и индивидуально приобретённых «сочетательных рефлексов», аналогичных условным рефлексам И. П. Павлова, но при этом он не отвергал сознание и, в отличие от бихевиористов, включал его в предмет психологии [21, с. 73–74].

В. М. Бехтерев выделял рефлексологию в отдельную научную область, отличную от физиологии и психологии, и призванную, в своё время, заменить собой психологию. И в этом прогнозе взгляды Павлова и Бехтерева сходятся. Представляется удивительным, что эти два выдающихся ученых, скептически относившиеся к возможностям психологии, современными психологами считаются корифеями этой науки. Правда, рефлексология как наука, отмечал Бехтерев, ещё не сформировалась, и делала свои первые шаги, в том числе и в трудах самого В. М. Бехтерева.

Исследователь подвергался научно обоснованной критике за отождествление законов физико-механических, биологических и социальных явлений, в особенности после выхода книги «Коллективная рефлексология». Даже его ближайший ученик В. Н. Мясищев в своих воспоминаниях об учителе называет её «большой, но неудачной работой по психологии» [11, с. 33]. К концу 1920-х гг. наблюдается спад увлечения рефлексологией, и всё более усиливается скепсис в отношении её реальных возможностей. Полная ликвидация психологии, к которой призывали ортодоксальные рефлексологи, теперь уже представлялась очевидным упрощением. Научному сообществу становилось ясно, что рефлексология как биологическая дисциплина стоит

уж очень далеко от учения о мозге, и тем более от социально-исторических проблем общества. В дальнейшем Бехтерев согласился с тем, что рефлексология не может собой заменить психологию.

Одной из важнейших в психологии он считал проблему личности. Личность трактовалась им как интегративное целое. По существу, он ввёл в психологию понятия *индивид*, *индивидуальность*, *личность*, а также понятие *структура личности*, выделив в ней пассивную и активную, сознательную и бессознательную части [9, с. 486]. В противоположность господствовавшим на тогдашнем «педагогическом Олимпе» (выражение А. С. Макаренко) мнениям о приоритете коллектива над личностью, В. М. Бехтерев неизменно отстаивал прямо противоположную мысль. В работах «Коллективная рефлексология» (1921) и «Объективное изучение личности» (1923) он выявил различные типы личностей, как склонных, так и не склонных к коллективной работе; выявил, что происходит с личностью, когда она вливается в коллектив. Он обнаружил такие явления как *конформизм*, *групповое давление*. Также, не подстраиваясь под существовавшие в педагогической науке шаблоны, он утверждал, что влияние коллектива не всегда благотворно, ибо любой коллектив нивелирует личность. Такие воззрения противоречили не только официальной точке зрения, но и взглядам самого Макаренко, «неформала» в истории отечественной педагогики.

В. М. Бехтерев выступил одним из главных организаторов всероссийских съездов по педагогической психологии и экспериментальной педагогике. Его педагогические взгляды связаны с идеями К. Д. Ушинского, П. Ф. Лесгафта и других отечественных педагогов второй половины XIX – начала XX вв. В основу своих концепций им положено экспериментальное изучение рефлекторной деятельности ребёнка, преимущественно раннего возраста (до 3–4 лет).

В. М. Бехтерев подчёркивал необходимость воспитания человека с самого раннего детства (воспитание «социального героизма», трудовое воспитание, половое воспитание и т. д.). Под *воспитанием* он понимал создание «привычек в сфере физической, нравственной и умственной». И здесь им развивалась «излюблённая» тема рефлекса! В. М. Бехтерев ратовал за гармоническое сочетание физического и психического развития, обеспечивающего совершенствование личности. Он выступал против формального обучения и основную задачу умственного воспитания видел в развитии у детей любви к знаниям и самостоятельности мышления. К методам воспитания он относил убеждение,

пример, поощрение и наказание (не физическое), игру и внушение, несколько преувеличивая при этом роль гипноза [20, с. 124].

Свои педагогические взгляды В. М. Бехтерев изложил в таких работах как «Вопросы воспитания в возрасте первого детства» (СПб., 1909), «Вопросы общественного воспитания» (М., 1910), «Значение музыки и эстетического воспитания ребенка с первых дней его детства» (М., 1916), «О социально-трудовом воспитании» (Пг., 1917), «Культура социального героизма в воспитании детей» («Вестник знания», 1926, № 24), «Внушение и воспитание» (Пг., 1923). Названия работ указывают на их содержание и показывают широту интересов В. М. Бехтерева в области педагогики. В. М. Бехтерев стал, по существу, предтечей целого ряда научных направлений [21, с. 75].

Десятилетия, прошедшие после смерти учёного подтвердили значимость его научного наследия. Но он дорог и близок нам не только своими научными заслугами; в личности выдающегося учёного нас привлекает, прежде всего, его гражданское мужество и патриотизм, стремление все свои силы отдать во благо народа.

Несомненно, уроженец Вятской земли Владимир Михайлович Бехтерев – один из самых выдающихся сынов русского народа, великая и светлая личность.

II. ПЕРВЫЙ ВЯТСКИЙ ПРОФЕССОР ПСИХОЛОГИИ (В. С. СЕРЕБРЕНИКОВ)

Первым крупным учёным-психологом из вятских уроженцев был Виталий Степанович Серебrenиков. К сожалению, о нём сохранилось слишком мало фактических сведений. Тем не менее, автор монографии смог по крупицам собрать материал, который даёт представление об этом замечательном учёном и человеке. Особенно радует то, что удалось найти две его фотографии. Также удалось определить место его рождения. Виталий Степанович (урожд. Стефанович) Серебrenиков родился 18 (30) апреля 1862 г. в селе Нижне-Ильинское Нолинского уезда Вятской губернии. Его отец Стефан Прокопьевич в молодые годы окончил курс философского класса в Вятской духовной семинарии, а затем служил дьячком в церкви села Нижне-Ильинское. Дед будущего психолога был дьяконом в церкви села Кстинино Вятского уезда. Летом 1862 г. семья переехала в село Балезино Глазовского уезда Вятской губернии. В 1872 г. Стефан Прокопьевич скончался [22, с. 97]. В этом же году Виталий окончил Балезинскую зем-

скую начальную школу, поступил в Глазовское духовное училище, которое успешно окончил через четыре года. Старший брат Николай, священник села Экономическо-Лудянского, отвёз мальчика в Вятскую духовную семинарию. В Вятке Виталий имел возможность постоянно общаться с братьями Владимиром и Александром, учившимися в местной гимназии. В 1882 г. Виталий успешно окончил семинарию и поступил на казённую вакансию в Санкт-Петербургскую духовную академию. Деньги на дорогу от Вятки до столицы (50 руб.) ему дали его брат Николай и товарищ по семинарии Алексей Лобовиков. Через четыре года Виталий окончил и академию.

В академии, для удовлетворения своей любознательности, Виталий начал изучать психологию. С целью лучшей и всесторонней подготовки по этому предмету он прошёл теоретический и практический курс анатомии под руководством профессоров Военно-медицинской академии Грубера и П. Ф. Лесгафта, и даже написал кандидатское сочинение на тему «Английская психология и вопрос о прирождённых началах знания о деятельности».

30 марта 1892 г. В. С. Серебrenиков защитил диссертацию на степень магистра богословия на тему «Учение Локка о прирождённых началах знания и деятельности» и начал преподавать в академии в должности доцента кафедры психологии. 3 (15) июня 1896 г. В. С. Серебrenиков был утверждён в должности экстраординарного профессора кафедры экспериментальной психологии Санкт-Петербургской духовной академии, а с 1 (14) сентября 1909 г. – в должности ординарного профессора. Впоследствии ему было присвоено звание заслуженного ординарного профессора академии. В целом, он работал в академии с 1887 по 1919 г. Одновременно в 1907–1919 гг. он был профессором кафедры экспериментальной психологии Санкт-Петербургского психоневрологического института. С 1897 г. он также преподавал историю философии «в связи с историей философии права» в Императорском училище правоведения.

12 (25) января 1909 г. В. С. Серебrenиков был удостоен степени доктора богословия за сочинение на тему «Лейбниц и его учение о душе человека». В мае 1892 г. он отправился в годичную научную командировку, в ходе которой он знакомился с институтами экспериментальной психологии в Париже, Бонне, Гейдельберге и Берлине. При этом он прослушал полный курс лекций знаменитого профессора В. Вундта (Лейпциг), а также профессора Г. Э. Мюллера (Геттинген). По возвращении на родину в 1893 г., В. С. Серебrenиков организовал

в духовной академии постоянный «психологический семинарий», который просуществовал много лет.

По его инициативе в духовной академии была создана «психологическая библиотека», содержащая все значимые труды мировой науки. Вместе с В. М. Бехтеревым он редактировал журнал «Вестник психологии» [21, с. 70]. Научные работы он публиковал, по большей части, в журналах «Христианское чтение» и «Вестник психологии» [75; 76]; был одним из активных авторов знаменитого энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона и «Православной богословской энциклопедии» [74].

В 1919–1930 гг. В. С. Серебренников – профессор Петроградского (Ленинградского) университета по кафедре экспериментальной психологии, профессор Географического института, сотрудник Академии Наук СССР.

В 1920-е гг. он вёл исследования по научной организации труда на Волховстрое. В начале 1930-х гг. работал консультантом центральной психотехнической лаборатории Ленинградского института гигиены труда и техники безопасности.

Таким образом, В. С. Серебренников длительное время занимал ответственные должности в авторитетных учебных заведениях и других организациях. Несомненно, он был одним из ведущих психологов и философов своего времени.

В своих трудах В. С. Серебренников отстаивал принцип спиритуализма, критиковал материалистические и феноменологические представления о «вторичности» и зависимости содержания душевной жизни от «материальных» или «внешних» процессов; настаивал на принципиальной «автономности» психического опыта и реальности индивидуальной души. Разумеется, эти подходы в настоящее время утратили актуальность.

Он работал и в области экспериментальной психологии, опубликовал ряд работ, преимущественно общего и методологического характера. Серебренников доказывал и разъяснял необходимость экспериментально-лабораторной разработки психологии, проводил детальный анализ важнейших достижений того времени; показывал, как нужно использовать полученные экспериментальным путем данные, чтобы они вели к расширению и углублению научно-психологического знания.

По мнению академиков Э. Л. Радлова, С. Ф. Платонова и Н. Я. Марра работы Серебренникова выделялись точностью, докумен-

тальностью, фактической обоснованностью и строгим беспристрастием. Но, в то же время, его труды, мягко говоря, не укладывались в «прокрустово ложе» господствовавшей в 1920–1930-е гг. марксистско-ленинской идеологии.

При всей своей занятости он не забывал заботиться о старушке-матери, проживавшей в Вятке вместе с семьей его брата, Николая Степановича; материально помогал им. В 1934 г., предположительно из-за назревавших репрессий, он уехал в свой родной Вятский край. Здесь в Кирове, в 1936–1937 гг. он работал консультантом по психотехническому обследованию подростков в детской лечебно-профилактической амбулатории в г. Кирове по адресу ул. Энгельса (ныне ул. Преображенская), д. 38б.

С 15 апреля 1937 г. В. С. Серебренников занялся библиографией в отделе изучения местного края областной научной библиотеки имени А. И. Герцена. Эта работа была ему близка, поскольку в 1911–1918 гг. он состоял председателем Библиотечной комиссии одной из крупнейших библиотек страны – Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (Петрограде), а в 1925–1930 гг., в дополнение ко всем своим нагрузкам и должностям, был учёным-библиографом библиотеки Академии Наук СССР в Ленинграде. В. С. Серебренников умер 28 января 1942 г. в г. Кирове, похоронен 30 января на местном Петелинском кладбище.

Полный перечень рецензий и отзывов В. С. Серебренникова на кандидатские, магистерские и докторские диссертации указан в приложении диссертации С. Б. Шиндарова [78]. Сведения о Серебренникове публиковали «Вятские епархиальные ведомости». Подробные воспоминания о В. С. Серебренникове оставила сотрудник библиотеки Герцена Надежда Дмитриевна Попыванова, которая была коллегой Виталия Степановича [82, лл. 490–494].

III. ЗООПСИХОЛОГИ «НА ВЯТКЕ» (В. А. ВАГНЕР, Н. Ю. ВОЙТОНИС)

В этой главе книги автор знакомит читателя с двумя видными учёными, которые внесли свой научный вклад в развитие такого довольно-таки специфического направления в области психологии, как зоопсихология.

Русский зоолог-дарвинист, психолог и педагог Владимир Александрович Вагнер вошёл в историю отечественной науки как основоположник сравнительной психологии в России. Он родился 17 (29)

марта 1849 г. Окончил юридический (1874) и физико-математический (1882) факультеты Московского университета. В 1895–1905 гг. – доцент Московского университета. После защиты докторской диссертации с 1906 г. по 1931 г. он работал профессором Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. В 1900 г. принял участие в Вятских губернских учительских курсах. Скончался 8 марта 1934 г. [7, с. 18].

В 1910 и 1913 гг. в Санкт-Петербурге и Москве В. А. Вагнер опубликовал два тома фундаментального труда «Биологические основания сравнительной психологии». Одной из центральных проблем монографии он сделал противопоставление разных типов мировоззрения, с одной стороны, теологического и метафизического, с другой – материалистического. Он справедливо указывал на то, что теологическое мировоззрение предполагает полное отрицание души и разума у животных, и воспринимает их как своеобразные механизмы; основывается на том, что в психике человека нет ничего, чего бы не было в психике животного. Из этого постулата выводилось наличие сознания, воли и разума у всех представителей животного мира. Вагнер показал наличие недостатков у этой концепции; по его мнению, таким же образом можно вывести наличие сознания не только у млекопитающих и птиц, но и у насекомых и даже у растений.

Метафизическое мировоззрение исходит из неизменности существующего мира, в том числе и всего того, что касается животных. Оно одинаково подходит к измерению психики человека и животного мерой одноклеточных организмов. Таким образом, психические процессы сводятся к рефлексам, а взамен сознания на первый план выходит автоматизм.

В. А. Вагнер выступил с критикой обоих подходов, не имеющих ценности для современной науки. По его мнению, инстинкты человека и возможности его разума имеют рефлекторное происхождение, однако их нельзя сводить только к рефлексам. Для психологической науки представляет ценность научное мировоззрение, в котором ученый выделял, прежде всего, *диалектику*; её он рассматривал как рациональное столкновение двух противоположных начал или концепций. Исследователь отстаивал изучение развития психики животных методами эволюционной биологии. Он выступал против упрощенчества в понимании поведения животных. Разработал теорию инстинктивной деятельности животных. Монография В. А. Вагнера «Психология животных», вышедшая несколькими изданиями, длительное время считалась самым фундаментальным трудом в этой области и не утратила своей ценности до настоящего времени [7, с. 21].

В. А. Вагнер считается основоположником сравнительной психологии в России. Он внес существенный вклад в развитие метода исследования, суть которого заключается в сравнении поведения близких в видовом отношении животных, так называемый «биологический метод». Он проводил исследования инстинктивного поведения и на их основе выдвинул гипотезу об изменчивости инстинктов и о роли индивидуальности в их формировании.

В 1924–1929 гг. выходили (общим количеством 9) сборники В. А. Вагнера «Возникновение и развитие психических способностей». Особое внимание в этих работах учёный уделил проблеме детской игры, которая, как он справедливо утверждал, занимает важное место в развитии психических функций ребёнка [7, с. 24].

Николай Юрьевич (в некоторых источниках – *Юльевич*) Войтонис был, без преувеличения, одним из самых значительных учёных, когда-либо живших и работавших «на Вятке». Правда, в те годы, когда он был преподавателем Вятского пединститута (1929–1934 гг.) – а направлен в ВГПИ он был наркоматом просвещения РСФСР с целью укрепления кадрового состава провинциального вуза, – Н. Ю. Войтонис ещё не был авторитетом зоопсихологии, той отрасли психологической науки, созданию и развитию которой он сам же способствовал.

В Вятке он преподавал психологию, активно участвовал в деятельности Вятского института краеведения. Но будучи тесно связанным с ведущими отечественными учёными, он без особых колебаний, получив заманчивое предложение, покинул Вятку. И хотя в дальнейшем его связь с бывшими коллегами по ВГПИ не была особенно тесной, мы посчитали возможным включить материал о нём в нашу книгу.

Н. Ю. Войтонис родился 27 марта (8 апреля) 1887 г. в семье сельского учителя. В 1913 г. он окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В годы учёбы у него сформировались научные интересы под прямым влиянием выдающихся профессоров – зоолога В. М. Шимкевича и специалиста по сравнительной психологии В. А. Вагнера. В 1914 г. Войтонис был призван в армию, участвовал в боевых действиях. Вернувшись к мирной жизни, он в течение десятилетия был вынужден заниматься повседневной рутинной педагогической работой в средних учебных заведениях и не имел возможности продолжить научные изыскания [8, с. 5].

Лишь в 1927 г. он поступил в аспирантуру Московского психологического института, где стал интенсивно работать под руково-

дством профессора Владимира Максимовича Боровского (1882–1963), избрав для своей кандидатской диссертации тему и «Роль побуждающих факторов в поведении». В 1929 г. диссертация была успешно защищена, Войтонис получил степень кандидата педагогических наук (по психологии). Далее и последовало направление в Вятку.

Молодой ученый уехал из Москвы, но поддерживал связь со своим научным руководителем, главным образом в плане поиска темы для дальнейших научных исследований: Боровский был известен, прежде всего, своими фундаментальными работами в области зоопсихологии. Кроме того, в 1930-е гг. он разработал теорию внутренних ритмов организма, ввёл такие, ставшие широко известными, понятия, как «биологические часы» и «циркадный ритм». Боровский доказал, что именно эти ритмы и лежат в основе систем саморегуляции организма, а отклонение от них создаёт внутреннюю мотивацию поведения. В 1935 г. Боровскому без защиты и одному из первых в стране была присуждена только что учреждённая учёная степень доктора биологических наук. В эти годы его авторитет в научных кругах был весьма высок [8, с. 6].

С 1934 г. интенсивная научная деятельность Н. Ю. Войтониса особенно широко и углубленно развернулась в Сухумском питомнике обезьян, где по 1942 г. он возглавлял Лабораторию сравнительной психологии. В это учреждение он привлек молодых учёных, таких как Н. А. Тих, А. И. Кац и др. В сотрудничестве с ними он организовал базу для проведения исследований, связанных с проблемой антропогенеза. Группа Войтониса изучала поведение обезьян. Главным образом учёных интересовали вопросы, относящиеся к сфере мотивационных установок их поведения, использования приматами орудий и их стадные взаимоотношения.

Н. Ю. Войтонис, вслед за своим учителем В. А. Вагнером, наряду с экспериментом уделял много внимания методу непосредственного наблюдения над спонтанным поведением свободного животного. Именно при посредстве этого метода Войтонисом были получены ценные оригинальные данные и выводы об «ориентировочно-исследовательской» деятельности обезьян, вскрывающие высокую психическую активность последних и значимость непищевых стимулов в их манипуляциях с предметами [8, с. 6].

Методом непосредственного наблюдения над стадной жизнью и взаимоотношениями обезьян Н. Ю. Войтонис обнаружил также ряд интересных биопсихологических данных и закономерностей. Обилие

подопытных обезьян в Сухумском питомнике, жизнь особей в гигантских вольерах с роскошной растительностью и скалами, приближающаяся к природной среде, давали исследовательскому коллективу основание считать картину жизни обезьян достаточно близкой к естественной, и, следовательно, полученные наблюдения и выводы – достаточно адекватно отображающими истинные закономерности взаимосвязей животных в стаде.

Н. Ю. Войтонис не чуждался и опытов с применением аппаратуры, и сам он был очень изобретателен в её конструировании. Среди его изобретений так называемый «экспериментальный комод», прибор для анализа отсроченных реакций и другие установки. Н. Ю. Войтонис одним из первых показал, что и низшие обезьяны способны к употреблению «орудия». При этом Войтонис, разумеется, опирался на идеи основоположников марксизма-ленинизма, в частности на учение Ф. Энгельса о преобразующем влиянии труда на эволюцию человека («Роль труда в превращении обезьяны в человека»). Осенью 1940 г. он подытожил свои шестилетние исследования в Сухумском питомнике и защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора биологических наук на биологическом факультете МГУ (по представлению Института антропологии) на тему «Поведение обезьян и проблема антропогенеза» [8, с. 7].

В 1942 г., вместе с коллективом сотрудников, Н. Ю. Войтонис был вынужден эвакуироваться в Тбилиси, где он работал в Психологическом институте Грузинского филиала АН СССР в лаборатории академика Дмитрия Николаевича Узнадзе. Вскоре Войтонис начал работать в секторе психологии Института философии АН СССР. В 1945 г. он был приглашён в Крымский государственный педагогический институт (г. Симферополь), где и работал в должности профессора и заведующего кафедрой психологии и педагогики.

Его коллега, выдающийся зоопсихолог Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889–1963)¹ отмечала, что ознакомление с протоколами работ Н. Ю. Войтониса обнаруживает, с какой скрупулезной тщательностью он производил записи поведения животных, с какой исключительной обстоятельностью делал анализ данных наблюдения, с какой осторожностью подходил к выводам. Он в полной мере обла-

¹ Н. Н. Ладыгина-Котс имела очень эффектную внешность и нравилась В. В. Маяковскому. Но учёная дама отвергла ухаживания известного ловеласа. Поэт посвятил ей стихотворение, в котором он с досадой писал о том, что красавица предпочла поэта обезьяне.

дал чертами подлинного учёного, настойчиво и терпеливо, с большой внутренней выдержкой стремящегося к раскрытию истины. Все его выступления, устные и печатные, опираются на солидный фундамент многочисленных, тщательно проанализированных фактов [8, с. 7].

В предисловии в монографии Н. Ю. Войтониса «Предыстория интеллекта (К проблеме антропогенеза)», вышедшей уже после смерти автора в издательстве АН СССР в 1949 г. Н. Н. Ладыгина-Котс называет основные научные проблемы, над разрешением которых работал Николай Юрьевич и его коллеги, и некоторые выводы, к которым они пришли. Это проблемы антропогенеза; предыстория интеллекта; мотивационные установки поведения обезьян, использование ими орудий и их стадные взаимоотношения. Были получены ценные оригинальные данные и выводы об «ориентировочно-исследовательской» деятельности обезьян, вскрывающие высокую психическую активность последних и значимость непищевых стимулов в их манипуляциях с предметами. Многие из его экспериментальных тем были проведены в сравнительно-психологическом плане и обнаружили биологическую обусловленность характера реагирования на разные стимулы у подопытных животных разных систематических групп. Войтонис доказал, что у приматов имеется наличие элементарного, конкретного, образного мышления, способности к обобщению и усвоению пространственно-временных связей в наглядно обозреваемой ситуации. Ему принадлежит идея и ее экспериментальное исследование о «двуфазовых задачах» у человекообразных обезьян (шимпанзе). Результаты своих научных исследований Н. Ю. Войтонис публиковал в журналах «Психология», «Учёных записках Московского государственного института экспериментальной психологии», материалах всесоюзных съездов психологов и сборниках научных статей.

Его главный труд – монография «Предыстория интеллекта» впоследствии неоднократно переиздавался, что свидетельствует о значимости научного наследия человека, часть жизни которого была связана с Вятским краем, с Вятским пединститутом [8, с. 7]. Исследование посвящено важной мировоззренческой проблеме – проблеме естествонаучных предпосылок формирования человеческого интеллекта. За обобщение накопленного за длительный период времени исследования Н. Ю. Войтонис взялся лишь за несколько месяцев до своей преждевременной смерти, и поэтому не успел довести его до опубликования. Его ученики по сектору психологии Института фило-

софии АН СССР Г. З. Рогинский, Н. А. Тих и М. Ф. Нестурх закончили работу своего учителя, одного из крупнейших представителей советской эволюционной психологии.

Как подлинный энтузиаст-ученый, Н. Ю. Войтонис отдавал всего себя науке. Он неизменно ставил в центр внимания реализацию своих научных работ, и недостаточно бережно относился к состоянию своего здоровья, не замечал его ухудшения. Работать он перестал лишь с того дня, когда слёг в постель [8, с. 7].

Н. Ю. Войтонис скончался 5 января 1946 г. в г. Симферополе.

IV. ОН СТРЕМИЛСЯ БЫТЬ БЛИЖЕ К УЧИТЕЛЬСТВУ (Б. П. ЕСИПОВ)

В конце 1980-х гг. автор монографии заинтересовался личностью Бориса Петровича Есипова, без которого невозможно представить отечественную педагогику второй трети XX в. Ценные сведения – воспоминания и фотографии – были получены от дочери учёного Натальи Борисовны Есиповой, проживавшей в г. Вологде, с которой автор длительное время состоял в переписке. Она передала бесценные оригиналы фотографий отца и в своих письмах сообщила много нового и интересного о Б. П. Есипове и его семье. Мы посчитали своим долгом составить возможно более полную биографию Б. П. Есипова, с тем, чтобы познакомить новое поколение педагогов с этим замечательным учёным и человеком. В результате поисков удалось собрать значительный по объёму биографический материал, который частично вошёл в книгу «Педагоги и психологи Вятского края» [50] и монографию «История Вятского образования: XIV–XXI вв.» [37].

Собранный материал использовался и при опубликовании ряда статей, в том числе в районной газете г. Глазова (17 июля 1990 г.), в сборниках научных статей, изданных по результатам регулярно проводящихся с 1994 г. в Глазовском государственном педагогическом институте имени В. Г. Короленко «Есиповских Чтениях» [71], в материалах научной конференции «Вятская Земля в прошлом и настоящем», проводившейся с 1989 г. на базе Кировского пединститута (в дальнейшем – педуниверситета, гуманитарного университета, ныне Вятского государственного университета) [18] и других сборниках [28].

Б. П. Есипов относился к тому поколению отечественных ученых, которое закладывало основы советской педагогики в послереволюционный период. Он прошёл большой путь от сельского учителя

до крупного учёного-педагога с мировым именем, труды которого – а им написано свыше ста пятидесяти работ – и спустя десятилетия после его смерти не только не утратили своей актуальности, но до сих пор в значительной степени определяют развитие современной дидактики.

Б. П. Есипов родился 2 (14) мая 1894 г. в селе Поллом Глазовского уезда Вятской губернии (ныне эта территория входит в состав Кезского района Республики Удмуртия) в семье волостного писаря [66, с. 129].

Дед будущего педагога Лаврентий Алексеевич Есипов (1844–?) получил домашнее воспитание; он происходил из смоленской шляхты, то есть был дворянского звания, но никакого имения – родового, либо благоприобретённого – конечно, не имел. Служить он начал в 1863 г. сторожем в Уфимской губернской почтовой конторе; через полгода был переведён в почтальоны этой же конторы, а в 1870 г. был назначен смотрителем Чепецкой почтовой станции. Позднее служил в этой же должности ещё на нескольких станциях Вятской губернии и был уволен по собственному прошению в 1888 г. Должность давала скромный доход (180 рублей в год), которого едва хватало на жизнь. Он был дважды женат. От первого брака имел сына Петра и дочь Марию. После смерти жены Татьяны Фёдоровны женился на её сестре Анне; от второго брака было ещё трое детей.

Его сын Пётр Лаврентьевич (1871–1914) был не только одним из самых уважаемых, но и одним из немногих грамотных людей в селе Поллом. Он обучался в Глазовском уездном училище, после чего поступил в писцы к мировому судье, потом был письмоводителем у земского начальника. В 1893–1905 гг. служил писарем в Полломском волостном управлении. В 1905 г. был избран делопроизводителем строительной комиссии Озоно-Чепецкого сиротского приюта; спустя два года его утвердили в звании почётного старшины приюта. В 1909 г. был произведён за выслугу лет в коллежские регистраторы. Скончался П. Л. Есипов от туберкулёза [66, с. 130].

Супруга П. Л. Есипова Анна Николаевна была дочерью псаломщика. Она была хорошей хозяйкой, грамотной и культурной женщиной. Родители учили детей доброму и отзывчивому отношению к людям, стремились привить им любовь к литературе. С самых ранних лет они приобщали своих детей к книге и чтению газет и журналов, пробуждали у них интерес к знаниям, к учёбе. Часами просиживал Пётр Лаврентьевич с детьми в волостной библиотеке. В семье все трое детей умели хорошо читать ещё до школы. У Бориса бы-

ли младшие брат Аркадий (1899–1919) и сестра Ангелина (1902–1916) [24, с. 1116].

Первые годы учёбы Бориса прошли в Поломской четырёхгодичной начальной школе, открытой Глазовским земством по реформе 1864 г., осуществлявшейся под влиянием революционно-демократического движения «шестидесятников», требовавших улучшения качества народного образования. Земские школы отличались, как правило, значительно лучшей, по сравнению с министерскими и церковными училищами, организацией обучения и воспитания; туда, прежде всего, шли работать передовые учителя [71, с. 4]. Из присылаемой земством бумаги дети сами шили тетради, учились переплетать книги, благоустраивали сад в центре села [50, с. 50].

Первым учителем Бориса был Федосий Александрович Попов, образованный и гуманный человек. Он стремился заинтересовать своих учеников решением интересных задач, использовал учебники разных авторов, побуждал детей к соревнованию в учебной работе. Большое внимание уделял он развитию устной и письменной речи: заставлял учащихся писать изложения-пересказы небольших статей, а потом и целых книжек.

Борис Есипов окончил школу с похвальным листом, и поступил в 1905 г. в Глазовскую мужскую гимназию, открытую в 1904 г. Здесь ему больше других запомнился учитель Окулов, создавший в гимназии очень хороший для того времени кабинет физики, и широко использовавший в работе метод физического эксперимента. Он выписал динамо-машину: сколько было радости и восторга у гимназистов, когда на одном из гимназических балов зажглись первые в городе электрические лампочки [24, с. 116–117]!

После окончания гимназии в 1913 г. перед Борисом встал вопрос, продолжать ли учебу дальше. Отец, в последние годы служивший волостным писарем в селе Дебессы, заболел туберкулезом (от этой же болезни умерла и сестра Бориса Ангелина). Материальное положение семьи стало трудным. С ранних лет познав нужду, Борис уже с шестого класса, с пятнадцати лет, жил на свои средства, занимаясь репетиторством. В гимназические годы он увлекался изучением истории и литературы. Интерес к этим наукам повлиял на выбор факультета при поступлении в университет [71, с. 4].

С 1913 г. Есипов – студент словесного отделения историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Вместе с демократически настроенным товарищем-глазовчанином Иваном

Поповым, сыном учительницы из Вятки, он снимает комнатку на Васильевском острове. В университете было еще шесть земляков, и они образовали «глазовское землячество»: вместе искали подработку, встречались в свободное время, обсуждали политические вопросы, которые становились всё более жгучими и актуальными [66, с. 131]. Борис берётся за учебу страстно. Но вот печальная весть из дому: умирает отец. Мать переезжает в Глазов, устраивается на службу заведующей общежитием женской гимназии, а затем смотрительницей больничного корпуса. Хотелось всё бросить и ехать к матери, но она пишет Борису ободряющие письма и просит его не бросать учёбу [71, с. 5].

Годы учения в университете были для Бориса Есипова одновременно и годами самостоятельного педагогического труда, и временем формирования мировоззрения, политических взглядов и убеждений, основы которых были заложены ещё в Глазове. Хотелось разобраться в противоречиях политических событий. Борис и Иван читают и конспектируют работы Плеханова, Ленина, Маркса, Энгельса. Постепенно в среду студентов проникают большевистские идеи.

С началом империалистической войны обнажаются социальные противоречия, общество резко поляризуется и политизируется. Друзья-глазовчане уходят с головой в гущу политических событий. Одна сходка сменяется другой. Университет бурлит. Студенты спорят о будущем России, выдвигают требования. Особое возмущение у них вызвало известие об угодническом выступлении профессора университета Косоротова в Киеве на печально известном, прогремевшем на всю Россию «деле Бейлиса» (еврея Бейлиса бездоказательно обвинили в ритуальном убийстве русского ребёнка). Войдя в аудиторию, где Косоротов читал лекцию, студенты бросили в него камень. Была вызвана полиция, которая оцепила собравшуюся толпу. У всех студентов, а их было 184 человека, отобрали студенческие билеты, дававшие право на вход в здание университета. Через несколько дней их вызвали к попечителю учебного округа Прутченко. Есипова, вместе с другими «бунтовщиками», исключили из университета, правда, всего на две недели [24, с. 117].

На жизнь Борис зарабатывал не только репетиторством. Согласно сохранившемуся удостоверению от 2.09.1916 г. он во время войны состоял на службе в Петроградской исполнительной комиссии по продовольствию. Его работа состояла в том, что в составе специальной комиссии он командировался в продуктовые лавки для предотвращения спекуляции, говоря официальным языком, — «для надзора за правильным производством торговли» [66, с. 132].

Несмотря на все трудности, молодость брала своё. 8 января 1916 г. в Благовещенской церкви Василеостровского района Петрограда Борис Есипов обвенчался с глазовской учительницей Юлией Ивановной Агафоновой (1891–1930). Н. Б. Есипова, их дочь, вспоминала: «Отец как-то рассказывал мне, что Юля, моя мама, была девушкой с большим чувством юмора. Обряд венчания и вид батюшки её развеселили, да ещё в присутствии весёлых молодых друзей. На неё “напал смех”, и священник чуть было не отказался их венчать. Но всё обошлось хорошо; она взяла себя в руки и извинилась перед батюшкой» [24, с. 118].

1917 год. Февральская революция. Занятия в университете прекращаются. Проводится запись в народную милицию. Борис вместе с друзьями целыми днями дежурит на Васильевском острове, «снимает» с крыш городских. Вечером 3 апреля революционная столица встречает В. И. Ленина на Финляндском вокзале. Борис видит вождя на броневике, напрягает слух, но, увы, стоит он слишком далеко от оратора, и улавливает лишь отдельные слова. А вот выступление Ленина с балкона особняка Матильды Кшесинской Есипов слышит отчетливо, до него доносится ленинский призыв «Да здравствует социалистическая революция!» [71, с. 5].

Летом 1917 года студенты-глазовчане всей компанией возвращаются домой. Они разъезжаются по селам уезда и принимают участие в установлении Советской власти. Борис Есипов проводит эту работу в селах Полом, Зура, Игра.

На уездном съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Есипова избирают членом исполкома, и вводят представителем в коллегия земской управы. Эти органы старой власти существовали в Глазовском уезде до марта 1918 г., а затем уездный исполком ликвидировал их, и хозяином в городе стал горсовет. Был организован уездный совнархоз, председателем которого стал А. И. Казаков, а секретарем – Б. П. Есипов [24, с. 118].

В июне 1919 г. Есипову поручают возглавить школьный отдел Глазовского уездного отдела народного образования. С того времени он все свои знания, способности и энергию отдаёт делу строительства новой школы. Глазовские учителя-энтузиасты, и, прежде всего, Есипов, готовят школьную реформу в своём уезде. Воодушевлённые решениями первых всероссийских учительских съездов они осуществляют осенью 1918 г. в Глазове и Глазовском уезде первые шаги по замене старой школьной системы новой. Есипов по собственной

инициативе составляет учебные планы для школ первой и второй ступеней, разрабатывает программы по тем предметам, которые вводились впервые, а именно программы по ручному труду, физической культуре, музыке и пению, рисованию и графике. Подготовленные материалы после утверждения коллегией отдела народного образования распространялись в городских и сельских школах уезда.

Одновременно Есипов работает учителем истории в школе II-й ступени г. Глазова, оказывает большую методическую помощь учителям, содействует развитию ученического самоуправления и становлению школьных советов. Эти новые, прогрессивные элементы школьной жизни тогда только ещё пробивали себе право на жизнь. Позднее они были загублены и с большим трудом возрождаются в наши дни.

Заведующий уездным отделом народного образования Н. Шубин писал в характеристике: «Б. П. Есипов за время своей службы в отделе проявил себя как весьма добросовестный и бескорыстный работник. Он обнаружил достаточную способность к инициативе и руководству» [66, с. 133].

В соответствии с решением государственной комиссии по просвещению от 27 февраля 1918 г. Глазовский УОНО Б. П. Есипов вёл подготовку к выборам учителей и работников народного образования. Политическая необходимость этих выборов состояла в том, что к тому времени далеко не все учителя встали на сторону Советской власти, поэтому нужно было провести отбор, «чистку».

Это было вполне в духе того времени. Подобные чистки проводились и в вузах, как среди преподавателей, так и среди студентов. Более всего опасался Есипов того, как бы понапрасну не обидеть честных, порядочных педагогов. Глазовский педагог Валентина Георгиевна Боброва, занимавшаяся изучением педагогического наследия Б. П. Есипова, обнаружила в Государственном архиве Кировской области «особое мнение» Б. П. Есипова – приложенный к протоколу № 4 заседания Глазовского совета народного образования от 18 августа 1918 г. листок, где записано: «Я не считаю возможным голосовать сразу за все предложения. Полагаю, что мотивы отвода должны быть приведены и обсуждаемы в совете в отношении каждого отведённого кандидата по отдельности...» [50, с. 51].

Весной 1919 г. на город Глазов наступала белая армия. Колчаковцы занимали город в течение нескольких месяцев. Советские учреждения эвакуировались; Есипову вместе с сотрудниками было предписано отправляться в г. Слободской Вятской губернии, что он и

сделал. Его мать, жена и дочка Лена, которой не было и года, вынуждены были отправиться в г. Тамбов. Спустя два месяца Есипов добился перевода в Тамбов, а оттуда все вместе отправились в г. Кирсанов, где Борис Петрович устроился лектором в политпросвет военкомата.

Уже летом 1919 г. Глазов был освобождён от белогвардейцев, и Есипов был вызван туда телеграммой Глазовского УОНО. В ней указывалось: «Просим содействия по немедленному возвращению Есипова и Ушакова для восстановления работы в освобождённом пострадавшем уезде. Крайне нуждаемся в этих ответственных работниках» [24, с. 119].

Семья вернулась в Глазов в августе 1919 г. Всех этих мучений Гражданской войны, связанных с бесконечными переездами, холодом и голодом, не выдержала дочка. Другой жертвой стал брат Аркадий, погибший ещё в апреле 1919 г. Он был разведчиком 29-й стрелковой дивизии 3-й армии Восточного фронта Красной армии. Знающий удмуртский язык он был оставлен в числе других коммунистов в Глазове для связи с партизанами и для проведения подпольной работы в тылу колчаковцев. Аркадия узнали бывшие соученики по гимназии и выдали колчаковской контрразведке. Он был расстрелян на станции Кез... [66, с. 134].

Находясь в самой гуще школьной жизни провинциального уезда, сам сильно нуждаясь, Борис Петрович видел, как тяжело положение учительства. Он пишет длинное взволнованное письмо Председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленину. Письмо было отправлено 28 декабря 1920 г., а спустя несколько дней Глазовский уисполком был уведомлен управляющим делами Совнаркома о том, что письмо на имя В. И. Ленина получено, и в копиях разослано наркому просвещения т. Луначарскому, его заместителю т. Литкенсу, зав. отделом внешкольного образования т. Крупской, Президиуму ВЦИК и в редакции газет «Правда» и «Беднота» [71, с. 6].

Есипов писал в письме о положении дел в школах далёкой от столицы провинции. Приведём несколько выдержек из этого письма: «Нужно откровенно признать, что в этой области (в школах. – В. П.) дела обстоят неблагополучно. Не надо успокаивать себя “возвышающей нас ложью”, хотя бы подчас и бессознательной, хотя бы подчас и внушённой нам несоответствующими действительности цифрами... Количество школ 1-й ступени не увеличилось, а сократилось, хотя по спискам школ, быть может, значится и больше, чем их было раньше, но функционирующих школ – меньше. Много школ закрыто по сле-

дующим причинам: 1) из-за отсутствия школьных работников (некоторые из бывших школьных работников очутились на “незаменимых” местах и в “забронированных” ведомствах, в которых выдаются всевозможные пайки), значительная часть школьных работников в армии, значительная часть переведена на дошкольную, внешкольную или на работу в детских домах, значительная часть выехала продолжать свое образование; 2) из-за отсутствия ремонта (ибо нет ни гвоздей, ни рабочих рук, ни кирпича, ни пакли); 3) из-за отсутствия топлива... Посмотрите, что делается в функционирующих школах. Одна учительница занимается обычно в деревянной школе с двумя отделениями (а иногда с тремя и даже с четырьмя). Можно было бы сносно заниматься и с двумя группами, но абсолютное отсутствие бумаги, перьев, карандашей заставляет всю работу вести впустую...» [50, с. 52].

Центральная фигура в школе, как известно, учитель. Глубоким сочувствием к его незавидному положению пронизаны размышления автора: «Кстати, кто посмеет сказать, что следующее положение справедливо: писец и рассыльный в лескоме или упродкоме или в военкомате получает паёк; их работа лёгкая, не ответственная, продолжается определённое количество часов, спокойная. Учитель, работа которого сопряжена с усиленным утомлением нервной системы, продолжается неопределённое количество часов в день, работа которого в высшей степени ответственна, учитель, которого посылают всюду и везде, с лекциями, с агитацией, с пропагандой, с переписью... – получает 18 фунтов муки и больше ничего. Ничего больше» [50, с. 52].

«Нам не построить социалистического государства, – делился своей озабоченностью молодой педагог, – до тех пор, пока на вопросы народного образования, в частности на школьное дело и положение учительства, не установятся иные взгляды, пока органы власти, а также экономические органы не придут на помощь самым серьёзным образом» [50, с. 52].

Как созвучны эти строчки известным ленинским словам о том, что в нашем обществе учитель должен быть поставлен на такую высоту, на какой он не может стоять в буржуазном обществе. (Но до сих пор, увы, так и *не стоит!*) [24, с. 121].

С волнением держал Борис Петрович маленькую четвертушку бумаги, ответ Ленина. В левом углу – оттиск «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Управление делами СНК. Москва. Кремль. Января 5, 1921 года».

11 января 1921 г. письмо Б. П. Есипова в виде статьи под названием «А этот фронт всё ещё забыт» без сокращений публикуется в

«Правде». В этом же месяце публикуется и отклик – «О школах и учителях», написанный видным государственным деятелем Ю. Лариным (Лурье), кстати, тестем Н. И. Бухарина. Наконец, Президиум ЦК союза работников просвещения в газете «Известия ВЦИК» (номер от 12 февраля 1921 г.) пишет, ссылаясь на статьи Есипова и Ларина, что в них «совершенно правильно отмечается, что большая часть очень хороших постановлений, касающихся дела просвещения в республике действительно “не исполнена” и намечает ряд мер для проведения их в жизнь [66, с. 136].

Постепенно Б. П. Есипов приобретал практический опыт работы, но, в то же время, он остро ощущал нехватку теоретических познаний в области педагогики. В богатых, хорошо оснащённых, библиотеках мужской и женской гимназий он обнаружил залежи дореволюционных журналов, в том числе педагогических: «Свободное воспитание», «Русская школа», «Вестник воспитания», а также произведения К. Д. Ушинского, В. Я. Стоюнина, В. И. Водовозова и других выдающихся русских педагогов. Подолгу простаивает он у стеллажей, постепенно открывая для себя науку Педагогику.

Вскоре по его инициативе основные фонды библиотек обеих гимназий были объединены в единую городскую библиотеку. По существу, это была специальная педагогическая библиотека, ставшая своего рода центром педагогической мысли уезда. Вокруг неё объединяются учителя, которые приезжают сюда на курсы, слушают лекции, обсуждают школьные дела. Б. П. Есипов, естественно, главный организатор и исполнитель, душа всех этих полезных начинаний. Очень скоро одних устных докладов на педагогические темы ему становится недостаточно. Он пишет статьи в газету «Известия Глазовского уисполкома Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», редактирует журнал «Просвещение» – орган издания Глазовского УОНО. Правда, журнал существовал недолго, и с отъездом Б. П. Есипова на работу в Ижевск в августе 1922 г. прекратил существование [24, с. 122].

В столице Удмуртии создаётся областной отдел народного образования, и Есипов назначается на должность заведующего подотдела социального воспитания. Здесь в его функции входят не только вопросы школьного обучения, но и дошкольного воспитания, охраны прав детей, организации опытно-показательных учебно-воспитательных учреждений и многие другие. Кроме того, он одновременно заведует учебной частью рабфака и преподаёт историю и политграмоту

в школах второй ступени, развёртывает подготовку и проведение в школах города реформы образования и внедрение комплексных программ и планов ГУСа (Государственного Учёного Совета при Народном комиссариате просвещения РСФСР), работает над составлением учебных планов и программ для школ I и II ступени. Он активно участвует в работе областных съездов Советов рабочих и крестьянских депутатов, читает доклады и лекции на учительских курсах, конференциях, редактирует бюллетень отдела народного образования [66, с. 136–137].

В мае 1920 г. в семье родилась дочь Наташа. В августе 1923 г. начинается новый этап в жизни педагога: по решению коллегии Народного комиссариата просвещения (далее – НКП) его переводят в Москву, в отдел единой школы Главсоцвоса на должность инспектора-методиста [17, с. 199]. Он становится членом научно-педагогической секции Государственного Ученого Совета (ГУС). Б. П. Есипову довелось работать совместно с такими видными деятелями народного образования и педагогической науки, как Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, П. П. Блонский, С. Т. Шацкий, М. М. Пистрак и др.

Особо значимой вехой на научном и жизненном пути Б. П. Есипова стала совместная работа с Н. К. Крупской, возглавлявшей в то время научно-педагогическую секцию ГУСа. В статье «Что нам давало общение с Надеждой Константиновной Крупской», опубликованной в журнале «Советская педагогика» (1964, № 2) Есипов вспоминает, что его знакомство с Н. К. Крупской состоялось осенью 1923 г. «Мною, – писал Б. П. Есипов, – тогда была написана большая статья “Очерк жизни массовой школы в 1922–1923 гг.”» [24, с. 123]. Вскоре Н. К. Крупская пригласила Б. П. Есипова на работу в свою секцию, где он занимался, в основном, составлением учебных планов и программ для школ, подготовкой съездов и конференций работников народного образования.

Н. К. Крупская, по воспоминаниям Б. П. Есипова, пользовалась огромным уважением и непререкаемым авторитетом среди рядовых работников НКП; по выражению А. В. Луначарского, она была его душой [24, с. 123].

В уже упоминавшихся воспоминаниях Б. П. Есипов писал: «Настроение какого-то особенного творческого подъема чувствовалось на заседаниях Пленума Научно-педагогической секции, проводившихся под руководством Надежды Константиновны. Это, собственно говоря, были не заседания, проводимые по строгим организационным

правилам, а беседы и дискуссии по актуальным вопросам теории педагогики и практики школьной работы». По воспоминаниям Б. П. Есипова, Н. К. Крупская была требовательным руководителем, не терпела халтуры в работе, приблизительности и неточностей. В разговоре она пользовалась оружием иронии и сарказма. Например, имея в виду многочисленные повторы в проекте школьной программы 1926 г., она характеризовала ее следующим образом: «Жвачная программа вышла». О программе для педучилищ 1939 г. она выразилась так: «Читая эту программу, учителя умрут от икоты, потому что через каждый абзац “руководящая роль учителя”» [24, с. 123].

Поддерживая всё передовое, Надежда Константиновна умела и достаточно сурово критиковать за ошибки. Как-то раз «попало» и Есипову. У Бориса Петровича хранилось одно из писем Крупской, которое было написано по поводу его отчёта о поездке в село Детчино Калужской губернии. Н. К. Крупская писала: «Тов. Есипов – скажу откровенно; Ваши записки произвели на меня самое тяжёлое впечатление. Вы инспектор-методист. Вы добросовестно отметили, как в какой школе стоит дело с техникой письма и счёта, какая у ребят посадка, как долго продолжают упражнения. Тут у Вас конкретный материал. Об остальном же – сказано туманно...» [24, с. 123]. Дальше шёл длинный перечень вопросов. Надежду Константиновну не удовлетворяли отрывочные сведения, «изолированные от всей окружающей действительности». «Это письмо было для меня большим уроком», – вспоминал Борис Петрович [24, с. 123].

Проще всего Есипову было бы уничтожить это письмо и, тем самым, скрыть сам факт отрицательной оценки, некогда данной ему Крупской по такому, в сущности, совершенно незначительному поводу. Однако учёный поступил так, как велела ему совесть. Он понимал, что для истории представляет ценность каждый факт, связанный с деятельностью Крупской, а потому рассказал обо всём этом в своих воспоминаниях. Само же письмо он передал для включения в первое издание педагогических сочинений Н. К. Крупской (см. том 11, с. 288–289). Кстати, во второе издание сочинений Крупской, вышедшее уже *после смерти Есипова*, это письмо не вошло, что доказывает незначительность самого факта, по которому оно было написано [24, с. 123–124].

Люди, близко знавшие Б. П. Есипова, как раз исключительно высоко ценили его, причём не только как учёного, но и как гражданина. Так, Э. И. Моносзон рассказывал в своих воспоминаниях о том,

что в 1952 г. по ложному доносу был арестован и заключён в Бутырскую тюрьму академик Федор Филиппович Королёв, крупный ученый и организатор педагогической науки. «Вина» его заключалась в том, что он в частном разговоре высказал своё мнение по поводу некоторых работ Сталина. Следствие продолжалось около десяти месяцев. Свидетельские показания были получены от ряда научных сотрудников, сослуживцев Королёва. Они давали уклончивые, а то и «нужные» следствию показания о политическом облике Королева. И только один Есипов оказался честным и принципиальным человеком. На заседании военного трибунала он смело заявил: «Считаю Королёва преданным партии коммунистом, честным и самоотверженным. Ничего предосудительного в его поведении никогда не замечал».

Неизвестно, как кончилось бы всё это для Королёва, да и для Есипова тоже, но вскоре последовала смерть Сталина. А спустя некоторое время суд полностью оправдал Королева. Впоследствии оба, и Есипов, и Королёв, ещё около 30 лет плодотворно трудились во благо педагогической науки [24, с. 124].

И ещё один характерный эпизод из жизни Б. П. Есипова. Лишь в 1948 г., в 54 года, он вступил в ВКП(б). Коллеги удивлялись, узнав, что он столько лет работает в НКП на номенклатурных должностях, будучи беспартийным. Близким людям он говорил, что он не во всём согласен с политикой партии, и в качестве аргумента приводил судьбу своего друга и сослуживца по работе в НКП Оттона Людвиговича Бема. Семьи Бема и Есипова дружили. В 1937 г. О. Л. Бем был арестован, объявлен «врагом народа» и расстрелян. Впоследствии он был, конечно, реабилитирован, но, увы, посмертно [66, с. 140].

Между прочим, О. Л. Бем начинал свою карьеру в народном образовании в Вятке, где работал в губернском отделе народного образования. Именно он содействовал ректору Вятского пединститута Н. А. Дернову в присвоении институту имени В. И. Ленина. Бем и прислал в Вятский губком партии известную телеграмму: «Владимир Ильич согласие на именование пединститута его именем дал = наркомпрос №8638 = завглавсоцвосом Бем»... [24, с. 124].

Работая в аппарате НКП, Б. П. Есипов возглавил научно-исследовательскую группу по проблемам начальной школы. Он руководил широкомасштабными исследованиями по изучению и анализу процессов обучения и воспитания.

Есипов не был кабинетным учёным. Он и его сотрудники постоянно бывали в школах. Памятной для него была поездка в Магнито-

горск, по итогам которой вышли статьи «О школах-новостройках», «Магнитогорцы в борьбе за политехническую школу». С 1928 г. Б. П. Есипов работал в Институте методов школьной работы, в Программно-методическом институте, в Высшем коммунистическом институте педагогики, в Институте начальной школы. Всё это были прообразы современных научно-исследовательских институтов АПН РСФСР (АПН СССР), ныне РАО.

Постепенно определяется центральная проблема его научных поисков: проблема совершенствования урока. В 1932 г. выходит его книга «О качестве урока в начальной школе». Несколько лет посвятил он вопросу обобщения передового педагогического опыта. Итогом этой работы стала успешная защита кандидатской диссертации на тему «Процесс обучения в начальной школе в опыте лучших учителей» (1938) [71, с. 8].

Ещё до защиты диссертации Б. П. Есипов стал в 1934 г. доцентом кафедры педагогики Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Вплоть до начала Великой Отечественной войны он заведует кафедрой педагогики института усовершенствования учителей. В соавторстве с профессором Николаем Кирилловичем Гончаровым он пишет первый в нашей стране учебник по педагогике для педучилищ, выдержавший пять изданий и переведённый, как и многие другие книги Б. П. Есипова, в социалистических странах [71, с. 8].

Н. Б. Есипова вспоминала об этом времени в письме к автору монографии: «В Москву из Глазова мы выехали вчетвером: папа, мама, я и бабушка Анна Николаевна. Мама часто болела, а папа почти всё время работал, как он сам выражался, – “читал, писал, читал, писал”. Книги были его страстью. Очень интересовался кибернетикой, и собрал много книг по этой тематике, хотя эта наука ещё не была очень популярна в то время. Жили мы в огромном доме бывшего акционерного общества “Россия”, который занимал целый квартал со всех его четырёх сторон. Он тянулся по Сретенскому бульвару. Наш подъезд был на Милютинском переулке (позже – улица Юлиана Мархлевского). У нас были две смежные комнаты в большой коммунальной квартире. Мебели почти не было. Отчётливо помню, как мы сидим перед печуркой – “буржуйкой”. В комнате темно, нас освещают горящие полешки. Жестяная труба тянется в форточку. Рядом со мной соседская девочка Рая. Бабушка что-то рассказывает. Мы сидим на низеньких скамеечках. У окон стоят лавки, покрытые тканью из

лоскуточков. Мама умерла в 1930 г. Второй раз папа женился через три года. Его вторая жена, – я её называла “тётя Шура”, – Александра Ильинична Воскресенская внешне была похожа на мою маму, но только внешне. Она была намного твёрже и практичнее в жизни. В возрасте 70-ти лет она защитила кандидатскую диссертацию. “Пусть это будет итогом моей жизни”, – говорила она. Отец и Александра Ильинична жили дружно. Она заботилась о нём, стремилась создать ему хорошие условия для такой напряжённой работы, которой он был занят всю жизнь. После Сретенского бульвара, когда папа женился второй раз, мы съехались с Александрой Ильиничной и её дочерью Ирой, и жили на Цветном бульваре. Наконец, в начале 1950-х гг., отцу дали хорошую квартиру на Новопесчаной улице. К тому времени Ира вышла замуж, у неё появились дети; жива была бабушка Анна Николаевна. Так все вместе и жили» [66, с. 141–142].

Лето обычно проводили на родине Александры Ильиничны в г. Корчеве на Волге. Там жили её мать и сестра. Потом этот город оказался затопленным при прокладке канала Москва-Волга. Однако удалось перевезти родительский дом в Конаково, который славился знаменитой «кузнецовской» фабрикой фаянсовой посуды, но был тогда небольшим поселком. Дом стоял на окраине поселка, на берегу Волги. В 1939 г. Наташа с отцом и «тётей Шурой» ездили в Домбай, который был тогда ещё совсем диким; поднимались на ледник, прошли всю Сванетию, перевалили Кухорский перевал и спустились к Сухуми. Летом 1941 г. Наташа уехала из Москвы к тёте в Иркутск доучиваться в институте; потом она работала в Бурятии, Карелии, пока, наконец, не осела с семьёй в Вологде [66, с. 142].

В июле 1941 г. в 47лет Есипов уходит добровольцем на фронт в составе дивизии народного ополчения. Ранее он никогда не был на действительной военной службе, поэтому можно представить, какие трудности ему пришлось перенести. На фронте Есипов встретил своего бывшего студента, который был командиром подразделения, и он взял Бориса Петровича в свои связные. Для выполнения обязанностей связного ему дали небольшую лошадку. Когда он садился верхом, ноги доставали до земли (Есипов был высокого роста). Во время боев под Нарофоминском в декабре 1941 г. Б. П. Есипов был ранен в руку. В ожидании помощи он долго пролежал на снегу и отморозил ноги.

Госпиталь в г. Прокопьевск Кемеровской области... Но и здесь он остаётся педагогом, воспитателем. Сохранился документ, в котором записано, что народный ополченец Б. П. Есипов во время своего

пребывания на излечении в госпитале активно участвовал в проведении культурно–просветительной и воспитательной работы, проводил политзанятия среди раненых бойцов, читал лекции [71, с. 8].

Снова Москва. Приглашение на работу в НКП в 1942 г. В ноябре 1943 г. образуется Академия педагогических наук РСФСР (с 1966 г. – АПН СССР, с 1992 г. – РАО). Со времени основания Академии и до своей скоропостижной кончины от инфаркта 21 февраля 1967 г. Б. П. Есипов работает в её составе. Он стоял у истоков организации НИИ теории и истории педагогики и прошёл в этом институте путь от старшего научного сотрудника до директора. Руководил также сектором дидактики, был заместителем директора по научной работе [24, с. 127].

Накопленный богатый педагогический опыт Б. П. Есипов стремился передать всем педагогам. Его книги, не говоря уже о многочисленных брошюрах и статьях, выходили одна за другой: «Урок в начальной школе» (1944), «Воспитание мышления у учащихся в процессе обучения» (1946), «Анализ урока» (1947), «Активизация мышления учащихся в процессе обучения» (1949), «Организация и воспитание коллектива школьников в свете учения А. С. Макаренко» (1956). Первая из перечисленных книг была издана в Югославии в 1946 г. издательством «Просвета» (Белград) тиражом двадцать тысяч экземпляров под названием «Элементарная дидактика». Это была вообще одна из самых первых книг, выпущенных в этой стране после войны [71, с. 8].

Тем не менее, все эти и некоторые другие работы охватывали отдельные частные вопросы обучения учащихся. Настоятельно ощущалась необходимость создания фундаментального труда, обобщающего различные стороны теории обучения. В соавторстве с профессором Михаилом Александровичем Даниловым Есипов приступает к написанию такой работы. Для того, чтобы полностью отдаться науке, он просит освободить его от должности директора института, и с 1955 г. он переводится на должность заведующего сектором дидактики. В 1957 г. выходит «Дидактика», где Б. П. Есипов выступает как автор четырёх глав и редактор всей книги. Годом ранее выходит учебник по педагогике для пединститутов (под редакцией министра просвещения РСФСР, президента АПН РСФСР Ивана Андреевича Каирова), в котором Есипов выступает как автор нескольких глав. В 1962 г. выходит ещё одна серьёзная монография «Самостоятельная работа учащихся на уроках», за которую Б. П. Есипов удостоивается второй премии АПН РСФСР [66, с. 143].

В последние годы жизни учёный возглавлял сектор основ дидактики. Последняя его работа «Основы дидактики» (1967), вышедшая вскоре после смерти автора до сих пор остаётся наиболее авторитетным трудом в этой области педагогики. Выход этой книги, в которой Есипов выступал в качестве редактора и автора важнейших глав, стал событием в отечественной педагогической науке. Заложенные в ней плодотворные идеи до сих пор в значительной мере определяют развитие современной дидактики. До сих пор «в строю», нужны педагогам и многие другие его работы.

«Долговечность» научных работ Б. П. Есипова отчасти объясняется и тем, что основная область его педагогических исследований — дидактика — практически не подвержена политической конъюнктуре, и не зависит от идеологических разногласий, чего, конечно, не скажешь о теории и практике воспитания. Вот почему его работы широко известны и за рубежом, на них до сих пор ссылаются, в частности, польские учёные Винценты Оконь и Чеслав Куписевич, другие зарубежные исследователи. Основные труды Б. П. Есипова не раз переиздавались в ряде стран. Появлялись в зарубежной прессе его статьи, например, в итальянском журнале «Проблемы педагогики» («Принципы воспитания и обучения в советской школе», 1956), в «Ежегоднике Лондонского университета» («Проблемы содержания образования в средней школе СССР», 1957) и др. [71, с. 9].

Бориса Петровича 11 раз направляли в зарубежные командировки с целью изучения зарубежного опыта, а также для чтения лекций и оказания методической помощи. В послевоенные годы он организовал лабораторию по изучению педагогического наследия А. С. Макаренко, труды которого считал высшим достижением отечественной педагогической науки. В то время многие труды Антона Семёновича ещё не были изданы и хранились его вдовой Галиной Стахивной Салько (Макаренко) на квартире. Итогом скрупулезной работы Б. П. Есипова и его сотрудников стало издание семитомного собрания сочинений великого советского педагога. Завершено оно было в декабре 1952 г., одновременно с выходом собрания сочинений К. Д. Ушинского, что символизировало преемственность творческих исканий двух замечательных учёных и их последователей [24, с. 128].

Признанием больших заслуг Б. П. Есипова стало присуждение ему в 1963 г. учёной степени доктора педагогических наук без защиты диссертации, по совокупности научных работ. Вскоре ему было присвоено звание профессора. А ещё раньше, в 1950 г. он был избран

членом-корреспондентом АПН РСФСР, причём одновременно с А. И. Есиповой-Воскресенской (1890–1966), которая тогда была учителем русского языка и литературы женской средней школы № 175 г. Москвы. Выпускница епархиального училища, Александра Ильинична проработала в школах Москвы с 1922 г. по 1951 г., была заслуженным учителем школы РСФСР (1947), кандидатом педагогических наук (1960). Миллионы советских школьников 1930–1960-х гг. пользовались её «Букварем», «Прописями для 1–3-х классов», «Азбукой» (для обучения детей шестилетнего возраста в семье), «Азбукой в картинках» и другими учебными книгами, выдержавшими множество изданий. Работая ряд лет учителем начальных классов, она проводила большую экспериментальную работу по обучению детей-«шестилеток» в старших группах детского сада и, тем самым в определённой степени как бы способствовала принятому впоследствии решению о переходе на обучение детей с шестилетнего возраста. За свой труд А. И. Есипова-Воскресенская была награждена орденом Ленина. Она скончалась 1 мая 1966 г. [66, с. 146].

Б. П. Есипов вёл большую редакторскую работу. В течение одиннадцати лет он был заместителем редактора журнала «Начальная школа», несколько лет – редактором журнала «Советская педагогика». Он был членом редколлегии фундаментального четырехтомного труда «Педагогическая энциклопедия», вышедшего в 1960-е гг. Под его руководством были защищены пятнадцать докторских и кандидатских диссертаций [24, с. 129]. Сотрудники Б. П. Есипова Николай Иванович Болдырев, Эле Исаевич Моносзон, Ольга Сергеевна Богданова и Валентина Васильевна Мерцалова вспоминали, что Борис Петрович был требовательным и, в то же время, очень доброжелательным научным руководителем.

Б. П. Есипов был заместителем председателя экспертной комиссии по педагогическим наукам при ВАК СССР, членом научно-методического совета по педагогике высшей школы при министерстве высшего образования СССР. Есипов был талантливым популяризатором науки: пятнадцать лет он возглавлял педагогическую комиссию при Президиуме Всесоюзного общества «Знание». Он был членом редакционно-издательского совета АПН СССР, членом комиссии по присуждению премии имени К. Д. Ушинского, членом ряда диссертационных советов. Был награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени, несколькими медалями, в том числе «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медалью К. Д. Ушинского [24, с. 146].

Не забывал Б. П. Есипов и родные места. Неоднократно, даже в последние годы жизни, например, в декабре 1965 г., приезжал он в Глазов и Киров. В Глазове как раз отмечалось 25-летие со времени открытия пединститута. Встречался с преподавателями и студентами пединститутов, с учащимися интернатов. Особенно рад бывал встречам с учителями. Б. П. Есипов писал в своей автобиографии: «На протяжении всей своей работы я старался стоять ближе к учительству...» [66, с. 148].

В 2018 г. московское издательство «Вече» выпустило книгу автора данной монографии под названием «100 великих педагогов». Среди этих ста великих педагогов – и Борис Петрович Есипов.

V. ПЕРВЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ (А. И. КОНДАКОВ, В. А. ПЕТРОВ)

В первые годы Советской власти в народном образовании России с особой силой проявило себя стремление местных деятелей просвещения к осуществлению новых, инновационных форм и методов работы. Новизна и новаторство проявляли себя в реализации ранее не только никогда не применявшихся в отечественной школе методов обучения (дальтон-план, бригадно-лабораторный метод, метод проектов и др.), но и в необычных организационно-административных нововведениях, таких как *школьные коммуны* и *школьные городки* (далее – ШК и ШГ). Количественно их было сравнительно невелико, но их деятельность оставила яркий след в истории отечественного образования.

Увлечённые реформами видные деятели НКП РСФСР (Н. К. Крупская, С. Т. Шацкий, П. П. Блонский, М. М. Пистрак и др.) не только проявляли интерес к этой опытно-экспериментальной работе, и, по возможности, поддерживали провинциальных энтузиастов, но некоторые из них и сами создавали необычные учебно-воспитательные учреждения. Так, С. Т. Шацкий ряд лет руководил Первой опытной станцией НКП, включавшей в себя целую совокупность организаций для детей и взрослых.

С целью реализации «Положения об единой трудовой школе РСФСР», утверждённом на заседании ВЦИК РСФСР 30.09.1918 г., в ряде российских городов, посёлков и сёл были организованы инновационные учебно-воспитательные учреждения НКП, а именно опыт-

но-показательные ШК и ШГ. В 1919 г. в России было 27 ШК, в 1920–1921 гг. – около ста, в 1923 г. – 178 [65, с. 66].

ШК и ШГ, в отличие от обычных школ, представляли собой комплексы, состоявшие обычно из детских яслей, детского сада, детского дома (для детей-сирот) и школ I и II ступени, а также интерната. Интернаты предназначались для детей из отдалённых сёл и деревень, которым было слишком далеко каждый день приходить из дома в школу и обратно. Были ещё так называемые *детгородки* (детские городки), представлявшие собой учреждения исключительно для детей-сирот, но таких заведений было совсем немного. Имущество у ШК и ШГ было общим, также как педагогический состав и руководство. Открывались они, преимущественно, там, где имелись фермы или мастерские, с тем, чтобы использовать имевшуюся материальную базу для трудового воспитания и обучения детей. Рассматриваемые нововведения были не только результатом творческих исканий передовых педагогов того времени, но и средством борьбы с детской беспризорностью. Дети, оставшиеся без попечения родителей, получали здесь приют и надлежащее воспитание. «Жизнь детской коммуны необходимо приблизить к семейной жизни, где мальчики и девочки различных возрастов чувствовали бы себя братьями и сестрами», – отмечалось в положении о Знаменской ШК Вятской губернии [83, л. 857].

Разница между ШК и ШГ была, преимущественно, в том, что фактически поначалу создавалась именно школа-коммуна, а затем, постепенно обрастая хозяйством, она становилась как бы небольшим «городком». Отсюда и название – *школьный городок*. Образ жизни в ШГ при этом продолжал оставаться коммунарским, поскольку все педагоги и дети жили вместе, питались «из одного котла», практически не расставались друг с другом. Отметим, что в вышеуказанном «Положении...» речь шла именно о школьных коммунах.

В развитии ШК и ШГ можно выделить два этапа. На первом этапе (1918–1925) руководством НКП в организационном плане, прежде всего, ставилась задача обеспечить детям приют и заботу. Указывалось и на необходимость выработки своего рода образцов педагогической работы по воспитанию у детей основ самоуправления, коллективизма, самостоятельности, активности и других полезных качеств. Отрабатывались формы и методы воспитательной и образовательной работы. Эти новые для того времени формы объединения детей и подростков являлись, с одной стороны, одним из важных средств борьбы с детской беспризорностью, а с другой – результатом

поиска новых, непроторенных путей в деле воспитания и обучения подрастающего поколения. На втором этапе (1926–1937) ШК стали называться трудовыми коммунами. В этот период особенно важное значение придавалось вопросам политехнизации образования, связи обучения и воспитания с производительным трудом.

В предлагаемом материале автор сосредоточивает внимание на характеристике деятельности некоторых ШК и ШГ в Вятской губернии в период 1918–1925 гг. В Вятской губернии были организованы ШК и ШГ в поселках Салобеляк, Знаменка, Турек, Истобенск, Халтурин, Митино, Макарье, Вожгалы, Советск, Уни (в поселке Уни ШГ включал в себя ещё и школу крестьянской молодежи). Детские городки были открыты в городах Котельнич и Слободской, а также в посёлке Залазна. Руководителем Знаменской ШК был уроженец Вятской губернии Анатолий Иванович Кондаков (1894–1979), кандидат педагогических наук, один из учредителей Академии педагогических наук РСФСР и первый директор её библиотеки. А. И. Кондаков написал ряд книг, в частности, об И. Н. Ульянове; она вышла двумя изданиями в СССР, а также в Чехословакии.

А. И. Кондаков был одним из пятнадцати учащихся первого набора Вятского учительского института (1914) и, соответственно, первого выпуска (1917). Его однокурсником был Владимир Александрович Петров (1892–1986), ставший одним из руководителей Митинского ШГ. Впоследствии Петров стал кандидатом педагогических наук, руководил Кировским областным институтом усовершенствования учителей, в 1950-е гг. был заведующим кафедрой педагогики Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Автор данной статьи в 1980-е гг. активно общался с В. А. Петровым и сыном А.И. Кондакова, доцентом Кировского и Самарского пединститутов Виктором Анатольевичем Кондаковым. В ходе наших бесед затрагивалась и тема деятельности Знаменской ШК и Митинского ШГ.

В конце 1918 г. по постановлению Яранского уездного исполнительного комитета в селе Знаменка, в 6 км от уездного центра Яранск, была создана первая в Вятской губернии ШК. Она располагалась на месте женской Мариинской двухклассной школы, существовавшей с 1897 г. при Знаменско-Мариинском женском монастыре и занимала здания и территорию монастыря. Фактически ШК приступила к работе в январе 1919 г. 1 октября 1918 г. в окрестностях Вятки создается

Митинский ШГ. Его руководителем был назначен Василий Васильевич Россов, председателем педагогического совета высшего начального училища при ШГ – Владимир Александрович Петров [84, л. 63].

В состав преподавателей входили также Алексей Иванович Прокашев, Ксения Семёновна Прокашева, Порфирий (Леонтьевич?) Дунец, Александр Александрович Чарушин, Софья Васильевна Шеромова, Татьяна Ивановна Николаева, Михаил Николаевич Решетников, Мария Николаевна Петрова, Мария Михайловна Литвиновская. В 1920 г. в г. Вятка на территории бывшей Мариинской женской гимназии появился I Вятский ШГ. С осени того же года процесс открытия школьных городков распространился на всю губернию. На местах стремились «вести разработку вопроса о единой трудовой школе не только теоретически, но и практически – путём экспериментального проведения в жизнь принципов новой школы» [83, л. 921]. Местная инициатива по открытию ШК и ШГ была узаконена выходом соответствующего распоряжения Президиума ВЦИК и НКП РСФСР. В распоряжении, в частности, отмечалось, что эти школы должны были «обслуживать детей участников войны, пострадавших от белогвардейщины» [85, л. 30].

23 сентября 1918 г. в яранской газете «Крестьянин-коммунист» появилось сообщение об образовании в селе Знаменка новой школы, которая, как указывалось, «будет представлять собой слияние высшего и начального училища с домоводческой школой. Кроме общеобразовательных предметов будет изучаться ведение сельского хозяйства и домоводство, ручной труд, искусство. Все учащиеся и учащие должны быть единой трудовой семьей, живущей под единым кровом, собственными силами добывать и обрабатывать продукты сельского хозяйства. При школе – участок земли, молочная ферма и мастерские» [50, с. 11].

А. И. Кондаков вспоминал: «Решено было организовать опытную школу вместо доживавшей последние дни Знаменской Мариинской второклассной школы. Но вставали вопросы: откуда взять революционно настроенных школьных работников, найдутся ли ученики для школы-коммуны, хватит ли сил для борьбы со старым и для закладки новой школы? Но священный огонь революционного творчества сжёг сомнения: выбор был сделан, и работа началась» [65, с. 67]. Официальное открытие этой первой в Вятской губернии и одной из первых в России школы-коммуны состоялось 15.10.1918 г. На первом же собрании была выработана «конституция» школы, основным принцип кото-

рой гласил: «Все члены школьного коллектива равноправны и имеют одинаковое право голоса на общих собраниях» [65, с. 67].

Через три месяца был организован и школьный городок. А. И. Кондаков был назначен директором школы и завучем городка, избран председателем объединённого школьного совета. В распоряжение ШК было передано большое двухэтажное здание школы. Первые дни ушли на прием от школы имущества, которое было ветхим. Колоссальные трудности: ни продовольствия, ни денег, ни одежды... Никакого сельскохозяйственного инвентаря, ни мастерских, ни оборудованных кабинетов... В наличии имелось полукаменное двухэтажное здание и «службы» при нём: амбар, погреб, каретник, тёплый хлев, баня, небольшой огород, сад площадью 1 га. Имелись также две коровы, 60 кубометров дров. В кассе было всего 738 рублей, и это притом, что в стране бушевала невиданная в истории инфляция. В целом, имущество было недостаточным для нормального ведения хозяйства. Тем не менее, работу пришлось начинать. «Гуськом, с котомкой за плечами, по луговой тропинке пришли первые ученики в школу, где “учащиеся и учащие должны быть единой трудовой семьей, живущей под одним кровом, собственными силами добывающей и обрабатывающей продукты сельского хозяйства”» [65, с. 68].

Поначалу в ШК было всего 12 учащихся и 2 учителя. Ученический журнал «Новый путь» публиковал материалы детей. В одном из выпусков журнала можно было прочитать впечатления одного из воспитанников: «Две недели с небольшим прожил я в новой школе. Много новых впечатлений вынес я за это время. С большой надеждой шел я в эту школу, в которой будут преподаваться практические науки. Одним словом, преобразованная трудовая школа вливалась в моё сердце много надежды. Но школу я нашёл не совсем такой, какой представлял: её нужно самим устроить. Это меня удивило. Как нам быть без сторожа, без стряпки? Кто будет печь топить? А пол мыть? И много других вопросов невольно приходило в голову. Но вопросы эти сами собой постепенно разрешились. Начали на другой же день одни пилить и колоть дрова, другие пошли в огород копать картофель, морковь и свеклу, третьи приводили в порядок комнаты. В этот же день выбрали заведующих топкой, продовольствием и гигиенической частью. Дело понемножку пошло, и мне уже не казалось удивительным, что можно обходиться без прислуги. Правда, некоторые были недовольны работой и собирались идти домой. Мне же казалось, что работая, я научусь жить» [65, с. 68]. Из этой заметки видно,

как жизненные потребности с первого же дня пребывания в коммуне побудили её обитателей энергично приняться за работу. Напряжённая работа вскоре дала свои положительные результаты. Жильё в хозяйстве было приведено в надлежащий порядок.

Материальная и учебно-производственная база этих только что образованных учебно-воспитательных учреждений обычно состояла из школьных зданий, зданий под общежитиями, домов под квартирами для учителей, различных служб, амбаров, сараев, складов, погребов, бань, хлебов. В некоторых ШК и ШГ, например, в Митинском ШГ, имелся богатый комплект сельскохозяйственных машин и орудий, доставшийся от дореволюционных училищ, на базе которых они обычно создавались. В наследство от дореволюционных школ перешли также физические кабинеты, лаборатории, библиотеки и т. д.

У ШК и ШГ имелись также земельные участки значительных размеров: Митинский – 53 га. Знаменский – 25 га, I Вятский – 37 га. Кроме того, Знаменской ШК были переданы также 20 га пахотной земли, ранее принадлежавшей местному монастырю. На этих территориях создавались учебные хозяйства. ШК и ШГ стремились к приобретению нового имущества. Помимо инвентаря они обычно имели лошадей, коров, овец, свиней, а также птицу. В некоторых из них материальная база была вполне достаточной для ведения полноценного хозяйства. Изначально планировалось, что материальная база будет использоваться исключительно с воспитательно-образовательными целями, то есть для формирования трудовых учений и навыков и приучения детей к труду. В действительности же, результаты труда учащихся были порой очень значительны, и служили весьма значительным подспорьем к скудному бюджету.

Имущество Знаменской ШК в течение первого года работы было обновлено почти целиком. Яранский исполком и уездный отдел народного образования передали коммуне три лошади, сельскохозяйственный инвентарь, в т.ч. жнейку и плуги. Был сделан заказ в Вятскую мастерскую учебных пособий на изготовление школьного оборудования стоимостью 10 000 рублей, что позволило оборудовать лаборатории и физический кабинет. Были закуплены даже народные музыкальные инструменты; созданы учебные кабинеты, библиотека, столярная, слесарная, швейная, чулочная, сапожно-пимокатная мастерские (всего было девять мастерских различного профиля), животноводческая ферма, конный двор, оранжерея, теплица, станция сельскохозяйственных орудий и машин, электростанция и лесопилка, а также небольшая больница, баня, прачечная и столовая.

В состав Знаменского ШГ входили также детские ясли, два детских сада, две начальные школы, средняя школа и даже учительские курсы. На воспитании находилось одновременно в феврале 1919 – 40 детей, в конце учебного года – уже 90. В дальнейшем доходило до 450 детей, в основном, сирот и беженцев. Был в Знаменском ШГ и свой клуб («народный дом»), в котором регулярно ставились спектакли и концерты, привлекавшие окрестное население близлежащего совхоза и деревень. Воспитанники «Знаменки» много читали. В библиотеке в активном пользовании находилось свыше 9 тысяч книг, собранных большей частью из частных библиотек. Интерес к чтению, к книге педагоги стремились передать детям. Одно перечисление всего того, что входило в состав школьного городка, показывает, насколько сложной и насыщенной была жизнь А. И. Кондакова и его коллег, сколько усилий им приходилось вкладывать в организацию этого нового дела.

Исключительно важное значение в те годы придавалось вопросам ученического самоуправления, которое пока что ещё «не было призвано» воспитывать «человека будущего»: пионерская организация только зарождалась. На повестке дня у самоуправленческих органов стояли по настоящему важные для детей и взрослых вопросы собственного жизнеобеспечения, необходимость решения которых диктовалась суровой действительностью, тяжёлой обстановкой всё ещё продолжавшейся Гражданской войны. В основном, самоуправление в ШК и ШГ было однотипным. Разница была лишь в деталях. Самоуправление представляло собой строгую систему соподчинения одних органов другим.

Первичной организацией школьного самоуправления был групповой коллектив, который избирал из своей среды «старшего товарища» (старосту), а несколько позднее вместо старших товарищей стали избираться групповые комитеты. Над ними «стояли» коллективы школ I и II ступени, объединенные в единый коллектив ШГ. Во главе коллектива ШГ было общее собрание коллектива, которое избирало *школком* (в «Знаменке» он назывался *оргком*), состоявший из представителей коллективов школ I и II ступени, ячейки Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), а несколько позднее – и пионерского отряда. В обязанности школкома входило общее руководство всей жизнью и работой воспитанников детского дома и учащихся школ. Школком обладал исполнительной властью на территории ШГ в периоды между общими собраниями коллектива, которые

проходили два раза в месяц. Через различные комиссии, созываемые коллективом ШГ, школком следил за порядком, чистотой, ходом работ и дисциплиной и проводил в жизнь постановления школьного совета и коллектива ШГ. Школком содействовал установлению связей ШГ с местным населением. Он давал общее направление культурно-массовой и общественно-политической работе, приостанавливал выполнение постановлений, если выяснялось, что они неправильные [84, л. 30; 86, лл. 48, 49].

В «Знаменке» во главе самоуправления находился объединённый школьный совет, включавший всех педагогов, заведующий хозяйством, председателя школкома школы I ступени, по одному представителю учащихся от каждой группы школы II ступени. Входил в совет и представитель от местных организаций, то есть от местного сельского совета. Исполнительным органом управления был президиум, избиравшийся школьным советом и состоявший из 5–6 человек. Обычно это были заведующий ШГ, его заместитель, секретарь школьного совета, завхоз, председатель исполкома школы II ступени и зав. школы I ступени. Школьный совет созывался ежемесячно, президиум – еженедельно [87, л. 74].

Для планирования учебной работы, разработки программы, консультационно-методической работы, для повышения квалификации была создана педагогическая секция, которая включала всех учителей.

С целью более гармоничного сочетания общественной и кружковой работы с учебной, для планирования и руководства этой деятельностью существовала общественно-политическая секция в составе заведующего ШГ, председателя местного исполкома, руководителей всех кружков, секретаря ячейки РКСМ, пионервожатого и заведующего «красным уголком» [87, л. 75]. При Митинском ШГ существовали редакционная, клубная, сельскохозяйственная, спортивная, учётно-календарная, продовольственная, бельевая, санитарно-хозяйственная, ревизионная комиссии [88, л. 52, 53]. В «Знаменке» были следующие комиссии: хозяйственная, продовольственная, культурно-просветительная, финансовая, следственная, трудовая и административная [89, л. 932].

Самоуправление в процессе строительства трудовой школы было вопросом принципиальным. Оно рассматривалось не как самоцель, и даже не столько как средство достижения дисциплины среди учащихся, а прежде всего, как средство рациональной организации жизни, а также как метод развития полезных качеств у детей. Самоуправление

развивало творческие силы детей. Тем самым, педагоги добивались развития личности каждого ребёнка, формировали у них дух коллективизма, активность, организованность. Однако главное в организации самоуправления было то, что оно было направлено, прежде всего, на самообслуживание детей, которое в те годы расценивали как первую стадию воспитывающего труда, дававшую возможность впоследствии перейти к производительному труду [90, л. 15].

Положение об обязанностях дежурных [88, л. 54] обычно аккуратно выполнялось детьми. Особенно охотно они дежурили в спальнях комнатах и на охране огорода. Дежурные по спальным комнатам проветривали их утром, заботились о том, чтобы в продолжение дня в спальнях никого не было. Они сметали пыль с дверей и окон, вытирали пол и мебель, следили за проветриванием спальных принадлежностей, носили дрова и топили печи, зажигали керосиновые лампы, гасили свет. Дежурные по кухне и столовой вставали за час до общего подъёма, получали продукты, накрывали на столы, подавали звонки на занятия, на работу и на приём пищи, а также выносили помои. Дежурные по двору также вставали за час до общего подъёма, чтобы подготовить необходимые для работы орудия труда: лопаты, вилы, грабли и носилки. Летом подметали сор, зимой разгребали снег. Дежурные по бане своевременно готовили кадки, тазы и мочалки, следили за порядком и чистотой, после мытья прибирались в бане. Но одни дежурные не могли выполнить все работы. Поэтому были комиссии по разным отраслям хозяйственной и бытовой деятельности школ [88, лл. 55–57]. Учётно-календарная комиссия ведала назначением на работы, вела книгу учёта всех работ. Свои задачи решала и санитарно-хозяйственная комиссия.

Трудовое воспитание было ориентировано на подготовку воспитанников к жизни в местных условиях. Преобладали сельскохозяйственные работы в полном объёме, а также швейное и сапожное дело. Если труд по самообслуживанию мог осуществляться с помощью самых простых орудий, то организация производительного труда требовала усовершенствованных орудий и тягловой силы. Заинтересованные в развитии производительного труда ШК в первый же год своего существования стремились завести сельскохозяйственный инвентарь и лошадей. Свою первую весну учащиеся Знаменской ШК встретили в полной готовности начать полевые работы.

В докладе о деятельности коллектива «Знаменки» рассказывается о подготовке коллектива к сельскохозяйственным работам и о тех

полных порыва настроениях, которыми были охвачены дети в преддверии полевых работ. Кондаков писал: «Чтобы организовать производительность труда потребовались орудия труда и создание рабочего аппарата. Ещё зимой мы купили трёх лошадей, которые так дороги для нашей работы в хозяйстве, и 8 коров с тремя головами молодняка... Скоро у нас появились плуги, бороны, драпачи, черкухи, лопаты, лейки, вилы и др. Весна усиливала и без того радостное настроение и будила новые силы. Мы все рвались в поле, где уже чернели полосы и ждали своих пахарей» [83, л. 941]. Впервые в поле, в трудовой обстановке, лицом к лицу встретились школа и окрестные крестьяне, школьный плуг и крестьянская соха. На пашне за плугом и бороной шли разговоры с крестьянами. С настойчивой наблюдательностью и скептицизмом изо дня в день следили крестьяне за работой коммунаров.

А. И. Кондаков вспоминал: «Каждый из крестьян расценивает работу, пробует плуги, делится деловыми соображениями, и мы чувствуем, что постепенно их тон, – недоверчивый и, зачастую озлобленный, – становится мягче. В конце лета во время разговоров на пашне они ученикам заявили: “Мы коммунистическую работу знаем, – стараются, работают хорошо”» [83, л. 942]. Работали в поле, главным образом, дети старшего возраста и физически более сильные ребята, хотя знакомились с машинами и орудиями все ученики. Весной 1919 г. воспитанники засеяли 5 га овса, посадили картофеля 1 га, и еще 1 га засадили овощами: капустой, свеклой, морковью. Посадочные работы в огороде и цветнике производились детьми младшего возраста.

А. И. Кондаков вспоминал о тех далёких днях много лет спустя: «Втягиваясь постепенно в сельскохозяйственный труд и овладевая им, мы стали жить жизнью природы, нашим расписанием стал барометр. Сельскохозяйственный труд в своей связанной последовательности беспрестанно выдвигал перед нами целый ряд трудовых задач. Закончили работу в яровом поле и огороде, подоспела навозница и вспашка пара под озимые... Подкравшийся незаметно сенокос застал нас безоружными: не было ни кос, ни граблей, ни вил. Но удалось достать напрокат из земотдела сенокосилку, первую более или менее сложную машину, которая нас выручила. Её собирал учитель-слесарь. На школьном дворе собралась масса учащихся. Ящики распакованы: перед нами винтики, гаечки, шестерёнки. По волшебному мановению человека машина стала оживать и расти на наших глазах.

Мы с лихорадочным нетерпением следили и ждали. Наконец, поехали пробовать. Завертели колеса, сцепились шестерни, затрещала пила, и трава стала ложиться длинными лентами. Вся школа смотрела на пробу. Мужики тоже видели работу машины и расценивали молча. Много было разговоров о сенокосе и о машинах вообще. Так начался сенокос» [83, л. 942–943]. И далее Кондаков продолжает: «Косили около 2 недель. Питались недостаточно хорошо, порой чувствовалась усталость, но все были здоровы, загорели на солнце, много купались» [83, л. 943].

Ещё одна цитата из воспоминаний А. И. Кондакова: «Было скошено около 9 га и намётано 11 стогов, примерно 15 тонн сена. Вскоре подспела жатва, которая производилась пароконной жаткой и серпами. Жатка очень заинтересовала ребят сложностью своего устройства и своей работой. В первый день жатвы младшие дети, заинтересовавшись темой “История кусочка хлеба”, выделили небольшие участки поля, выжали, обмолотили рожь и определили её урожайность. Они съездили на мельницу и напекли ватрушек из свежей муки. Весь процесс работы заинтересовал и захватил ребят целиком. Они торопились поскорее убрать рожь. Так, незаметно, день за днем шла трудовая жизнь, полная забот, физической усталости и огромного нравственного удовлетворения» [83, л. 943].

В старших группах школы I ступени учебные занятия в летний период велись, главным образом, по ботанике и зоологии. Изучение этих дисциплин в связи с сельскохозяйственными работами было гораздо более эффективным, чем в обычных условиях, т.е. без практических работ в поле. Много внимания было уделено изучению обработки земли (вспашка, боронование, унавоживание почвы). Работы на огороде сопровождались изучением растений. Во время жатвы было уделено внимание изучению злаков. Одним из методов изучения природы служил экскурсионный метод.

Вот как описывается в дневнике одного из ребят изучение темы «Рожь»: «Ясно, что мы должны были начать с экскурсии. Перед тем как отправиться в поле, был предложен такой план экскурсии: идти узкой тропкой ржи и собирать всё, что обратит на себя внимание. Вопросы, могущие возникнуть в пути, вносить в тетрадь, чтобы потом всем вместе заняться разрешением их и рассмотрением собранного материала. Усевшись в том же ржаном поле у огорода под тенью дерева, мы разгруппировали собранный материал и наметили план нашей беседы. Учащимися было выдвинуто 16 вопросов, которые и

разрешались ими же; роль руководителя была только роль председателя собрания. Руководитель брал, если требовалось, себе последнее слово, которое носило характер резюме сказанного. Солнце, голубое небо с белыми тучками, волнами ходившая от ветра рожь, шум листьев над головой, создали такое настроение, что само собой затянулось: “Не шуми ты, рожь, спелым колосом...”. Около полудня длилось это литературное отделение, после которого рассматривали колос, цветение ржи. На другой день, в лаборатории уже были рассмотрены по гербарии и по принесённым с экскурсии большим колосьям болезни ржи, насекомые – враги и друзья поля» [83, л. 944–945].

Сельскохозяйственные работы в поле (посев, сенокос, жатва) и работы в огороде (посадка, прополка, сбор овощей), а также хорошо организованные экскурсии на природу доставляли богатый материал для учебных занятий в школе, главным образом, на уроках ботаники, зоологии, химии и физики. Проработка собранного за лето материала осуществлялась не только летом, но и зимой, в течение всего последующего учебного года.

Таким образом, педагоги стремились к тому, чтобы связать сельскохозяйственный труд с преподаванием основ наук. Помимо того образовательного значения, которое имели летние работы, они также создавали значительные материальные ценности, а эти ценности по условиям того времени нередко составляли экономическую основу существования детских коммун. В результате труда детей в течение первого лета Знаменская школа-коммуна получила осенью 1919 г. 110 ц ржи, около 40 ц овса, 100 ц картофеля, а также немало овощей. Осимых посеяли более 12 ц [83, л. 946]. Продуктов хватило почти на весь предстоящий год. Коллектив коммуны доказал, что его труд может быть производительным настолько, что расходы государства на содержание школ-коммун могут значительно уменьшиться.

Летние сельскохозяйственные работы I Вятского ШГ проводились в 6 км от Вятки на правом берегу реки, на даче под названием «Боровое озеро», где коллективу был отведён участок земли размером в 37 га, из которых годных под посевы и сенокос было 15 га, а остальная территория находилась под лесом. Колония эта, расположенная в живописном месте среди лугов и лесов, являлась любимым местом отдыха и увлекательного труда учащихся. Ежегодно подготовительные работы по организации школьной колонии начинались ранней весной. Обычно в марте столярной и швейной мастерским давалось задание приготовить определённое количество коек, матрацев

и тюфяков, отремонтировать скамейки и мебель. Заведующему хозяйством поручалось оборудовать кухню и столовую, приобрести недостающие орудия труда и всё необходимое для жизни и работы колонии [91, л. 64].

К середине апреля подготовительные работы заканчивались, и в начале мая в колонию направлялась первая рабочая группа, состоявшая из наиболее крепких учащихся в количестве 25 человек, которые жили и работали в колонии в течение всего лета. Работа в колонии начиналась с очистки ягодников, устройства и разбивки клумб, парников и разделки гряд под овощи. После того как земля оказывалась вспаханной и хорошо проборованной, эта группа производила посадку овощей. Судя по расходу посадочного материала, большая часть огорода занималась под картофель (0,5 га), на втором месте по размерам занимаемой площади стояла капуста (1000 кочанов), на третьем – остальные овощи (репа, брюква, морковь, свекла, редис, тыква, салат, огурцы), под которые отводилось примерно 25 гряд (1921).

Летом работа в саду и огороде заключалась в поливе, окучивании картофеля, в сборе ягод, кошении трав, сгребании сена и смётывании стогов. Труд в саду и огороде продолжался до глубокой осени. Работы было много, поэтому кроме рабочей группы, которая жила здесь в продолжении всего лета, сюда посылались и другие учащиеся.

Ударная группа работала на огороде и в саду. Учащиеся среднего возраста и младшие дети собирали хворост, шишки, и занимались чисткой аллеи в парке. Кроме того, на весь летний сезон создавалась группа старших мальчиков, на обязанности которых лежала заготовка дров и воды для кухни. Для обслуживания кухни ежедневно назначались трое дежурных, которые готовили пищу, мыли посуду, подавали пищу на столы и следили за чистотой на кухне и в столовой. Для уборки жилых помещений также назначались дежурные, которые стирали пыль с мебели и окон и дверей, мыли полы, протирали окна. Ежедневно назначался дежурный из числа руководителей, который был обязан следить за правильным ходом жизни колонии, вовремя подавать звонки, следить за своевременным приготовлением пищи.

Режим был твёрдым. Дети вставали в 8.30 по сигналу дежурного педагога, в 9 часов завтракали. После чая проводилась гимнастика и купанье в пруду, а затем до обеда работали в поле, саду и огороде. Все работы заканчивались к часу дня, и дети шли купаться. В 2 часа обедали, и до 4 часов продолжался полный отдых. Затем пили чай, а дальше следовала учебно-воспитательная работа с детьми.

Для правильной и планомерной постановки учебно-воспитательной работы в колонии на каждые десять детей полагался один руководитель. В его обязанности входило следить за точным выполнением заданий, возложенных на его группу, вести учебно-воспитательную работу с детьми, сопровождать их на купанье, в часы отдыха организовывать игры и развлечения. Руководитель вёл дневник, в котором записывал свои психологические наблюдения, отмечая индивидуальные черты каждого ученика своей группы, его отношение к работе, отношения с другими детьми. Большое внимание уделялось драматическому кружку, который репетировал и ставил детские пьесы, давал представления и концерты. Действовал хор под руководством учителя пения. Работал в колонии и спортивный кружок. Дети занимались лепкой, рисованием, подвижными играми [91, Л. 66].

Время от времени устраивались экскурсии по заранее намеченному плану для ознакомления с живой природой. Эти экскурсии сопровождались беседами о воде, воздухе, растительном и животном мире. Экскурсанты собирали лесные материалы, цветы, травы, которые засушивались в песке, а также мхи, грибы. При этом шла заготовка грибов, веников. Экскурсии сталкивали детей с природой, с богатством её форм и красок, давали ребенку материал для наблюдений, развивали эстетическое чувство. Учебно-воспитательная работа с учащимися заканчивалась в 8 часов вечера, после чего следовал ужин. До сна катались на лодках (их было две), а когда стемнеет, проводили время у костра, вокруг которого устраивались игры: крокет, городки, футбол, гигантские шаги, игры-хороводы с пением, вносившие много оживления [91, Л. 67].

В санитарном отношении летняя колония находилась в довольно благоприятных условиях. Дачные помещения отличались чистотой. Простором. Раз в неделю колонию посещал врач. При отправке детей в колонию производился медосмотр с взвешиванием. Оно производилось и по возвращении.

ШГ были тесно связаны с общественной и хозяйственной жизнью своих уездов и губернии в целом. В мастерских изготавливались классные доски, парты, столы, скамейки, табуретки, деревянные кровати, шкафчики, стулья, вешалки, пособия для наглядного обучения.

В отчёте губернскому отделу социального воспитания, — так тогда назывался губернский отдел, ведавший сферой образования — начальник Знаменского ШГ писал: «Учащиеся... помогают населению в сенокосе и уборке урожая. В нынешнее лето помогали в уборке сена

семьям красноармейцев в деревне Кожах, а в деревнях Большой Груздовик и Малый Груздовик – в уборке хлеба. Учащиеся ходят в деревни для проведения бесед и кампаний. Население, в особенности деревенская молодежь, охотно посещает спектакли, концерты, собрания комсомола и клубные занятия кружков» [86, л. 192].

Дети горели желанием помочь крестьянам сделаться культурными, помочь им объединить свои мелкие хозяйства и установить тесную связь с государственными предприятиями. Городки не были простыми регистраторами событий; наоборот, в них царил дух преобразования и кипучей деятельности. В одном из планов воспитательной работы Митинского ШГ этот дух преобразовательной деятельности выступает в виде трёх задач: «1. Изменение психологии окружающего населения в сторону советской власти, ознакомление населения с вопросами советского строительства и законодательства, объединение его в кооперативы; 2) воздействие на культурно-бытовую сторону деревни; 3) ознакомление населения с вопросами сельского хозяйства в целях его улучшения» [87, л. 72].

Для выполнения этих задач при ШГ наряду с другими средствами воспитательной работы среди населения, были организованы «кружки по работе среди деревни». Содержание работы этих кружков сосредоточивалось на изучении именно тех вопросов, которые больше всего интересовали крестьян. Наиболее злободневными из них были, например, такие: задачи и устав машинных товариществ, потребительская кооперация, многополье и искусственные удобрения, сельскохозяйственный налог, комитеты взаимопомощи, животноводство [88, л. 11].

По всем этим вопросам велись беседы с крестьянами деревень. Члены кружка читали крестьянам литературу по сельскому хозяйству, разъясняли законоположения советской власти о сельскохозяйственном налоге о земле и лесе и о кооперации, читали им газеты. Коммунары вели агитацию за подписку на газеты. В деревне Шумиха, расположенной рядом с с. Митино, крестьяне подписывались на газету «Вятская деревня», «Крестьянская газета», журнал «Безбожник» и др. [92, л. 45]. К избам-читальням ближайших деревень были прикреплены по два члена кружка, руководивших их работой. В эти избы-читальни под ответственность кружка доставлялись библиотечки-передвижки из Вятки, которыми живо интересовались крестьяне.

Члены кружка «по работе среди деревни» показывали «туманные картины» научно-популярного характера по большей части на

сельскохозяйственные темы, например, «Как выбрать молочную корову», «Способы обработки почвы», «Пчёлы и их работа» и др. Показ картин всегда сопровождался подробными пояснениями кружковцев. Кружок издавал рукописную газету «Избач», в которой ставились вопросы сортировки семян, кормления и содержания скота и т. п. Кружок устраивал выставки сельскохозяйственной литературы. Во всей своей деятельности в деревне воспитанники ШК встречали со стороны крестьян сочувственное отношение. Был также кружок по изучению вопросов современности, в задачу которого входило изучение текущих вопросов общественной жизни, а также работа среди населения с целью поднятия культурно-бытового уровня деревни и развития правосознания у крестьян [87, л. 90].

К 1925 г. в орбиту своей деятельности Митинский ШГ втянул 17 деревень в радиусе 5–6 км. Не менее значительными по силе воспитательного воздействия на учащихся были драматический и музыкально-певческо-художественный кружки. Их деятельность задавала тон всей культурно-массовой работе ШГ, служила своего рода притягательной силой для местного населения, особенно для молодёжи. Деятельность этих кружков с особым размахом проявлялась в периоды подготовки и проведения революционных и школьных праздников. Проведение этих праздников имело огромное значение в плане политического, нравственного и эстетического развития детей. Праздники развивали чувство патриотизма, создавали весёлое, приподнятое настроение, а это было уже совсем немало в те тяжёлые времена. Ученица одного из старших классов школы I ступени Знаменки писала в рукописном журнале: «Вчера мы праздновали 48 годовщину Парижской коммуны. На митинге нам говорили об этих стойких доблестных героях. Я стараюсь представить хотя бы тысячную долю того ужасного потрясающего зрелища, которое можно было видеть 48 лет тому назад на улицах Парижа. Митинг кончился. ...Я вышла из зала. Мне хотелось сосредоточиться на героях Парижа. Мне так хотелось продумать услышанное. Я не могла, хотя бы на минуту прогнать эти мысли. Наша школа тоже коммуна. Наша коммуна будет крепнуть. У меня есть одна цель. Может быть, со временем я буду истинной коммунисткой. Я не думаю о том, что придет белая гвардия, а если и придет, так я смело буду ждать смерти» [83, л. 934, 945].

В I Вятском ШГ активно действовал кружок краеведения. Главным объектом изучения поначалу была избрана слобода Филейка. Кружок был тесно связан с НИИ краеведения, который работал при

Вятском пединституте. Юные краеведы установили связи с исполкомом, сельсоветом, избой-читальней и Филейской начальной школой. Изучали историю слободы и занятия её жителей. Кружок делился на ряд секций: промышленность, сельское хозяйство, кооперация, внутренняя жизнь края. Обработанный материал наблюдений помещался в специальном еженедельном бюллетене, регулярно зачитывавшемся на собраниях членов кружка и дававшем некоторое представление о состоянии и развитии хозяйства в Вятской губернии в послеоктябрьские годы. Руководителем кружка была замечательный педагог Лидия Дамиановна Волнина, супруга Александра Константиновича Волнина, преподавателя Вятского пединститута, ранее работавшего в Полтавском учительском институте, в те годы, когда там учился А. С. Макаренко.

В большинстве ШГ были кружки юных корреспондентов (юнкоры), друзей просвещения, спортивные, любителей графических искусств. В Митинском ШГ, например, были следующие кружки: драматический, художественный, естественный, физико-математический, марксистский, общественно-литературный, музыкальный.

Таким образом, воспитательная работа в ШГ Вятской губернии представляла собой продуманную систему, но без военной строевой атрибутики, как это имело место в опыте А. С. Макаренко. Трудовое воспитание было ориентировано на подготовку воспитанников к жизни «в местных условиях».

Важнейшим направлением работы ШК и ШГ, казалось бы, должна была быть учебная работа. Но поначалу это было не совсем так. Имела место тенденция к усилению воспитательной работы за счёт учебной работы [89, л. 334; 92, л. 14]. Это была своего рода реакция против зубрёжки старой школы. ШГ искали новые пути, прежде всего, именно в воспитательной работе [87, л. 95]. В архивных документах тех лет постоянно встречаются требования о немедленном или постепенном упразднении классной системы обучения и урока как основной формы организации обучения в школе, об отмене расписания и экзаменов [91, л. 63; 93, л. 4].

Эти «призывы» со стороны местных «шкрабов» (школьных работников) и соответствующие постановления уездных отделов образования носили вполне официальный характер. Занятия велись по часто менявшемуся расписанию, по доморощенным программам. Отмена экзаменов не могла стимулировать учебу. Анализ недельных учебных планов школ II ступени Знаменского ШГ и I Вятского ШГ в

1921–1922 учебном году по основным предметам позволяет сделать ряд выводов. Так, по русскому языку и литературе в «Знаменке» велись только кружковые беседы с учащимися, а по математике не было и этого. Учащиеся «вели» работу по математике самостоятельно. Вряд ли при таком подходе к обучению можно говорить о серьёзных учебных достижениях.

В акте обследования учебно-воспитательной работы ШГ комиссией Яранского УОНО летом 1922 г. отмечалась слабая подготовка 1 группы школы II ступени по физике. В занятиях по математике учащиеся этой группы были предоставлены самим себе, и поэтому результатом их годичной работы явилось всего лишь изучение одной главы учебника о прогрессиях, что можно было бы достигнуть с преподавателем в течение нескольких уроков. Об объёме, пройденного по географии материала можно судить по записям в ученических тетрадях. Эти записи свидетельствуют о материале, проработанном приблизительно в объёме средних классов дореволюционных мужских гимназий. По остальным предметам, преподававшимся в школе 2 ступени Знаменского ШГ, никаких записей пройденного материала не сохранилось. В 3 группе также отсутствовали история и естествознание в течение 8–10 недель [91, л. 62; 94, л. 236].

По литературе занятия в 1 группе велись реферативно-кружковым методом. В качестве вспомогательного средства этот метод вполне допустим, но как основной и самостоятельный, безусловно, недостаточен, тем более, что учащиеся приступали к ознакомлению с новой литературой и её основными течениями, минуя изучение периода древней литературы.

Во второй группе (то есть во втором классе) отсутствовали такие предметы, как история, география и естествознание. В то же время, здесь была введена химия, недоступная учащимся в этом возрасте, и в том объёме, в каком она преподавалась; и всё это при одном уроке в неделю.

Общее впечатление от постановки учебной работы комиссия оценила как стоящее не на должной высоте. Отмечалось, что работа велась не по определённой системе, а более или менее случайно, в зависимости от различных побочных обстоятельств. Комиссия констатировала невыполнение учебных программ во всех группах обеих школ и отсутствие в них правильной постановки учебной работы [94, л. 237]. Впоследствии учебное дело постепенно налаживается. В учебном процессе начинают применяться разнообразные приемы и

методы преподавания в зависимости от предмета, степени подготовки учащихся, их возраста и внимания. Применялись эвристический, лабораторный, экскурсионно-исследовательский, лекционно-рефератный и кружковый методы. Использовался метод демонстрации научно-популярных кинокартин.

В I Вятском ШГ существовала фото-кино-подсекция. Из документов явствует, что, например, с 11 октября по 31 декабря 1920 г. кинофильмы были показаны 7 раз. В один сеанс демонстрировалось по 6–8 картин, продолжительностью 5–10 минут каждая, а всего за 7 сеансов были показаны 44 учебных кинофильма на разные темы. Вот названия некоторых из них: «Жук-плавунец и его личинки», «Капля крови под микроскопом», «Приготовление теста при помощи электричества», «Водопад Иматра», «Семья уток», «От яйца до цыпленка», «Пчёлы за работой», «Жизнь пресмыкающихся» [91, л. 7–8]. Наиболее действенным из применявшихся методов обучения был экскурсионный метод, которым увлекались многие педагоги того времени, особенно учителя математики и физики.

В Знаменке в 1923–1924 учебном году педагоги проводили экскурсии в соседний совхоз «Просвещение» «для обследования его во всех отношениях», а также в уездный город Яранск для ознакомления с водопроводом, электростанцией, телефонной станцией, типографией, генераторной мельницей и для осмотра сельскохозяйственных машин, а также в обсерваторию для наблюдения в телескоп лунного затмения, на водокачку, ветряную и паровую (водяную) мельницы, в Знаменскую слесарную мастерскую. Учащиеся совершали учебные экскурсии в деревни для изучения их экономического и культурного состояния [86, л. 191]. По завершении экскурсий материал заботливо обрабатывался и в дальнейшем использовался в учебном процессе. В процессе изучения основ наук педагоги стремились, по мере возможности, устанавливать связь между гуманитарными науками, литературой. Плодотворные попытки внедрения политехнического обучения осуществлялись посредством внедрения ручного труда. Разделы курса математики иллюстрировались выполнением практических работ (маршрутные съёмки, определение географических координат, геодезические измерения и т. п.).

В штат Знаменского ШГ были привлечены лучшие учителя уезда, а также педагоги, эвакуированные из Москвы и Ленинграда. Математику преподавали М. И. Меркулов, получивший образование в Кукарской учительской семинарии и Вятском учительском институ-

те, и М. И. Петров, получивший высшее образование в Петрограде; позднее – А. И. Сычев, ставший в дальнейшем преподавателем вуза. Учителем физики работал Д. Д. Рылов. Успешно вела обучение группа словесников: Е. Я. Киселёва, прошедшая губернские «тихомировские» курсы в Вятке в 1900 г., Л. Д. Глазычев – бывший студент Петроградского университета; позднее – бывший инспектор народных училищ Н. Е. Петухов и В. С. Лобовиков. Обществоведение преподавал молодой коммунист А. И. Тарасов, получивший образование в советско-партийной школе и университете.

Преподавание естествознания в 1918–1922 гг. осуществлял А. И. Кондаков, в 1923–1925 гг. – агроном В. Н. Щекатуров. Преподавание рисования, лепки, а также композиционно-оформительские работы вели А. Д. Евсеев, художник, учившийся в молодости в Московской художественной школе под руководством выдающихся живописцев Коровина, Маковского и Поленова, а также получившая художественно-педагогическое образование Г. П. Замбрицкая. Учителем музыки и пения была жена А. И. Кондакова Софья Николаевна Кондакова (1893–1972), щедро одарённая музыкально-вокальными данными, была прекрасным педагогом. Она посвятила учительской профессии более полувека своей жизни. Окончив в 1930-е гг. вечернее отделение филологического факультета Вятского педагогического института, она проявила себя как один из лучших учителей-филологов. С. Н. Кондакова работала в ряде школ г. Кирова, в физкультурном и авиационном техникумах. Её хорошо знали в своё время в педагогической среде. Последние годы жизни она провела в Москве; там и похоронена, на Кузьминском кладбище. Кстати, среди её подруг была уроженка г. Вятки, знаменитая спортсменка, трехкратная абсолютная чемпионка мира по конькобежному спорту Мария Григорьевна Исакова (1918–2011).

Работа Знаменских педагогов была одобрена выездной комиссией ВЦИК, возглавлявшейся известным партийным деятелем С. И. Мицкевичем, кстати, уроженцем Яранского уезда Вятской губернии. Отношение к коммуне со стороны населения поначалу было выжидательным, а то и враждебным. Причины этого были сугубо политические и религиозные. К тому же, в это время имел место белогвардейский мятеж в Яранске и ряде других городов Вятской губернии. В отчете школы-коммуны отмечалось, что «окружающее школу население выделяется своей консервативностью благодаря многолетнему влиянию монастыря».

...Одним из любимых учеников А. И. Кондакова был Ваня Овчинников, отличник, проявивший большие способности к математике. По окончании Знаменской школы в 1923 г. он поступил учиться в Московский финансово-экономический институт. Затем работал в Наркомфине РСФСР. Он погиб на войне, будучи гвардии капитаном. И ведь каких только совпадений не бывает в жизни: осенью 1941 г. И. В. Овчинников командовал ротой ополченцев, в которой состоял рядовым его бывший учитель А.И. Кондаков.

В скором времени благодаря усилиям А.И. Кондакова и созданного им коллектива Знаменская ШК приобрела известность в губернии. В приказе Вятского губернского отдела образования от 13.08.1920 г. А. И. Кондакову предлагалось даже «составить и разослать по всем уездам губернии подробный очерк организации работ и плана дальнейшей деятельности Знаменской школы-коммуны с надписью «Материалы по организации школ-коммун и школьных городков “Третьего Интернационала”» [95, л. 13]. Более того, «Знаменка» стала одним из лучших учебно-воспитательных учреждений НКП. Поэтому сюда приезжали для изучения опыта педагоги из разных регионов страны. В летние месяцы здесь проходили уездные учительские курсы, зимой – учительские «практикумы» и экскурсии. Подробный анализ и положительная оценка работы Знаменского школьного городка были даны на заседании научно-педагогической секции Государственного ученого совета НКП РСФСР 2 февраля 1924 г.

Н. К. Крупская знала о работе Знаменского городка по отчетам и докладам, из беседы с учащимися во время их экскурсии в Москву в 1924 г. и по неоднократным беседам с заведующим. Однако нарождавшейся административно-бюрократической системе ни к чему были коммунарные объединения, и в 1925 г. Знаменская школа-коммуна в числе многих других учреждений подобного типа закончила свое существование. Осенью того же года в село Знаменка был переведён из г. Яранска сельскохозяйственный техникум. Малышей разместили по детским домам, а желающие из старших классов поступили в техникум, куда перешли и некоторые педагоги школы-коммуны.

Ликвидация Знаменской школьной коммуны вызвала глубокое сожаление у Н. К. Крупской. Узнав об этом от слушателя Академии коммунистического воспитания Л. В. Мамаева (мужа сестры А. И. Кондакова Людмилы, который до поступления в Академию заведовал Знаменской школой I ступени, а в 1924«Знаменка»1925 гг. – всем школьным городком), она воскликнула: «Как? Почему? По чьему распоряжению?

Почему не сумели отстоять это важное для народного просвещения дело? Вам следовало обязательно сообщить в НКП мне или Н. В. Чехову... Мы могли бы Вам помочь...». Увы, реально помочь сохранению школьных городков ни Крупская, ни кто другой уже не мог. И, конечно, Надежда Константиновна прекрасно понимала это, но, видимо, не хотела признавать своё административное бессилие в разговоре с провинциальным педагогом. О работе Знаменского школьного городка А. И. Кондаков, уже не заставший его ликвидации по причине переезда к новому для себя месту работы, рассказал в своих воспоминаниях, вышедших отдельной большой книгой под названием «Школа-коммуна».

В условиях реформирования системы образования обращение к опыту наших предшественников может дать новый импульс в поиске перспективных форм и методов работы с подрастающим поколением.

VI. «КАК ХОРОШО, ЧТО МЫ СЕГОДНЯ ЮНЫ!..» (П. П. РАСПОПОВ)

*Простите, не поверю, – ответил Воланд, –
этого быть не может. Рукописи не горят.*

М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Стремление к творчеству, в том числе к поэтическому творчеству, проявляется в человеке порой даже в самых непростых жизненных ситуациях. Не являются исключением в этом отношении и те, кто в силу разного рода неблагоприятных жизненных обстоятельств оказался лишённым нормальных условий жизни и развития своих талантов и способностей, был выкинут за пределы обычного гражданского общества и, в итоге, оказался в исправительно-трудовом учреждении. В данной монографии мы знакомим читателя с творчеством воспитанников школы НКВД (народного комиссариата внутренних дел) СССР.

У современного читателя, нередко плохо представляющего бытовые реалии советской действительности 1920–1930-х гг., может возникнуть вопрос, для чего предназначались эти школы. Поэтому считаем нужным дать краткие пояснения. В те годы в Советской России, а также в сопредельных республиках (Украина, Белоруссия и др.), появилось немыслимое количество беспризорных детей. Счёт их шел на миллионы. Многие из них объединялись в банды, которые представляли собой серьёзную опасность для общества. Никто из этих подростков не жил честным трудом; все беспризорники вели преступный образ жизни и занимались, в лучшем случае, воровством.

Но это была их беда, а не вина. Правители России сначала впустили свой народ в Первую мировую войну; затем уже другие правители устроили революцию и развязали братоубийственную Гражданскую войну. Расплачиваться же за все эти несчастья вынуждены были, прежде всего, дети, оставшиеся без отцов и матерей. В городах процветала открытая уличная преступность. Жители день и ночь держали окна закрытыми на ставни, чтобы хоть как-то противостоять грабёжам и разбоям. Не было населенного пункта, где бы нельзя было встретить неопрятные группы подростков, одетых в грязные телогрейки-«клифты» и видевших смысл своего существования в том, чтобы поесть. Но чтобы что-то поесть, надо было что-то украсть...

Детская организованная преступность стала очень серьезной проблемой, которую надо было как-то решать. Для перевоспитания таких детей создавались колонии и коммуны (вспомним опыт работы А. С. Макаренко), а также школы НКВД. Одна из таких школ была создана в 1927 г. в г. Вятка. Располагалась она в помещении бывшей тюрьмы, на берегу реки Вятка, и называлась «Трудовой дом для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей». В 1930 г. «Труддом» был преобразован в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) Наркомата юстиции СССР.

«Фабзайцы», как их презрительно называли «маменькины сынки» (то есть городские ребята, имевшие родителей) носили специальную форму, в которой им по разрешению руководства школы можно было иногда выходить в город. Ремень со специально заточенной медной бляхой использовался ими в качестве холодного оружия. Другая металлическая часть обмундирования, кокарда фуражки-картуза, обрабатывалась напильником таким образом, что фактически становилась кастетом. В случае опасности, то есть нападения со стороны местных хулиганов, «форменка» не раз спасала «фабзайцев» [51, с. 308].

Но бывшим беспризорным были свойственны не только драчливость и неподчинение казенным порядкам. Некоторые из них... писали стихи. По своему содержанию и форме эти стихи не слишком разнообразны. Их содержание позволяет проследить отношение подростка к своей прошлой преступной жизни, его отношение к перевоспитанию в школе и планам на будущее. Воспоминания о прошлой жизни нередко характеризуются критическим отношением к улице и её порокам. Встречаются лирические мотивы, жалость к себе, сетование на свою горькую долю. Даже немногочисленные сохранившиеся и

дошедшие до нас разрозненные стихотворения и их отрывки очень интересны. Разумеется, не следует искать в них каких-то «высот поэтического мастерства». По большей части стихи наивны; многие из авторов на момент написания своих стихотворений сделали первые шаги в школьном образовании. По всей видимости, мало кто из авторов знакомился с настоящей поэзией. Поэтому эти образцы поэтического творчества малолетних правонарушителей интересны нам, прежде всего, как документ эпохи, как выражение устремлений, чувств и надежд далеко немалочисленной группы советской молодежи, той её части, о которой редко писали в прессе.

Впрочем, нет-нет да и проникали в открытую печать снисходительные высказывания отдельных тогдашних «вождей», дававших свою оценку творчеству, пробивавшемуся сквозь колючую проволоку. Так, небезызвестный «видный деятель Коммунистической партии и Советского государства», генеральный прокурор СССР и нарком иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, писал: «Как бы ни относиться к художественной стороне тюремной поэзии в местах лишения свободы, нельзя отказать ей ни в глубине переживаний, ни в яркости социальных мотивов, являющихся отражением великой социалистической стройки, идущей по всей нашей стране, мотивов, глубоко волнующих чувство читателя. Разве можно найти в какой-либо капиталистической тюрьме что-нибудь подобное высокому пафосу этой поэзии, поднятой даже в условиях отъединения от “вольной жизни” на высоту подлинно гражданских переживаний, на высоту интересов социалистического строительства, осуществляющего свое мощное творческое влияние и в стенах советских исправительно-трудовых учреждений». Разумеется, высказывания Вышинского, на тот момент сотрудника НКП РСФСР, имеют отношение к более широкой социальной группе, а не только к тем «стихотворцам», о которых здесь идёт речь.

Собраны стихи были учителем указанной школы, впоследствии преподавателем Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (далее – КГПИ) Петром Петровичем Распоповым (14.06.1903, г. Слободской, Вятская губерния – 12.01.1967, г. Киров). Кратко расскажем об этом человеке. Он окончил физико-математическое отделение Вятского государственного педагогического института (1926), аспирантуру Академии педагогических наук РСФСР (1957). Кандидат педагогических наук (1957), доцент (1963). Участник Великой Отечественной войны, награждён боевыми

орденами медалями. Работал учителем в школе (1921–1922), редактором армейской газеты (1942–1945). В КГПИ в 1926–1942 и 1945–1966 гг. преподавал сначала педологию, затем психологию. Занимался исследованием психологических проявлений фазовых состояний у школьников и обоснованием эффективных средств перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Здесь приводятся наиболее характерные и совершенные по форме и содержанию образцы лирического творчества подростков. Некоторые стихи частично стилистически нами поправлены. В ряде случаев, вместо полного текста приводится лишь его часть; в этом случае поставлен соответствующий символ (<...>).

Основная тема почти всех стихов – прошлая жизнь автора. Вот типичный пример, стихотворение Бориса К., 16 лет.

*...Тогда отец меня избил, а вечером мой след простыл.
Покинул я село родное, и долго шлялся я по сёлам беспризорным и бездомным.
Кой-как до города добрался, с карманниками повстречался,
И научился воровать, а про родных стал забывать.
Но теперь пора забыть мне жизнь бластную, кошмарные шалманы и пивную.
Собирайтесь в одну семью, шулера и воры, от жизни отставшая рать.
Довольно рыть для себя мрачные норы, нужно новую жизнь нам ковать.*

В некоторых стихах звучит сожаление о тяжёлом детстве, высказывается раскаяние в своей несознательности. Николай К., 16 лет, пишет:

*Зачем от матери ушёл я? Зачем пошёл я воровать?
Наверно, жить мне было плохо, пошёл другую жизнь искать.*

В оценке личной жизни подавляющее большинство юных стихотворцев весьма категоричны. Они рисуют её обычно в отталкивающем, мрачном виде. Поначалу уличная жизнь будит в сознании беспризорного гамму различных, в том числе и кажущихся ему позитивных чувств. Улица «дарит» ощущение свободы и независимости, превосходства над другими людьми. Поэтому для начинающего беспризорника улица, с её многообразием ярких эмоциональных раздражителей, может даже явиться известной притягательной силой. Именно в уличной жизни искали некоторые подростки то, чего они не находили в уродливо организованной семейной обстановке; в итоге, они порывали связь с домом и становились беспризорными. Но у

подавляющего большинства беспризорников уже очень скоро наступало разочарование. Обилие различных травмирующих моментов у одних формировало злобно-агрессивную настроенность, которая реализовалась в ряде антиобщественных действий; у других – во вполне реальных попытках бросить поскорее уличную жизнь и встать на трудовую дорогу.

Эти переживания нашли отражение в стихах. Алексей П., 17 лет, выражает свои чувства следующим образом:

*Улица была мне домом, улица – мне мать-отец.
Улица назвала меня вором, улица сказала мне: «Подлец» <...>.*

Какими тяжёлыми могут быть переживания беспризорного подростка, и как глубоко может изуродовать детскую личность преступная среда, показывает стихотворение «Мысли улицы» Аркадия К., 1928 г.

*Стыну, стыну...
Чувствую, что скоро перестанет сердце kloкoтaть.
Похоронят где-нибудь, как вора. Никому стихов моих не услышать.
Я – бродяга. Да к тому ж – убийца. Каждый стих мой притворный, как кровь.
Может быть, помчится слух, как небылица, что убийца чувствует любовь.
Но любовь не честную, а злую; где-нибудь из-за угла ножом
Я тебя, стервец, располосую. Для того мы на земле живем,
Чтобы резать, кровью захлебнуться, чтоб в крови не видеть белый свет.
Все равно бродягам не вернуться на тропу, на человеческий след.
Мы по-волчьему отыскиваем стези; там – капкан, там – изверг с топором.
И в глазах моих одни дорожки. Для чего мы на земле живём?
Чтобы видеть разные страдания? Смех людей, не чувствующих боль?
На земле сейчас есть оправданье, что бродягам в жизнь поставлен «ноль»...
Наша жизнь не стоит единицы, наша жизнь расценена нулем.
Исказились, почернели лица. О, друзья! Мы на земле гниём.*

Аналогичным образом оценивает свое будущее Петр К., 16 лет. В 1929 г. он писал:

*Я знаю, что для жизни я не годен. Не могу я за вами идти.
Вспоминайте меня, как хотите. Мне дороги иной не найти <...>.*

Ему вторит Николай А., 17 лет. (1929 г.), для которого, видимо, улица еще не утратила своей «прелести».

*Нам было жаль расстаться с волей, покинуть старые пути.
Ведь там, на воле ждут базары, вокзал, пивные, кабаки.
Там ждут друзья, кино, шалманы, ночлежный дом и чердаки...<...>*

После реорганизации труддома в школу ФЗУ значительно изменилась постановка воспитательной работы; стали чаще появляться диаметрально противоположные мотивы. В стихотворении Михаила С., 18 лет, наряду с оценкой прошлой, «блатной» жизни, чувствуется радость в связи с тем, что старая жизнь ушла в прошлое, а будущее представляется прекрасным, хотя пока что очень неопределённым.

*Выпить хочется, а денег-то и нету. И опять начинаешь шмонать,
Ширмовать, и к знакомой девчонке по дороге на бан забегать.
С нею хряешь в театры и кина, по буфетам таскаешься с ней.
Вновь дурманыт сознание вина; и ширмуешь, и грабишь людей...<...>
Смыто прошлое. Радостно бьётся молодая и буйная кровь.
Я забуду, что пьянкой зовётся, позабуду блатную любовь.*

Николай П. находился на воспитании в школе в 1932–1935 гг. Впоследствии он получил профессию электромонтера, вступил в ВЛКСМ. Стихотворение написано в 1934 г., когда у юноши (18 лет) уже вполне оформилось стремление порвать с прошлой жизнью.

*Я вырос под чужим забором в промозглой сырости ночей.
И побеждал в азартном споре братву заядлых ширмачей.
Вино, ножи, тоска и злоба дробили нашу жизнь сплеча.
Мы в наших дружеских речах клялись быть верными до гроба.
А где ж друзья? Со мной их нет – они ещё, быть может, воры.
Глядят по-прежнему на свет угрюмым и голодным взором.
Но бьюсь я, чтобы каждый шёл, покинув кражи и попойки,
Чтоб всем нам было веселей гореть в труде великой стройки.*

Михаил Ц., 18 лет написал стихотворение «Проклятое прошлое» в 1933 г, когда уже встал на путь исправления.

*Вспомнишь прошлое, омуты жизни.
Вспомнишь рынки, кафе, ресторан.
На базаре, на площади шумной залезаешь кому-то в карман.
Выпьешь кружку, другую и третью – забродило вино в голове.
Вновь потянет к базару, к вокзалу. Жёг я жизнь свою в шумной Москве.
Жизнь моя не цвела, не сияла; юность гасла в болоте, на дне.
Раз в угаре хмельном у вокзала я засыпался... Тошно как мне!
А теперь я на свет из болота вышел твердой дорогой к труду.*

*И на сердце одна мне забота, как я знаний побольше найду.
Вы, подруги стабильные, книжки! Ты, станок мой, заветный пахан!
Я отдам своих знаний излишки государству рабочих – крестьян.
И в семнадцатый год октябrevый красной радостью сердце горит.
Мне Ильич добродушно-суровый о труде и добре говорит.*

Михаил М., 16 лет, 1934 г. и вовсе не чувствует себя лишённым «свободы»; прежняя «свобода» ему уже не нужна:

*Я забываю, что лишен свободы законом
За то, что был в жизни маленьким вором.
Я чувствую себя всегда свободным,
Жизнерадостным, бодрым и гордым.*

Целый ряд авторов пишет стихи в «нужном» русле. Григорий С. (окончил школу в 1933 г.), 19 лет, 1932 г.

*Вот уже четыре года, как существует наш Труддом.
ФЗУ уже с полгода именоваться начал он.
Здесь все преступники молодые приучаются к труду.
Отсюда выйдут уж другие, с квалификацией уйдут.
Итак, товарищи, смелей, живей возьмёмся за учебу,
Позорить будем лодырей и пробивать себе дорогу!*

Стихотворение Михаила К., 1934 г. «Привет школе» свидетельствует о том, что процесс перевоспитания в отношении этого юноши принёс позитивный результат. Впоследствии Михаил стал студентом исторического факультета КГПИ.

*Школа, школа, знакомое слово! Всем нужна для успеха в делах.
Лето – всё... Снова школа. «Здорóво!» Закалились в твоих лагерях.
Начинаем работать, учиться. Вот учебник. А вот и станок.
Нужно крепче за труд ухватиться, Труд нам в радость, хотя нелегко.
Будем же дисциплиной железной, юной силой ряды укреплять.
Бросим мысли о воле базарной, станем встречный свой план выполнять.
Жить нам весело с волей единой. Все спаялись мы, в школе подъём.
Кончим смену и в праздник Октябрьский песню дружную грянем, споём:
«Цех ожил, шумят станки, работа закипела.
В цехе все ударники берутся враз за дело.
Класс работою горит, шелестят страницы.
Знания новые усвоим, знаний вереницы.
Навык знания и труда – коммунизма свет
Нас на новый путь ведет. Октябрю – привет!»*

Ещё одно стихотворение Михаила, по существу, призыв к другим ребятам работать хорошо. Это означает, что сам юноша не только преодолел своё прежнее отношение к работе и жизни в целом, но и стремится оказать положительное воздействие на остальных.

*Летом наши мастерские были темны и грязны,
Там стоят станки пустые, а ребята спать ушли.
Симуляция, прогулы у нас летом расцвели.
Ликвидировать их надо, чтоб не шли мы позади.
Во второй мы пятилетке перестроиться должны,
Ликвидировать побеги, встать на новые пути.
Летом мы кирпич грузили для надстройки мастерской.
А сейчас в том помещенье мы работать принялись.
Вот работаем ударно, здесь уютно и светло.
Паровое отопленье в цех тепло нам принесло.
Симулировать мы кончим, работать будем хорошо,
Чтоб соцдоговор не портить, а приняться за одно.*

В ещё большей степени это «педагогическое начало» ощущается в стихотворении «Ты отстаёшь» Алексея О., 17 лет, выпущенного из школы в 1934 г. В дальнейшем он работал на производстве. С 1936 г. он воспитатель в детприёмнике. Член ВЛКСМ. Стихотворение написано в 1933 г.

*Ты отстаёшь, и темп снижаешь, ты вместе с нами не хочешь шагать.
Смотри же, когда ты совсем отстанешь, как будешь тогда догонять?
Ты видишь – дремлют пустые тисы, и ты «разбудить» их не хочешь.
Не маленький ты: уж пробились усы, а глупо и дико хохочешь.
Смотри, твой сосед перегнал на две пары, и третью пару зажал он в тисы.
А ты стоишь, как «кот» на бульваре, ежеминутно глядя на часы,
Ты отстаешь, и шаг замедляешь, ты в спину вонзаешь рабочему нож.
И лень твоя для рабочего класса не что иное как измена и ложь...
Подходит Октябрь шестнадцатый скоро, и что же ты скажешь тогда,
Когда на сцену ударники выйдут, расскажут про мощь труда?!
Расскажут, что школа к победе над прошлым преступным идет напролом.
А ты в своей дури, упрямстве и лени отстал уж на целый год.
Ты, видно, сегодня союзник фашистам, что душат везде коммунизм.
Опомнись, и знай, что твоя измена задерживает социализм!
Но знай, что ни лень, ни фашисты не смогут флаг красный советский
сорвать!*
К победе всемирной придут коммунисты. С кем будешь тогда ты стоять?!

В стихотворении-«лесенке» Григория С., 1931 г., «Бей тревогу!» явственно чувствуется подражание В. В. Маяковскому.

Ученики!
Тревогу бей!
Ведь производство наше страдает
От прогульщиков,
Рвачей,
Лентяев,
Лодырей!

Сегодня –
Четырнадцатилетие Октября!
Ученики!
Дадим слово за себя бороться против:
Пьянства,
Прогулов!
Хулиганства и
Рвачей!

Ура!
За Четырнадцать Октябрей!

Тема «Великого Октября» проходит через многие стихотворения. В те годы это был самый главный праздник. Василий М., 17 лет, впоследствии стал студентом исторического факультета КГПИ. Стихотворение «Песнь стремления» написано им в 1934 г.

*Забыл пустое развлечение, живя учебой и трудом.
Моё упорное стремленье, – шагать за Красным Октябрем.
Забыл, что я живу в неволе, вот в этих каменных стенах.
Но я стремлюсь, как на просторе, по пролетарски дать размах!
Ведь я советский пролетарий, и кровь рабочая во мне.
Как большевик, хочу всегда я петь о советской стороне.
И будет песнь моя рождаться от песен молота, станков;
Стучать, звенеть в ней будет радость, гудки авто и тракторов.*

В стихотворении «К новой жизни» Ивана К., 18 лет, проявляется, можно сказать, стремление к лирической оценке всего того нового и хорошего, что усвоил юноша в школе НКВД.

*Вот уже осень за окнами ходит, солнышко село вдали за рекой.
Всю-то я жизнь свою прожил в неволе за проклятой решеткой стальной.
А вот теперь нахожуся я в школе, и по-советски нас учат здесь жить.
Учат и грамоте, учат работать, чтобы всё прошлое позабыть.
Прожил хоть здесь я недолгое время, но уж дошёл я до думы такой:
Нам уходит уж пора от блатного, мир весь преступный забросить. Долой!
Я ведь сильнее взялся за учебу, стремлюсь я до знаний дойти,*

*Чтобы и школу окончить успешно и Ленинский путь найти.
Вам я кричу, ребята-фабзайцы: «Налегай на учебу, на труд!»
Чтобы рабочие-братья узнали, что улицы дети идут.
Чтобы по-новому радостно встретить знаний родную зарю.
С каждым мы выпуском ближе подходим все к мировому Октябрю.*

В начале 1930-х гг. в СССР стали насаждаться колхозы. Естественно, «музы не молчали» (А. Т. Твардовский «Страна Муравия» и пр.). Свою скромную лепту вносит в воспевание «счастливой колхозной жизни» Василий М., 1933 г. Находясь на обучении и перевоспитании в школе ФЗУ, он вряд ли мог непосредственно наблюдать процесс коллективизации. Тем удивительнее то, что его стихотворение очень интересно, прежде всего, с точки зрения «обрисовки» деталей колхозного быта и деревенских реалий того времени.

*Слышны песни с поля – то жнецы идут.
Как легко на сердце, когда жнейки жнут.
А не то, что раньше, спинушку согнёшь,
Над чужой полоской слезы свои льёшь.
Расцвела деревня, облегчился труд,
Радостные песни бедняки поют.
Не стоит смотритель над моей душой.
Есть руководитель, кто в труде герой.
Отошло то время, бедняку почёт.
Председатель Федин делает отчёт.
Федин сам крестьянин, отроду бедняк.
Он по-большевистски дело ставит так:
Сбор с полей начался – вовремя убрать.
Кулакам покажем, как колхоз ругать.
А потом и чистку проведем на «ять».
Кто в колхозе чуждый – в шею будем гнать.
Все кричали: «Браво!». Но один, Лавров,
Все смотрел сподлобья и краснел как кровь.
Видно, чуял слабость, что бедняк «не тот».
Что бедняк сегодня сам в колхоз идёт.
Подпевалам крышка, кулакам – конец.
Председатель Федин – бравый молодец!
Он на поле с нами и в избе родной,
На учёбе с книгой... Он везде герой!!!*

Аркадий К. видит в комсомоле свой идеал, связывает с ним своё будущее.

*Как хорошо, что мы сегодня юны.
Страна растёт. А вместе с нею мы.
Стучи же громче в наковальню, молот!
Мы – пролетарии, мы – Октября сыны!
Кто у станка, во втузах, кто на поле,
В одну ударную сольёмся в эти дни.
На штурм идём сквозь тьму и буреломы.
Мы – пролетарии, мы в бурях рождены!
И ослабевших всех в борьбе упорной
Мы в бой с собой сегодня не возьмём.
Пусть громче прозвучит наш гимн задорный.
В боях и песнях молодость встряхнём.
Но кто не с нами – прочь давай с дороги,
Страна растёт, по-новому цветёт.
Заводы, громче пойте песнь победы,
Всё юное на зов, иди вперед!
Как хорошо, что мы сегодня юны,
Страна растёт, а вместе с нею мы.
Стучи же громче в наковальню молот,
Мы пролетарии, мы Октября сыны!*

В некоторых стихах нет «политических установок», «красно-октябрьской трескотни». Наверно, стихи, подобные нижеприводимым, не очень поощрялись. Но они тоже – были! Вот, например, стихотворение «Детские мечты» Максима П., 20-ти лет. Написано в 1934 г.

*На кустах рябины капельки росы.
Вспомнил, пролетели золотые дни.
Отцвели цветочки, оголился сад.
Скучные денёчки потянулись в ряд.
Солнце перестало землю согревать,
Вечером не выйдешь на село гулять.
А сидишь на печке, слушаешь метель,
Скоро ли то время, скоро ли тот день,
Когда снова в поле зацветут цветы...
Далеко умчались детские мечты.
Не бывать, что думал, надо ждать зимы.
Скоро на салазках полетим с горы.*

Михаил Ц. пишет хотя и о любимой девушке, но из скромности называет её «товарищ».

*Молодая, с чёрными глазами, и фигурой статна, и стройна.
Я не знал тебя, но кто-то познакомил. С той поры на сердце ты одна.
Для меня ты – ласковый товарищ. На лицо твоё я радостно гляжу.
Ты весёлая, шутливая порою. Я с тобою счастье нахожу.
Я хвалю тебя за красоту и гордость. У меня с тобою все мечты.
Может быть, когда-нибудь и вспомнишь ты о встречах и стихах моих.*

В стихотворениях некоторых детей прослеживается даже некоторая тенденция в развитии их творчества. В качестве примера приводим три стихотворения Михаила Л. Первые два написаны, когда автору было 15 лет.

*Был он недавно бродягой и воров, голодный куски собирал.
А иногда на базаре в толкучке к прохожим в карман залезал.
Вытащит кожу, возьмёт все деньжонки, а документы – порвёт.
Бросит он кожу пустую на крышу, а сам гужеваться пойдёт.
Пойдёт в магазуху; купит, что нужно. Потом в «Центроспирт» забредёт.
Возьмет поллитровку, напьётся, как стелька, и пьяный в ночлежку пойдёт.
Но не дошёл до ночлежки немного, вновь в магазуху зашёл.
Сунулся, было, опять до кармана, да пьяный бедняк подзашёл...
<...> Вот привели тут его в уголкову, ночь в одиночке проспал.
Утром с этапом отправили в Вятку, и так в «Вяттруддом» он попал.*

Этот же автор буквально через две недели написал стихотворение «Завещание». Это стихотворение примечательно тем, что автором постоянно используется слово *да*, которое имеет двойное назначение: оно «выравнивает» рифму и одновременно создаёт особый интонационный настрой.

*Я умру, так вы меня да схороните
Под зелёным да ракитовым кустом.
Над моею да могилую поставьте
Размалёванный да памятник с крестом.
А на памятнике том да напишите
Самый лучший сочинённый мною стих.
Как я жил и как потом да я скончался
Беспробудно да навеки да затих.
Вы не плачьте, да, друзья, да не рыдайте.
Я спокойно лежать буду да в земле,
На беседах вы меня да вспоминайте,
Что когда-то жил я будто на земле.*

Спустя три года поэтическое настроение Михаила было окрашено совсем другими мотивами.

*Вот теперь стою я гордо у станка.
И кончать работу не дрожит рука.
Не дрожит, как раньше, весь мир презирая,
Лез в карман прохожим, деньги добывая.
Воровать я кончил, взялся за ум сам.
И теперь иду я по другим путям.
Я учусь в школе и на производстве,
Скоро выйду в люди грамотным рабочим.
Выйду на завод я, буду работать,
За свою работу деньги получать.
И из этих денег часть буду вносить
В пользу беспризорных, чтобы их учить.
Выведем их в люди, и пускай растут.
Нам же на заводах пользу принесут.
Много им пришлось горя испытать.
Все они нам будут честно работать.
Так, давай, рабочий! Это наше дело.
Будем помогать им честно и умело!*

Очень интересные стихи писал Аркадий К. Сначала в них было больше, как тогда выражались, «есенинского нытья». Но в дальнейшем он, по всей вероятности, «вышел на верную дорогу», и в стихах властвуют оптимистические мотивы.

Вчера

*Отцвели мои русые кудри.
Глаза серые стали, как муть...
Тяжело нам, бездомным бродягам
Отыскать в жизни правильный путь.*

Сегодня

*Улеглася прежняя тревога,
Пережитки прошлого не нужно вспоминать.
Для меня теперь одна дорога.
Партия – моя вторая мать.*

Прощание с друзьями

*Завтра рано прощуся я с вами,
Друг мой, Вася! Ты прощай-прости.
Я пойду по выбитой дороге,
Нам, отжившим, нечего расти.
Наше детство отцвело в неволе,
К новой жизни нет у нас путей.
Отцветают васильки на поле,*

*Сердцу стало что-то холодней.
Завтра рано в пламени рассвета,
Край цветущий, я с тобой прощусь.
Отцветает молодость, как лето.
Отцветай – я больше не вернусь.
Так к чему теперь пустые речи...
Я ушёл, унёс с собой печаль.
Тюрьмы мне уже согнули плечи.
Тюрьмы очернили даже даль.*

Ответ Н. Королевой

*Не тревожь мое сердце больное,
Не показывай синь своих глаз...
Разве есть что-нибудь дорогое
Для отживших людей и для нас.
Я ушёл, ты сгораешь в тревоге,
Может быть, я вернусь в отчий дом.
Но прости, я не знаю дороги,
Всё теперь изменилось кругом.
Для меня ты теперь не отрада,
И село для меня – не приют.
Вы простите меня, что вам надо?
Так забудьте меня как зовут!
Не тревожь моё сердце больное,
Не показывай синь своих глаз,
Разве есть что-нибудь дорогое
Для отживших людей, вроде нас!?*

К прошлому дороги нет

*Завтра рано распрощаюсь с прошлым,
К грязной жизни нет иных путей.
Расцветают васильки на поле,
У станка гораздо веселей.
Завтра рано в пламени рассвета,
Мир преступный, я с тобой прощусь.
Расцветай же, молодость, как лето –
Я теперь ударником зовусь!*

Ответ другу

*Сам не знаю, что со мной случилось.
Только чувствую, что я уже не тот.
По-иному расцветает юность,
В жизни сделан резкий поворот.*

Второе рождение

*Забыто прошлое, друзья. Какая радость.
Слова немые сделались, как звон.
Забыто прошлое, забыта гадость, водка,
Мне нынче кажется, как будто вновь рожден.
На сердце май, весна в разливе.
И сердце радостно бурлит, как водопад.
Я на земле сегодня всех счастливей,
Я не вернусь к преступности назад.*

Весна на сердце

*Кипеньем жизненным я ныне опьянен. Эй, комсомол, я с вами в ногу!
Я понял ныне ваш закон, друзья. Я понял вашу радость и тревогу.
Я сердцем рад; в твои ряды, чье имя – гордость – комсомолец,
Сегодня новым из тьмы, иду я к вам, как доброволец.
Как доброволец новый от станка. Как человек, исправленный в починке,
Стою сегодня гордо у станка. В руках не чувствую заминки.
Рука не дрогнет, чувствую, что – нет. Эй, комсомол, я с вами в ногу!
Я долго, правда, путался в путях. Но ныне – всё, я вышел на дорогу.
Коль «завязать», так «завязать», конец! От жизни бурного потока
Сегодня все должны мы взять, что солнце нам несёт с востока.
Кипеньем жизненным я ныне опьянён. Эй, комсомол, я с вами в ногу.
Я понял ныне ваш закон, друзья. Я понял вашу радость и тревогу.*

Здесь нам хотелось бы отметить тот интересный факт, что увлечение поэзией в среде вятской молодежи 1920–1930-х гг. было очень заметным. В своей монографии «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров. 1993) автором данной статьи дана подробная характеристика этого явления, главным образом, применительно к тогдашним студентам Вятского (Кировского) педагогического института. И, конечно, студенты не только читали стихи и слушали приезжавших поэтов, таких как В. В. Маяковский, А. И. Жаров и Демьян Бедный (Е. А. Придворов), но и сами их писали. Так, один из героев указанной книги, тогдашний студент Вятского пединститута Иван Васильевич Царегородцев (1902–1993) отразил в своем стихотворении один из моментов караульной службы студентов в войсках ЧОН (части особого назначения).

*Полная луна, а перед ней береза оставшимся покровом шелестит.
И песня свежая несётся с перевоза, и дремлющие чувства шевелит.
И мысль баюкает ночная обстановка, и клонит в сон...
Так хочется вздремнуть!*

*Но крепче сжав холодную винтовку, я стал ходить, стараясь не уснуть.
Ведь разве можно спать студенту-коммунару, когда другие безмятежно
спят?!
На этот пост среди дыма и пожара я призван наше счастье охранять.*

Стихи эти, как и приведённые выше, конечно, далеки от совершенства в смысле формы, но все они, очень искренни, и точно передают тревожную, беспокойную обстановку эпохи.

VII. ПУТЬ В НАУКУ НАЧИНАЛСЯ НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ (Э. И. МОНОСЗОН)

Эле Исаевич Моносзон родился 6 (19) июня 1908 г. в г. Ветлуга Костромской губернии (ныне Нижегородской области). Его отец Исай Григорьевич происходил из семьи потомственных винокуров. Он прошёл тяжелый жизненный путь. Винокурение тогда было делом сезонным, и когда в конце зимы заканчивались запасы сырья, он устраивался в мастерскую по ремонту швейных машин компании «Зингер». 5 января 1915 г. И. Г. Моносзон скоропостижно скончался от инфаркта на сороковом году жизни. Накануне он был очень расстроен выговором, полученным от немца-мастера за якобы плохо наточенные его дочери коньки-«снегурки» [56, с. 24].

Семья (мать Ольга Ароновна, бабушка Эстер и пятеро малолетних детей – Гриша, Аля, Соня, Эле и Исай) осталась без средств к существованию. Жили они в сыром подвальном помещении на Соборной улице в доме Е. С. Петрова. На третий день после похорон отца пришёл урядник и сообщил, что в связи со смертью отца семья утратила право на место жительства «вне черты осёдлости». Такая дискриминация в отношении евреев существовала в царской России. Евреи имели право жить лишь в пределах отведённых для них территорий, как американские индейцы в резервациях. Исключение делалось для купцов, цеховых мастеров и рабочих некоторых отраслей промышленности, а также для тех, кто доказал местным властям свою полезность. Обычно это были врачи, ювелиры, часовщики и обладатели других необходимых профессий [57, с. 100].

Поэтому матери требовалось срочно стать «цеховым мастером», и она стала им. В Великом Устюге (там жила сестра Исаия Григорьевича) она приобрела вязальную чулочную машину, обучилась ремеслу и получила вид на жительство. Скромный промысел, дававший занятие всей семье, приносил доход, на который и жили. Ольге Аро-

новне удалось в детстве окончить двухклассное училище, что по тем временам для девушки, да ещё из простого сословия, считалось немалым образованием. Она любила книги и старалась привить интерес к чтению своим детям. Брали книги, в основном, у соседей – обедневших помещиков Петерсонов [69, с. 37].

В семь лет Эле пошёл учиться Учитель Кир Флавич Вознесенский отправил было мальчика домой, дескать, «мал ещё», но мать упростила его разрешить посещать уроки. После окончания первого класса по совету сестры отца, Эле, проявившего большие способности к учёбе, отправили в Вятку, и с осени 1916 г. он был отдан в еврейскую школу (хедер повышенного типа), содержащуюся местным богатеём-благотворителем Насатысиным. Хотя это было учреждение открытого типа (для приходящих детей), режим там напоминал порядки закрытого учебного заведения с постоянным пребыванием. В основу обучения было положено изучение религиозных еврейских учебных предметов: древнееврейский язык, хумеш, талмуд-торе. Но преподавались и русский язык (чтение и письмо), география с элементами естествознания, элементы всеобщей (в особенности еврейской) истории, арифметика. Порядки в школе были очень строгие. Учителя жестоко наказывали воспитанников за малейшую провинность. Особенно отличался этим учитель географии по фамилии Желудок (сам он произносил её картавя – «Зелудок»). За всякое движение во время объяснения урока он бил ребят указкой. Однажды они отомстили злему учителю: подпилили лобзиком его указку и подложили на учительский стол кнопку. В итоге весь класс на неделю остался без обеда.

Сильное впечатление на маленького Эле производили извозчики в солидных армяках и цилиндрах летом, а зимой – в овчинных тулупах и высоких меховых шапках. Его поражало людское оживление в масленицу, и катанье обеспеченных горожан на санных повозках, украшенных домоткаными коврами. Особенно поражал его праздник «свистунья», проводившийся на высоком берегу Вятки. Бойкая торговля, раскрашенная гончарная посуда, дымковские чудо-игрушки, свистульки, дудки, флейты-самоделки!

В Вятке встретил Эле Февральскую революцию. Бегал вместе со всеми по школьному двору и кричал: «Пой, Николушка, не пой! Трон уже не твой!». Летом 1917 года Эле без разрешения школьного начальства покинул Вятку, «зайцем» доехал до станции Шарья и пешком пришел домой. Осенью того же года он был зачислен учеником 1

класса Ветлужской мужской гимназии. Через год гимназия была преобразована в единую трудовую школу. Учеников, перешедших во 2 класс гимназии, зачислили в 3 группу (так стали называться классы) [50, с. 55].

Повсеместно в стране было усилено преподавание естественной истории, введён труд в учебных мастерских (столярное дело, переплётное дело, плетение корзинок из ивовых прутьев). Вводилось ученическое самоуправление, старостат; создавались «кружки», оркестры и отряды «юков» (юных коммунистов), – предшественников пионерской организации. Всем детям в отряде, и Эле в том числе, нравилось, что им вручили зелёные свитеры, – своего рода знак отличия для юка как защитника леса и природы. Работа в отряде юков приносила детям огромное удовлетворение. Они ходили в походы, пели песни, занимались тем, что им было интересно.

По приглашению родных в августе 1922 г. семья переехала в г. Вятку. Решиться на этот шаг было непросто. В Ветлуге Ольга Ароновна имела работу: работала инструктором по труду при уездном отделе народного образования, – обучала девочек чулочному ремеслу. А что будет в Вятке? Вятка по сравнению с Ветлугой была большим городом.

Семья по-прежнему жила «вязкой и надвязкой чулок и носков». Подрастали дети. Гриша поступил счетоводом в частный магазин. Эле с 15 лет постоянно занимался репетиторством. Мать пекла хлеб и разносила его по домам; припёк оставался в семье. Учился Эле в школе второй ступени имени Фридриха Энгельса. Был школьным активистом, редактором газеты, старостой, организатором кружка по изучению истории Российского коммунистического союза молодёжи (РКСМ), председателем школьного ученического совета. Во главе школы стояли опытные педагоги, заведующие А. Ляпунов, А. Бульканов, К. Иньков. Это были требовательные, и, вместе с тем, гуманные люди, много общавшиеся с учениками и коллегами, не допускавшие никакой грубости. Особенно яркий след в истории вятского образования оставил Константин Игнатьевич Иньков, основатель известной педагогической династии [69, с. 39].

Историю вела замечательная учительница Зинаида Ивановна Одинокова, много работавшая над развитием мировоззрения и исторического мышления у своих воспитанников. Она применяла метод докладов: ученики самостоятельно изучали литературу и затем выступали перед своими товарищами. Отличным педагогом был Павел

Васильевич Тюльпанов, в меру строгий, всегда подтянутый и благожелательный, добивавшийся прочного усвоения материала. Словесница Клавдия Дмитриевна Сазонова отлично читала стихи, передавала по памяти значительные по объёму отрывки произведений русских классиков. Она широко практиковала метод ученических рефератов, большое внимание уделяла руководству выразительным чтением. Всемерно поощряла литературное творчество учащихся. Регулярно проводила конкурсы на лучшие ученические стихи и сочинения на заданную тему. Однажды группа учеников, в том числе и Эле, под руководством своей учительницы сочинила инсценировку в стихах, посвящённую зарубежным борцам революции, томящимся в застенках. На выступлении ребят присутствовал известный немецкий политэмигрант Макс Гельц, который был очень растроган тёплой встречей.

К школьникам приходили на творческие вечера вятские поэты и прозаики Семен Большаков, Константин Алтайский, писавший стихотворные сатирические фельетоны под псевдонимом «Муха Це-Це». Школьным товарищем Эле был Леонид Владимирович Дьяконов, в будущем известный детский писатель, собиратель вятского фольклора, автор замечательной повести «Олень – золотые рога», а также стихов, поэм и сказок.

Одним из широко распространённых в 1920-е годы методов внеклассной работы были так называемые литературные суды. Эле Исаевич вспоминал один такой суд. В небольшом школьном зале, за столом, покрытым красным сукном, сидят «члены суда». «Обвинитель», один из старшеклассников, утверждает, что Анна Каренина – женщина безнравственная: она изменила мужу, посягнула на святая святых – семейные устои. Так что её самоубийство есть справедливая кара за аморальное поведение. «Общественный защитник», старшеклассница, отводит выдвинутые против Анны обвинения и во всём винит мужа – человека сухого и бездушного. Разгорается дискуссия. Большинство учащихся настаивает на моральном осуждении поведения Анны Карениной [45, с. 69].

В учебные планы тех лет было включено трудовое обучение. Уроки труда проводились в межшкольных мастерских при Вятском школьном городке (впоследствии школа № 22). Под руководством учителей С. Зонова и Н. Сысолятина производились столярные и слесарные работы: изготовление табуреток, деталей для переплётных станков и других полезных вещей. В школах в обязательном порядке

была введена должность политруков, которые вели занятия по обществоведению, декретоведению, проводили политинформации и направляли в идеологическом плане внешкольную работу [57, с. 103].

В 1923 г. в Вятском школьном городке на ул. Коммуны (ныне ул. Московская) был организован самодеятельный детский театр. В числе артистов оказался и Эле Моносзон. Руководитель театра, энтузиаст детской художественной самодеятельности В. Т. Вольнов много сил отдавал художественному воспитанию школьников. Раз в месяц обязательно выходил новый спектакль. Любовь к музыке привела Эле и в оркестр народных инструментов при городском клубе кожевников имени Демьяна Бедного (Эле играл на мандолине). В клубе оркестр обеспечивал музыкальное сопровождение демонстрировавшихся немых кинофильмов, а также обслуживал танцевальные вечера.

В ту пору выдвигался лозунг смычки города с деревней. Комсомольские и ученические организации школы были связаны с соответствующими организациями сельской школы в селе Вожгалы. Взаимные приезды, участие городских ребят в летних сельскохозяйственных работах, концерты художественной самодеятельности... Привлекались школьники и к проведению общественной работы. Так, зимой 1924 г. группа старшеклассников во главе со слушателем губернской совпартшколы С. И. Панковым отправилась в подшефное совпартшколе село Бобино, чтобы принять участие в торжественном обряде «октябрин». У тамошнего милиционера родился сын, и вот вместо крещения в церкви в сельском клубе проходила церемония «октябрин». Выступавшие, и Эле в том числе, пожелали новорожденному счастья, и по общему согласию нарекли младенца Рэмом (это была аббревиатура слов *революция – электрификация – мир*) [50, с. 57].

В 1925 г. Эле поступил по комсомольской путевке в Вятский педагогический институт на общественно-экономическое отделение. Этот выбор на всю жизнь определил его дальнейшую судьбу как педагога, учёного и деятеля народного образования. Учиться было нелегко. Учебников почти не было, литературы на всех не хватало. Эле обстоятельно записывал все лекции в большие бухгалтерские книги, которыми снабжал его старший брат, работавший бухгалтером. Почти всё время обучения Эле одновременно трудился и в школе, а с января 1929 г., ещё до окончания института, был зачислен в штат школы II ступени имени И. С. Тургенева, где преподавал историю и обществоведение.

Учился и работал он с удовольствием, принимал активное участие в общественно-политической работе: был членом комсомоль-

ской ячейки, руководил академическим сектором профкома, часто выезжал вместе с товарищами на село с докладами и концертами художественной самодеятельности. Много времени Эле проводил в институтской библиотеке. На фотографии, сделанной в читальном зале, (эта фотография приводится в данной книге), слева от него заведующий библиотекой Константин Петрович Суханов, который работал в институте с первого дня его существования, то есть с 1 июля 1914 г. по день смерти (15.01.1955), причём первые годы – преподавателем русской словесности.

В институте Э. И. Моносзон сделал первые шаги в науке. Под руководством профессоров, историка Павла Николаевича Луппова и географа Валентина Алексеевича Танаевского, он увлёкся краеведческой работой, и в январе 1928 г. к десятилетию ВЛКСМ вышла в свет его первая книжка «Путь комсомола» (из истории Вятской организации). В работе над ней Эле работал в архивах, встречался с бывшими комсомольцами начала 1920-х гг. на станциях Зуевка и Мураши, в Вятском вагонном депо, где возникли первые комсомольские организации. Тогда же он опубликовал в местных периодических изданиях несколько статей: «Организованность населения Вятской губернии», «Из истории пореформенного крестьянского движения в Вятской губернии».

Приближалось время окончания института. Эле был намечен к оставлению на научно-педагогической работе в институте. Но в начале 1929 г. его вызвали в губернский комитет комсомола и предложили быть представителем комсомола в губоно. Так он был назначен старшим инспектором губоно и одновременно продолжал работать в школе. Никакого опыта инспектирования у него, конечно, не было, и поэтому молодой педагог обращался за советами к опытным инспекторам Н. В. Тарасову, И. В. Некрасову, заведующему губернным отделом народного образования В. Д. Мазурову. Непросто было совмещать инспектирование сельских школ с работой в школе, ведь транспортного сообщения в нашем сегодняшнем понимании тогда просто не было. Помимо инспектирования в круг обязанностей Моносзона входило проведение семинаров и практикумов для учителей, организация курсов и лекций, к чтению которых привлекались преподаватели местного пединститута, инспекторы губоно Л. Головин, Т. Саар, а также приезжавший из Москвы сотрудник НКП И. Т. Огородников.

Двадцатые годы были временем методических поисков, которые подчас заводили педагогов в тупик. Повсеместно в школах и вузах на-

вязывалась так называемая педология, которая вскоре была признана лженаукой. Нередко некритически перенимался зарубежный опыт. «Инициатива» в этом принадлежала, естественно, НКП РСФСР, дававшего распоряжения вводить на местах то метод проектов, то лабораторно-бригадный метод, то идеи американского педагога-прагматика Джона Дьюи (1859–1952).

Опытные вятские педагоги Владимир Александрович Петров и Макар Афанасьевич Чащин с участием Моносзона (он был редактором и автором предисловия) написали книгу «Метод проектов в школе» (Вятка, 1930), в которой вся государственная программа была перестроена в соответствии с методом проектов, как и предписывалось свыше. Всего в книге было около двухсот «проектов». Книга даже получила положительную оценку в одном из педагогических журналов, хотя и представляла собой, как стало понятно немного позже, конкретное проявление того методического «прожектёрства», о необходимости избавления от которого говорилось в постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 4 сентября 1931 г. Но это было уже позднее, а в 1920-е гг. всё это деятелями НКП выдавалось за новаторство.

В те годы для детей нередко организовывались дальние экскурсии. Об одной из таких экскурсий в Москву Моносзон вспоминает в книге «Становление и развитие советской педагогики. 1917–1987» (М.: Просвещение, 1987). Летом 1929 г. в Вятку прибыло свыше 350 сельских школьников, для которых был выделен специальный поезд, в котором экскурсанты и отправились в Москву.

В один из дней руководитель делегации Э. И. Моносзон вместе с группой ребят имел беседу с начальником Главного управления социального воспитания наркомпроса, замечательным педагогом М. М. Пистраком, впоследствии репрессированным. Когда ребята вошли в его кабинет, он спросил: «А где, ребята, ваш руководитель?» Эле представился. Моисей Михайлович извинился: невысокого роста, щупленький Моносзон внешне мало отличался от старшеклассников-сельчан. Завязалась интересная беседа. Прощаясь, Пистрак подарил каждому по томику произведений русских классиков [50, с. 57–58].

С апреля 1931 г. по сентябрь 1937 г. Э. И. Моносзон работал в г. Нижнем Новгороде, тогдашнем краевом центре; в этот край в те годы входила и Вятка. Поначалу он занимал должность старшего инспектора-методиста, затем был утверждён заведующим учебно-методическим сектором крайоно. В задачу сектора входило «обеспечение ло-

кализации школьных программ», разработка инструктивных и методических писем, налаживание методической работы, создание учебников («свои» учебники тогда издавали автономные республики, края и даже области). Создавались и так называемые «рабочие книги», «рассыпные» учебники, приспособленные для лабораторно-бригадного метода и метода проектов. Однако уже очень скоро вышли постановления ЦК ВКП(б) от 25.08.1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» и от 12.02.1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы», в которых, в частности, ставились задачи преодоления вышеуказанных методов и создания стабильных учебников.

В Нижнем Новгороде, вскоре получившем наименование Горький, Э. И. Монозон продолжал научную работу. Он постоянно печатался в местном журнале «Горьковский просвещенец», редактировал «Методический бюллетень», вместе с И. С. Комаровым издал книги для чтения в начальных классах «Маленький ударник» и «Юные ударники». Здесь вышла книга Монозона, обобщавшая опыт Большемурашкинской образцово-показательной школы.

В 1934 г. по согласованию с НКП здесь даже был открыт краевой НИИ политехнической школы со штатом сотрудников до двадцати человек. Э. И. Монозон был утверждён директором, его заместителем был доцент пединститута А. Дойников, позднее – профессор В. А. Вейкшан, по совместительству заведующий кафедрой педагогики местного пединститута, впоследствии известный исследователь педагогического наследия Л. Н. Толстого.

По работе в это время Монозон общался с первым секретарём крайкома партии А. А. Ждановым, известными учёными-педагогами С. Т. Шацким, А. П. Пинкевичем, С. А. Каменевым, с народным комиссаром просвещения А. С. Бубновым. К этому времени относится и его первая встреча с Н. К. Крупской. Летом 1934 г. Монозон выступал на совещании в Москве, и вдруг заметил среди слушателей своего первого учителя Кира Флавича. Радостной была эта встреча. Присутствовавшая при этом Крупская с улыбкой заметила: «Смена смене идёт!»

В августе 1937 г. поступило распоряжение из наркомпроса явиться в управление руководящих кадров. Эле Исаевича переводили на работу в Москву. Быть просто аппаратчиком ему не хотелось. Жизнь в Горьком привлекала возможностью сочетать административную работу с научно-педагогической деятельностью (в последние

годы он по совместительству преподавал в Горьковском пединституте). Своими сомнениями Э. И. Монозон поделился с заместителем заведующего отделом школ ЦК ВКП(б) И. А. Каириным, впоследствии министром просвещения РСФСР и одновременно президентом АПН РСФСР, Героем Социалистического Труда. Монозон просил оставить его в Горьком, но Иван Андреевич сказал, что решение принято наркомом и отделом школ ЦК, так что надо готовиться к вступлению в новую должность, а пока следует прибыть в Кремль, в секретариат председателя Совнаркома РСФСР.

Вот как описывал встречу в Кремле Э. И. Монозон: «В первом часу ночи меня пригласили в кабинет Н. А. Булганина. Он подробно познакомился со мной; спросил, где я работал раньше, попросил кратко охарактеризовать состояние школьного дела в Горьковской области. В заключении он спросил, сколько мне лет, на какую должность намечает меня Бубнов. “А как у вас насчёт биографии? Нет ли в семье репрессированных?”. Машинально отвечаю: “Пока нет”. Булганин вскипел: “Что значит “пока”? Пришлось извиниться за случайно обронённую неосторожную фразу. “Вам, вероятно, непонятно, почему предсовмина лично занимается комплектованием руководящих кадров наркомпроса? – спросил Булганин. – Дело в том, что мы не доверяем наркому Бубнову, и приходится мне лично заниматься кадрами наркомпроса”. Я был немало удивлён такому заявлению. А. С. Бубнов остался в моей памяти как сильный руководитель, хорошо понимавший задачи школы, политические функции народного образования. Иногда бывал он резок, но всегда справедлив» [50, с. 58].

Приказ о назначении Э. И. Монозона на должность первого заместителя начальника управления начальных школ НКП, а позднее и начальником учебно-методического отдела (с сохранением и прежней должности) подписывал уже новый нарком П. А. Тюркин, занимавший эту должность в 1937–1939 гг. В историю нашей страны вторая половина тридцатых годов вошли как символ разгула необоснованных репрессий. Жестоко пострадала и педагогическая наука.

В частности, погибли такие видные учёные и деятели народного образования, как А. С. Бубнов, М. С. Эпштейн, М. М. Пистрак, М. П. Орахелашвили, А. П. Пинкевич, С. А. Каменев и многие другие. Отстранялся от работы П. П. Блонский, а впоследствии и великий психолог С. Л. Рубинштейн [69, с. 44].

Сложным был режим работы в НКП, также, впрочем, как и в других наркоматах. Подстраиваясь под «режим дня» Сталина, работу

начинали, как положено, в 9 часов утра, а заканчивали не раньше полуночи. Нарком и его заместители уезжали около 2 часов ночи. Ни о какой продуктивной работе в ночное время не могло идти речи, тем более что это повторялось ежедневно. И всё-таки работа шла, несмотря на все трудности.

Важной задачей, решением которой приходилось заниматься коллективу, возглавлявшемуся Э. И. Моносоном, было, например, создание письменности для многочисленных малых народов, не имевших её прежде, и обеспечение перехода на русскую графику ряда народов России. И, конечно, создание бесчисленных учебных планов, программ, учебников... [57, с. 106].

Во время работы в наркомпросе Э. И. Монозону приходилось встречаться и сотрудничать с А. С. Макаренко. Э. И. Монозон был организатором цикла лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных выдающимся педагогом в НКП в январе 1938 г. Аудитория благожелательно встретила эти лекции, как и его статьи в «Правде» и «Известиях», а вот верхушка НКП, «педагогический Олимп», против которого так упорно сражался Антон Семёнович, дала нагоняй инициатору этих лекций, то есть Э. И. Монозону.

Летом того же года Макаренко обратился с просьбой в городской отдел образования г. Москвы о выделении школы для продолжения им и его последователями педагогического эксперимента в школьных условиях. Там ему порекомендовали обратиться в НКП. Заместитель наркома А. С. Лихачев поручил группе ответственных работников НКП (В. М. Михайлов, Ф. В. Гормонов, Э. И. Монозон) встретиться с Макаренко и выяснить предполагаемую цель опытной работы. Состоялись две встречи с ним, в ходе которых выдающийся педагог изложил своё, весьма критическое отношение к состоянию воспитательной работы в школе, и предложил провести опытную проверку его педагогических воззрений в условиях обычной массовой школы, ибо ему ставили в упрек то, что его методика рассчитана только на беспризорников и может быть использована лишь в условиях колонии, в изолированном учебно-воспитательном учреждении. Увы, руководство наркомпроса не поддержало плана А. С. Макаренко. В итоге, в Москве Макаренко отошёл от практической работы, полностью посвятив себя научно-литературной деятельности.

А. С. Макаренко произвёл на Монозона впечатление сильной личности, страстно убеждённой в правильности испытанных им на практике принципов воспитания в коллективной, трудовой деятельно-

сти. Он с сарказмом, безжалостно высмеивал любителей пресловутой «парной» педагогики. Прекрасно понимая значение индивидуального влияния воспитателя на личность каждого отдельно взятого воспитанника, он справедливо полагал, что этот подход должен инструментиться через взаимодействие детей в коллективе, опосредованно, путём применения метода «параллельного действия» [57, с. 107].

В журнале «Народное образование» был опубликован диалог двух видных учёных-макаренковедов: Гетца Хиллига, руководителя лаборатории «Макаренко-реферат» при Марбургском университете (Германия), выпустившего, кстати, двадцатитомное собрание сочинений Макаренко, и Валентина Васильевича Кумарина, доктора педагогических наук. Приведём несколько выдержек из этого диалога, а именно тех фрагментов, которые имеют отношение к Моносзону.

«...Г. Хиллиг: А что говорили о Макаренко другие современники, с которыми он был знаком? Моносзон, например.

В. В. Кумарин: Моносзон был очень умный и достаточно принципиальный человек. Он мне рассказывал, как в январе 1938 г. он организовал в НКП цикл лекций Антона Семеновича.

Г. Хиллиг: Он рассказывал тебе, как он познакомился с Макаренко?

В. В. Кумарин: Моносзон пригласил его через Союз писателей. Макаренко выступал в газетах против НКП, и Моносзон решил вблизи посмотреть на этого бунтаря.

Г. Хиллиг: У Моносзона было какое-то мнение о характере Макаренко?

В. В. Кумарин: Я не раз его спрашивал об этом. И он говорил всегда одно и то же. «Тяжёлый был характер. Никому и ни в чём не уступал. Даже по пустякам. Никогда не улыбался. Когда говорил, то казалось, что он специально разбивает нашу веру в пух и прах. Это раздражало: “Подумаешь, явился мессия”. Но он гнул своё...». Бубнов Макаренко поддерживал, но Н. К. Крупская не воспринимала на дух. “Дамсоцвос” шёл по всей стране от неё. Макаренко это знал, но идти против вдовы В. И. Ленина не боялся.

Г. Хиллиг: Ты говорил, что у Моносзона из-за этих лекций были неприятности?

В. В. Кумарин: Он на год был исключён из партии. “Что за педагогику ты нам рекомендуешь?” И продолжали в том же духе, что она не имеет ничего общего с марксистско-ленинской теорией» [1, с. 118].

Возможно, выступления А. С. Макаренко в НКП РСФСР и имели некоторое отношение к неприятностям, обрушившимся на Эле

Исаевича, однако главная причина, видимо, была всё-таки в другом. В 1938 г. в Горьком и Кирове были репрессированы оба его брата, а также некоторые лица, с которыми он был связан по работе в Горьком. Из этого города поступило «заявление», в котором Моносзон обвинялся в якобы насаждении «карликовых школ», издании недоброкачественных инструктивно-методических материалов, а также в связях со скомпрометировавшими себя руководящими работниками области.

...В повестку дня партийного собрания в НКП было вынесено персональное дело Э. И. Моносзона (Он был членом ВКП(б) с 1930 г.). Несколько раз своим голосованием собравшиеся отвергали абсурдные обвинения, и не поддерживали спущенного «сверху» приказа об отчислении Э. И. Моносзона из партии. И только когда начальник отдела руководящих кадров грозно предупредил членов парткома, что Моносзона нельзя отпускать с собрания с партбилетом, небольшим большинством голосов было принято решение об исключении Эле Исаевича «за потерю политической бдительности и связь с врагами народа...» [50, с. 59].

Н. К. Крупская, как могла, утешала своего коллегу. Э. И. Моносзон был переведён на должность инспектора-методиста учреждений «для испанских детей». В его обязанности входило методическое обеспечение обучения вывезенных с родины малышей-испанцев, что было тем более непросто, что никто из сотрудников не знал испанского языка. Через две недели Эле Исаевича вызвали на заседание бюро Куйбышевского РК ВКП(б) г. Москвы. Члены бюро высказали мнение, что он не заслуживает столь сурового наказания, и вынесли решение об уменьшении наказания: «всего-навсего» перевести из членов партии в кандидаты.

Э. И. Моносзон поначалу был рад такому повороту событий, но через месяц его ожидала новая неприятность: его освободили и от скромной «испанской» должности. Что делать? На работу нигде не берут. И вдруг звонок от заведующей Московского городского отдела народного образования Антонины Дмитриевны Сергеевой, которая предложила должность директора школы. Э. И. Моносзон просил дать ему рядовую учительскую работу. В результате, он получил назначение на должность завуча и учителя средней школы № 274. Кстати, А. Д. Сергеева прожила почти сто лет; она скончалась в один год с Э. И. Моносзоном, будучи на два десятка лет старше его [57, с. 108]. А. Д. Сергеева и сообщила Моносзону, что Н. К. Крупская

звонила перед обсуждением его персонального дела на бюро секретарю Куйбышевского райкома партии Н. М. Шаховой. Крупская же лично и попросила Сергееву устроить Моносзона на работу. По существу, Надежда Константиновна спасла своего молодого коллегу от расправы. В августе 1940 г. после реабилитации братьев Эле Исаевича восстановили в партии.

Судьбы его братьев и сестер были тесно связаны с городом Кировом. Старший брат Григорий (1904–1979) всю жизнь работал бухгалтером, в 1943–1975 гг. был главным бухгалтером облсобеса в Кирове, постоянно преподавал на бухгалтерских курсах. Младший брат Исай (1910–1973) в 1922 г. вступил в первый в городе Вятке пионерский отряд. После окончания школы он работал старшим пионервожатым в Вятском ШГ. В 1930-е гг. учился в аспирантуре Горьковского пединститута, работал в краевом бюро пионеров, а также главным редактором областной пионерской газеты «Клич пионера» и областной комсомольской газеты «Ленинская смена». Всю войну он провёл на фронте политработником, награждён многими орденами и медалями. После войны работал в Ворошиловградском высшем авиационном училище. После демобилизации из армии в звании подполковника защитил кандидатскую диссертацию по проблемам военно-патриотического воспитания и работал доцентом кафедры педагогики Кировского пединститута. Автор данной монографии учился у И. И. Моносзона (он преподавал курс педагогики), провожал его в последний путь в 1973 г.

Сёстры Эле Исаевича Алевтина и Софья стали учительницами. В последнем издании книги «Пионерская летопись» (Киров, 1982) есть фотография Софьи Исаевны Моносзон (по мужу – Долгих) со своим отрядом. Непросто сложилась её жизнь. После окончания Вятского пединститута она в течение двадцати лет работала учительницей, причём последние годы в школе для детей, отстающих в развитии. Тяжело заболев, она не прекращала занятий в школе, т. к. не на кого было оставить класс, и, получив осложнение на сердце, скончалась, оставив сиротами троих малолетних детей [50, с. 60]. Избрали педагогическую деятельность дочь Э. И. Моносзона Н. Э. Фокина, кандидат психологических наук, и внук Михаил, выпускник физического факультета МГПИ имени В. И. Ленина.

... Осенью 1940 г. Э. И. Моносзона перевели на работу в НИИ школ НКП. Там он работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором педагогики, учёным секретарём вплоть до ухода в

ряды действующей армии в июле 1942 г. Непросто было работать учёным в условиях плотного идеологического, а то и просто репрессивного давления. Нет-нет да и приходилось наступать на горло собственной песне. Так, в мае 1941 г. нарком В. П. Потёмкин сообщил, что есть поручение свыше подготовить проект постановления о раздельном обучении в школах мальчиков и девочек. Это, дескать, требуется для целей военной подготовки юношей и укрепления дисциплины в школе, хотя весь предшествующий отечественный и мировой опыт свидетельствовал о преимуществах совместного обучения. Более недели группа специалистов, и в их числе известные учёные Е. Н. Медынский и С. М. Ривес, трудилась над составлением нужной справки, которая им, сторонникам совместного обучения, никак не давалась. В конце концов, родилась на свет туманная формулировка о том, что, дескать, с целью более полного учёта возрастных и половых особенностей, укрепления дисциплины и лучшей постановки военно-физического воспитания молодежи следует признать необходимым раздельное обучение. Введение этого мероприятия было осуществлено в 1943–1944 гг., и нанесло немалый вред как дисциплине, так и учёту возрастных и половых особенностей, но, в то же время, действительно содействовало лучшей организации военного обучения в школе; ведь у мальчиков и девочек были совершенно различные программы подготовки [57, с. 109–110].

В октябрьском номере журнала «Начальная школа» (1941 г.) Моносзон выступил с острой статьей «Педагогика фашистских варваров», содержащей анализ и критику воспитательных установок идеологов фашизма: Гитлера, Гимmlера, Геббельса, Розенберга, представителей фашистской педагогической науки (Шемм, Крик) с их теорией неравенства человеческих рас. В заключение автор пророчески писал: «Пройдут годы: могилы фашистских захватчиков, нашедших себе смерть на бескрайних просторах нашей Родины, зарастут бурьяном. Народы мира будут с омерзением вспоминать фашистских растлителей мировой культуры...» [10, с. 12].

Враг подходил к ближайшим подступам столицы. НКП был эвакуирован в г. Киров, а НИИ школ, работавший при НКП, – в г. Молотовск, ныне г. Нолинск Кировской области. Из Москвы до Кирова (расстояние около 1000 км) состав с семьями сотрудников этих учреждений добирался двенадцать суток, и прибыл на станцию назначения в конце октября. Для НКП выделили здание средней школы им. Октябрьской революции по ул. Большевиков и только что вы-

строенную гостиницу «Центральная». НИИ школ был размещён в педагогическом училище; под жильё определили несколько частных квартир и частично помещение местного педучилища. В Молотовск, расположенный в 80 километрах от областного центра, прибыла целая группа широко известных ученых, и среди них выдающийся лингвист Л. В. Щерба, педагоги Е. Я. Голант и С. Г. Шаповаленко, биолог Н. М. Верзилин, физик-методист П. А. Знаменский и другие видные деятели советской педагогической науки [69, с. 48–49].

В числе этих учёных был и Э. И. Монозон. Директором института был профессор Б. В. Всесвятский (1887–1987), крупный специалист в области методики естествознания. Вести научную работу было трудно: отсутствие библиотек, архивов, скудное питание... Большую часть времени занимала заготовка топлива, работа на огороде и т. п. Но и в этих условиях учёные продолжали научные исследования, писали книги, статьи, брошюры, выполняли различные поручения НКП.

В июле 1942 г. Э. И. Монозон из Молотовска был призван в действующую армию. После месячной подготовки в учебном батальоне он был направлен в Ленинградское военно-политическое училище имени Ф. Энгельса, дислоцированное в г. Шуя Ивановской области, где был курсантом до мая 1943 г.

Политработник Монозон занимал должность заместителя начальника политотдела дивизии. Он прошёл фронтовыми дорогами вместе со своей дивизией от Бобруйска и Гомеля до Варшавы и Берлина, сполна хлебнув фронтовых трудностей. Три боевых ордена (Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени) и три ордена за трудовые заслуги (Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта»), а также двенадцать медалей, в том числе Н. К. Крупской и К. Д. Ушинского, – таков итог боевого и трудового пути Э. И. Монозона.

В первые послевоенные годы одним из ведущих НИИ в системе АПН РСФСР, основанной в октябре 1943 г., был НИИ методов обучения, преобразованный из НИИ школ НКП, в котором до войны работал Э. И. Монозон. Сюда же он и вернулся по окончании ратной службы. Сначала ему предложили работу в качестве заведующего сектором научно-методической консультации, главной задачей деятельности которого было изучение и обобщение передового педагогического опыта. Потом в течение десяти лет (1955–1965) он был заместителем директора института по научной работе. (Институт в эти годы получил название НИИ общего и политехнического образования) [57, с. 110–111].

В 1946 г. Э. И. Моносзон защитил кандидатскую диссертацию по вопросам воспитания сознательной дисциплины учащихся, а спустя 22 года – докторскую, по проблеме воспитания в процессе обучения. В 1955 г. он был избран членом-корреспондентом АПН РСФСР, в 1965 г. – действительным членом АПН РСФСР, а в 1968 г. – действительным членом АПН СССР. Его избирали членом президиума академии (1965), в 1965–1967 гг. он исполнял обязанности главного учёного секретаря президиума АПН СССР, а в 1966–1970 гг. – академика-секретаря отделения дидактики и частных методик президиума АПН СССР.

Освободившись в начале семидесятых годов от большой организационно-управленческой работы в академии, Э. И. Моносзон получил возможность «на старости лет» глубже заняться научной работой. Итогом его опытно-экспериментальной работы стали такие книги как «Содержание образования в средней школе», «Система идейно-политического воспитания учащихся», «Формирование коммунистического мировоззрения школьников в процессе обучения и труда», «Пути осуществления связи обучения с жизнью, с трудом», «Теоретические основы коммунистического воспитания школьников», «Основы педагогических знаний» и др. Некоторые из его книг выходили за рубежом в переводе на болгарский, польский, словацкий, чешский, немецкий, французский, испанский и английский языки. Всего им опубликовано 265 научных работ, в том числе 32 за рубежом.

В марте 1982 г. президиум АПН СССР наградил учёного премией имени Н. К. Крупской за книгу «Проблемы теории и методики коммунистического воспитания школьников» (М., Педагогика, 1978). Книга эта была ему особенно дорога, так как в ней нашли отражение многочисленные исследования Моносзона в области становления и развития теории и методики воспитательной работы. Книга была переиздана в Венгрии (1980) и ГДР (1981). Разумеется, не все идеи выдержали проверку временем. И это не случайно, ибо в центре внимания академика всегда были, прежде всего, вопросы формирования мировоззрения, проблемы воспитания молодежи. А жизнь вносит свои коррективы в, казалось бы, незыблемые оценки... Но лучшее из того, что написал учёный, будет служить педагогической науке долгие годы.

Представляется очень ценной его последняя книга «Становление и развитие советской педагогики. 1917–1987» М.: Просвещение, 1987), в которой, по существу, впервые в отечественной педагогической науке дана характеристика деятельности большого количества

видных советских ученых-педагогов и деятелей народного образования (А. П. Пинкевич, М. М. Пистрак и др.).

Э. И. Моносзон был без преувеличения одним из наиболее значительных учёных в области педагогики. Поэтому не удивительно, что ему приходилось общаться с такими замечательными педагогами как В. П. Потёмкин и И. А. Каиров, каждый из которых был в своё время министром просвещения и президентом АПН РСФСР одновременно. Ему приходилось много общаться с учёными-педагогами, большая часть научно-практической деятельности которых прошла ещё в досоветские годы (Н. В. Чехов, Н. Н. Иорданский), а также с теми исследователями следующего поколения, кому он помогал в публикации их трудов (среди них, В. А. Сухомлинский). Об Э. И. Моносзоне с неизменной теплотой вспоминали его младшие коллеги, в частности, научный руководитель автора данной монографии, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР Ольга Сергеевна Богданова.

Э. И. Моносзон посетил в составе делегаций АПН СССР с деловыми визитами большинство европейских и ряд азиатских стран, представлял советскую педагогику в ЮНЕСКО. Особенно памятными были встречи с выдающимся швейцарским ученым-психологом Жаном Пиаже в Женеве на международных конференциях, организовывавшихся ежегодно международным бюро по просвещению, директором которого много лет был Пиаже. Летом 1965 г. во дворце Лиги Наций к Моносзону обратился седой румянолицый человек со словами: «Уважаемый коллега! Вы сидите на том самом кресле, на котором тридцать лет назад сидел ваш знаменитый нарком иностранных дел М. М. Литвинов». Этот седой человек и был Пиаже. Пиаже и Моносзон разговорились. Ж. Пиаже был известен своими исследованиями в области детского мышления и речи, и со свойственным ему энтузиазмом доказывал, что базой педагогики является экспериментальная психология и ничто другое. Э. И. Моносзон же убеждал собеседника в том, что безмерное увлечение экспериментом – одно из заблуждений в педагогике. Ведь эксперимент зачастую даёт выводы, которые невозможно реализовать в широкой практике. Обобщающие выводы и психологии, и педагогики, считал Эле Исаевич, должны опираться на массовый опыт...

Несмотря на постоянную занятость Э. И. Моносзон не забывал город, в котором прошли его детство и юность. Он неоднократно бывал в Кирове в зрелые годы, принимал участие в юбилейных торжест-

вах по случаю 50-летия Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в ноябре 1968 г. (Тогда юбилей был приурочен к дате присвоения институту статуса вуза). Э. И. Моносзон много делал для подготовки научно-педагогической смены, был организатором различных конференций и семинаров, охотно общался с молодежью. Автору данной монографии в бытность аспирантом НИИ общих проблем воспитания АПН СССР в начале 1980-х гг. приходилось общаться с ним, слушать его выступления и наставления.

Вспоминается международная конференция молодых ученых ГДР и СССР, по проблемам мировоззрения, поочередно, один раз в два года проводившаяся в этих странах. В июне 1983 г. она проводилась в Москве, и автор этой статьи был одним из её участников. Э. И. Моносзон осуществлял руководство конференцией в целом. Помнится, проведение конференции совпало с его 75-летьем. Мне было особенно интересно общаться в те незабываемые дни с Эле Исаевичем. Он много рассказывал о своем детстве, прошедшем в Вятке, о выступлении В. В. Маяковского в Вятском пединституте, свидетелем которого он был [50]. Он даже пошутил: «А знаете, сколько мне лет? Ну, да, конечно, 75. А вот журнал “Советская педагогика” утверждает, что мне всего 22. Да-да. Смотрите сами, пять лет назад родной журнал, членом редколлегии которого я много лет являюсь, поздравил меня... с семнадцатилетием. К сожалению, это опечатка».

В последние годы жизни учёный руководил общеакадемической темой «Формирование мировоззрения учащихся», являлся председателем научного совета по этой проблеме при бюро отделения теории истории педагогики АПН СССР, заместителем академика-секретаря этого отделения, членом редколлегии журнала «Советская педагогика», членом координационного совета по педагогическим наукам, членом диссертационного совета при НИИ общей педагогики АПН СССР и т. д. [57, с. 112].

В 1970–1980-е гг. его книги выходили одна за другой. Он интенсивно работал, стремясь успеть по возможности полнее передать свои знания, свой богатейший жизненный и педагогический опыт молодому поколению педагогов. Э. И. Моносзон умер 28 февраля 1987 г. «Шестьдесят лет яркой, творчески насыщенной, целеустремлённой жизни Эле Исаевича отданы учительской, организационно-педагогической и научно-исследовательской работе. Его отличали принципиальность, высокая работоспособность и требовательность к себе, чувство нового, доброжелательность к людям...», отмечалось в некрологе в «Учительской газете» 10 марта 1987 г. [69, с. 52].

Имя Э. И. Моносзона включено в том «Знатные люди» тома №6 «Энциклопедии Земли Вятской», где рассказывается о наиболее значительных людях, когда-либо живших на Вятской земле [43, с. 291].

VIII. ОСНОВАТЕЛЬ СПОРТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ (А. Ц. ПУНИ)

Вятский край – малая родина Авксентия Цезаревича Пуни, человека, который вошёл в историю науки как один из крупнейших учёных, выступив основоположником целого научного направления, – спортивной психологии. Фамилия А. Ц. Пуни есть во всех справочниках и энциклопедиях по психологии [14, с. 398; 54, с. 233].

В начале XX века фамилия Пуни была очень известной в городе Вятке. Глава семейства Цезарь Цезаревич Пуни был дипломированным дантистом, едва ли не первым в городе. Он имел собственный дом в центре города на Спасской улице. Этот дом расположен неподалеку от современного Дома связи. Увлечения Ц. Ц. Пуни указывали на то, что семья принадлежала к элите вятского общества: он был старшим членом (одним из четырёх) Вятского общества поощрения рысистого конезаводства.

История семьи Пуни весьма интересна. Её начало можно вести от знаменитого итальянского композитора Цезаря Пуни (1802–1870), правильнее Пуньи [15, с. 192], автора балетов «Эсмеральда» (1844), «Дочь фараона» (1862), «Конек-горбунок» (1864) и многих других [104, с. 72]. В 1851 г. Ц. Пуни переселяется в Санкт-Петербург и остаётся в России до конца жизни. У композитора Пуни было три сына – Цезарь, Гектор и Альберт. Младшие сыновья Гектор, которого все на «русский манер» называли Виктором, и Альберт в определённой степени унаследовали профессию отца, хотя и не добились в ней таких же весомых достижений, как отец. Оба работали музыкантами в Мариинском театре: Альберт – виолончелистом, а Гектор – флейтистом. Гектор увлекался сочинением романсов, но не придавал значения их записи. Этим пользовались недобросовестные знакомые, издававшие его музыку под своими фамилиями. Об Альберте нам известно, что он скончался в начале 1930-х гг. в Куоккале (ныне Репино, под Санкт-Петербургом). Его сын Иван, художник-авангардист, участвовал в создании герба РСФСР, писал детские сказки. Входил в окружение И. Е. Репина. Об Иване Пуни вспоминает в своей «Чукоккале» Корней Иванович Чуковский. Картины И. А. Пуни, впоследствии

эмигрировавшего во Францию и там прожившего оставшиеся годы жизни, выставлялись в Москве и Петербурге в начале 1990-х гг. Живущие за границей потомки И. А. Пуни приезжали на эту выставку [15, с. 193].

К нашему дальнейшему повествованию имеет отношение старший сын композитора Пуни – Цезарь. (На протяжении многих поколений старший сын в роду Пуни получал имя Цезарь). Он жил в одной из белорусских губерний, был служащим на железной дороге. Его жена Констанция Людвиговна, бабушка будущего психолога приезжала в Вятку в 1915 г. Тогдашнему гимназисту Авксентию Пуни она запомнилась приятной, доброй и интеллигентной женщиной. Видел её он только однажды. В семье Цезаря и Констанции было десять детей: восемь девочек и два мальчика. Одна из девочек, по имени Леонтина, была балериной императорского Мариинского театра; ещё до Октябрьской революции она вышла замуж за крупного сановника и уехала в Париж, где и жила долгие годы [50, с. 72].

Старшим сыном Цезаря и Констанции и был вятский дантист Цезарь Цезаревич Пуни (1868–1951). До 1895 (или 1896) года он учился в столице, в императорской медико-хирургической академии. Однако с четвёртого курса за участие в работе нелегального студенческого кружка был выслан в Малмыжский уезд Вятской губернии. Вскоре ему было разрешено переехать в Вятку, где он и прожил всю оставшуюся жизнь. Выезжал из Вятки всего дважды: в Санкт-Петербург для сдачи оставшихся экзаменов для получения диплома врача и в Одессу на съезд стоматологов. В 1897 г. он женился на жительнице города Нолинска Александре Дмитриевне Шеломенцевой. У них было пять детей: Авксентий (1898–1985), Галина (1905–1975), Тамара (1907–1991), а также Владислав (1907–?) и Николай (1914–?). Владислав и Николай по образованию были техники-конструкторы, первый жил в Санкт-Петербурге, второй – в Кирове [15, с. 193].

В 1910 г. в Вятке появился необычный человек, чех по национальности. Звали его Ян Венцеслав Штангль. Представитель известного в те годы в Европе чешского спортивного общества «Соколы» стал зачинателем физкультурного движения в Вятке, организатором первых гимнастических праздников. Дальнейшая судьба Штангля была трагичной: в 1930-е гг. он, «иностранный шпион», погиб в сталинских застенках....

Активнейшим участником гимнастических парадов и соревнований, первым помощником Штангля был гимназист Авксентий Пу-

ни. Увлечение спортом предопределило всю дальнейшую судьбу Авксентия. Ему было суждено стать членом самых первых спортивных обществ в городе. Разумеется, эти спортивные общества были совсем не похожи на нынешние, прежде всего, по размаху своей деятельности, экипировке спортсменов и прочим внешним атрибутам. Зато в избытке было спортивной страсти и желания заниматься любимым делом. Не было тогда, конечно, никакой усложнённой бюрократической структуры, никаких оплачиваемых функционеров, коррупции, договорных игр, допинга и прочей грязи, извращающей первоначальный смысл физкультурно-спортивного движения, – нести в массы здоровье, бодрость и хорошее настроение, и грозящей в настоящее время погубить спорт [50, с. 73].

Вместе со своим другом В. Н. Шубиным шестнадцатилетний Авксентий в 1914 г. организовал общество «Спорт» из местной учащейся молодежи – гимназистов, «реалистов», «коммерсантов» (учащихся реального и коммерческого училищ) и приезжавших на каникулы студентов. Занимались футболом, лёгкой атлетикой, теннисом и лыжами. Местом занятий нередко служил двор, где жила семья Пуни. В 1917 г. А. Пуни возглавил «Общество любителей спорта». Зимой гимназист Пуни особенно много внимания уделял фигурному катанию. В 1914 г. он был первым в Вятке, кто начал осваивать этот вид спорта. Тренировались фигуристы и конькобежцы на катке, который размещался там, где сейчас находится детский парк «Аполло». Проблем у юных спортсменов было немало. Даже провести настоящий футбольный матч было, в сущности, негде. Только найдут футболисты подходящую поляну, так сразу же у неё объявляется хозяин: «Кто велел топтать покос?!» Ничего не поделаешь, частная собственность! О трудностях с приобретением инвентаря и говорить не приходится. Команды гимназистов, «реалистов» и «коммерсантов» соперничали друг с другом, даже ездили на футбольные матчи в другие города и встречали приезжие команды у себя дома. Футбольные поединки носили принципиальный, упорный характер. Вятчане открывали новый для себя вид спорта. Да и вообще спорт был для Вятки делом новым, небывалым!

Первый выезд вятских футболистов на игры в другой город состоялся в 1916 г. Из города Перми пришло приглашение от команды «Яхт-клуба». Очень обрадовались этому приглашению вятские футболисты и, конечно же, приняли вызов. Сыграли в Перми два матча, 5 и 6 июля. Вторая игра состоялась с командой рижского завода

«Иманто», переведённого тогда в Пермь. Свою первую встречу на настоящем стадионе, с опытным соперником вятчане провели достойно и добились почетной ничьей 1:1. В состав команды входили В. Новиков, Н. Цивирин, Н. Шубин, И. Ушаков, Герасимов, Г. Фруктов, Н. Сапожников, Н. и С. Казариновы, А. Алеев и вратарь А. Пуни [41; 72].

Но не только спортом единым жил в те годы А. Пуни. Известен он был в Вятке и как актёр-любитель, не чужд был и сочинительству. О его пьесе «Минуточка» в одном действии считает нужным упомянуть Е. Д. Петряев в своих литературных краеведческих изысканиях [13, с. 262].

В 1917 г. Авксентий оканчивает гимназию, и через год уходит добровольцем в Красную Армию, в которой служит до 1923 г. После демобилизации он приступает к работе в Вятском губернском совете физкультуры. В 1926–1927 гг. он научный сотрудник Вятского дома физкультуры. Тогда же, в 1927 г. он выполнил своё первое научное исследование на тему «Психофизиологическое влияние пинг-понга». В то время заметки и отчёты на спортивные темы, написанные А. Пуни, регулярно появлялись в губернской газете [50, с. 73].

Но надо было и определяться с выбором профессии. Друг Авксентия В. Н. Шубин избрал профессию врача; впоследствии он стал профессором, доктором медицинских наук, заведующим кафедрой общей хирургии Казанского университета. А. Пуни не мыслил своей жизни вне спорта. В 1929–1932 гг. он учится в Ленинградском институте физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. С этим институтом оказалась связанной вся его дальнейшая жизнь. Исключение составили лишь годы Великой Отечественной войны.

В июле 1941 г. капитан запаса медицинской службы А. Ц. Пуни, имевший броню по возрасту, снова, как и в гражданскую войну, добровольцем отправился на фронт. Воевал на Ленинградском фронте. За боевые заслуги был награждён орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». В послевоенные годы А. Ц. Пуни станет кавалером орденов Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, многих медалей.

В родном институте А. Ц. Пуни прошёл путь от студента до профессора, доктора педагогических наук (по психологии). Более тридцати лет он возглавлял кафедру психологии. Если Пётр Францевич Лесгафт, чьё имя носит институт, стоял у истоков спортивной медицины и гигиены, то Авксентия Цезаревича Пуни с полным пра-

вом можно считать основоположником такого совершенно нового для своего времени научного направления как психология спорта. Плодотворный труд А. Ц. Пуни нашёл отражение в 350 научных работах, 95 из которых были опубликованы за рубежом. Но главным трудом стала диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук на тему «Психология спорта», защищённая в Москве в 1952 г.

Особенно широкую известность и признание получила книга А. Ц. Пуни «Очерки психологии спорта» (1959). Это была вообще первая отечественная монография в данной области знаний. Книга эта чрезвычайно популярна среди тренеров и специалистов в области спорта и физической культуры как у нас в стране, так и за рубежом. Не случайно, поэтому она была переведена на ряд зарубежных языков и издана в Польше, Югославии, Румынии и других странах. Среди важнейших научных проблем, разрабатывавшихся А. Ц. Пуни, назовём следующие: психологическая подготовка спортсменов к соревнованиям, психологические основы технической подготовки спортсменов, предсоревновательное состояние и состояние психической готовности, психологические основы волевой подготовки спортсменов, психологические характеристики различных видов спорта, вопросы социальной психологии спорта и др.

Учёный впервые в науке представил психологическую характеристику спортивной деятельности (её идейная направленность, цели и мотивы, способы выполнения и результат), установил единую закономерность общего и специализированного развития психологических состояний, свойств и психомоторных качеств деятельности в процессе занятий физической культурой и различными видами спорта. Им была подготовлена концепция о полимодальности и полифункциональности представления движений.

Под руководством А. Ц. Пуни был разработан новый раздел лечебной физкультуры при челюстно-лицевых ранениях, усовершенствован раздел лечебной физкультуры при ранениях центральной и периферической нервной системы. На основе многочисленных экспериментальных исследований А. Ц. Пуни разработана теория навыка, его природы, особенностей и закономерностей его формирования. В последние годы своей активной научной деятельности А. Ц. Пуни переключился на исследование проблем личности и её формирования в условиях занятий физической культурой и спортом. Трудом А. Ц. Пуни не только заложены основы психологии спорта и физической культуры,

но он внёс существенный вклад и в общую психологию, психологию труда, военную психологию, педагогическую психологию. За цикл работ по психологии спорта А. Ц. Пуни в 1976 г. был удостоен премии и золотой медали Спорткомитета СССР. На IV-м Всемирном конгрессе в Праге в 1977 г. он был избран почётным членом международного общества психологов спорта. В мае 1984 г. на заседании директората Европейской ассоциации психологов спорта (ФЕПСАК) его избрали почётным членом этой организации.

В 1946–1947 учебном году А. Ц. Пуни первым ввёл в учебный процесс новый лекционный курс – «Психология физического воспитания и спорта», который впоследствии стал обязательным предметом для будущих спортивных психологов, тренеров и преподавателей физкультуры. А. Ц. Пуни – автор и редактор учебного пособия для институтов физической культуры «Психология физического воспитания и спорта» (1979), учебника для техникумов физкультуры «Психология» (1984), сборников практических занятий по психологии для студентов институтов и факультетов физкультуры (1971, 1977). Под руководством А. Ц. Пуни подготовлено более сорока диссертаций в области психологии.

Много сил он отдавал общественной работе. Являлся членом центрального совета общества психологов СССР. В течение многих лет он выполнял обязанности заместителя председателя и председателя секции психологов спорта Ленинградского отделения общества психологов СССР [50, с. 74].

По инициативе и при деятельном участии А. Ц. Пуни в 1956 г. в Ленинграде было проведено первое всесоюзное совещание спортивных психологов. В дальнейшем конференции спортивных психологов стали регулярными. 14–17 марта 1977 г. в Ленинграде проходила уже седьмая такая конференция. 75-летний А. Ц. Пуни не только был председателем оргкомитета, но и выступил с главным докладом «Некоторые итоги и перспективы развития исследований в области психологии физического воспитания и спорта». На всей многогранной деятельности А. Ц. Пуни лежит печать его яркой личности. По воспоминаниям его учеников, это был блестящий лектор и организатор науки, вдумчивый и требовательный педагог, оригинальный и неутомимый исследователь, проживший большую и плодотворную жизнь [15, с. 197].

Память об А. Ц. Пуни бережно хранят в его родном вузе, где кафедра психологии носит его имя, и там, где работают его многочис-

ленные ученики. Бывал А. Ц. Пуни и на факультете физического воспитания Кировского пединститута.

Скажем несколько слов о семье А. Ц. Пуни. Его супруга Лия Давидовна, в девичестве Каценеленбоген (1904–1984), была уроженкой г. Вятки. Их сын Цезарь (1930–?), хирург высшей квалификации, кандидат медицинских наук. Работал во Вьетнаме и Афганистане в те годы, когда там шли войны. Его дочь Марина стала врачом, другая дочь Людмила окончила консерваторию. Сказались гены прапрапрадеда?!

На склоне лет А. Ц. Пуни совместно своим гимназическим товарищем Григорием Николаевичем Разумовским написал небольшую, но содержательную книжку «Страницы истории спорта в Вятке» [72]. Имя Г. Н. Разумовского хорошо известно кировским учителям старшего поколения. Много лет он работал учителем и директором средней школы № 32 г. Кирова. Как и А. Ц. Пуни, Г. Н. Разумовский прожил долгую, насыщенную событиями и добрыми делами жизнь и оставил о себе светлую память в сердцах многочисленных учеников. Его сын Василий также выбрал профессию педагога. О нём еще будет сказано в этой книге [59, с. 365].

Закончить рассказ о А. Ц. Пуни хотелось бы выдержкой из книги одного из учеников А. Ц. Пуни известного спортивного психолога Рудольфа Максимовича Загайнова, работавшего с такими всемирно известными спортсменами, как шахматисты Виктор Корчной, Нона Гаприндашвили, Нана Александрия, Нана Иоселиани, Борис Гельфанд и Сергей Долматов, легкоатлет Сергей Бубка, фигуристы Елена Водорезова и Александр Фадеев, теннисисты Моника Селеш, Штеффи Граф, Борис Беккер и др. В своей книге «Поражение» (М., Компьютер-Пресс, 1993), написанной в стиле психологического эссе, авторитетнейший в спортивном мире психолог Р. М. Загайнов, вспоминая А. Ц. Пуни, пишет: «Авксентий Цезаревич Пуни – человек, создавший и кафедру психологии, и саму психологию спорта как самостоятельный предмет в системе спортивного вуза. Он бился всю свою жизнь за авторитет этой дисциплины, хотя не имел козырей в своих руках, не имел доказательств, что нужна эта наука и нужны мы – практические психологи в спорте. Но тогда мы только начинали и ничем не могли помочь шефу, не имели даже почётных грамот за нашу работу. Никогда не забуду, как радовался он в свои семьдесят с лишним лет моей первой благодарственной грамоте от спорткомитета РСФСР и даже хотел повесить её на стенку в своём кабинете. Только сейчас я оценил его великое значение в своей судьбе! Он верил и в то,

что мы делаем, и верил в меня! Как мне не хватает его сейчас! Как опустел для меня Ленинград без него, без его кабинета, где он, сидя в своем глубоком кресле, мог часами выслушивать мои рассказы о моих победах и поражениях!» [4, с. 54].

Данью уважения замечательному ученому и человеку стали и статьи автора данной монографии об Авксентии Цезаревиче Пуни [14; 15; 30; 32; 33; 54; 55].

IX. ВОИН, УЧЁНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ (М. П. КОРОБЕЙНИКОВ)

В 1988 г. издательство «Советский писатель» выпустило книгу «Я тогда тебя забуду». Фамилия автора Коробейников ничего мне не говорила. А вот когда я погрузился в чтение, оторвался я от него лишь тогда, когда прочитал книгу до конца. Сочным, выразительным языком неизвестный мне писатель воссоздал в романе яркие картины ушедшего быта кумёнских деревень Большой и Малый Перелаз в 1920–1930-х гг. [50, с. 70].

Книга автобиографична. Повествование ведётся от лица мальчика Ефимки Перелазова, в котором читатель узнаёт черты самого писателя. Пересказывать содержание книги, конечно, не входит в наши планы. Каждый может прочесть и оценить её сам, тем более, что все художественные произведения Коробейникова есть в интернете. Мне же она понравилась настолько, что я предпринял попытку познакомиться с писателем, чтобы высказать ему горячую читательскую признательность. И здесь выяснилось самое удивительное: Максим Петрович Коробейников оказался не только достаточно известным, хотя ещё пока что, на мой взгляд, недостаточно оценённым читающей публикой писателем, но и доктором психологических наук, профессором, и даже генерал-майором! [40, с. 360].

Такое сочетание очень значительных и весьма отдалённых друг от друга профессиональных достижений представляет собой явление, скорее всего, уникальное. В своё время я был знаком с Александром Васильевичем Барабанщиковым, обладателем столь разносторонних званий как генерал-майор, доктор психологических наук, профессор. А вот наш вятский уроженец Коробейников тоже и генерал-майор, и профессор, и доктор психологических наук, и к тому же ещё и замечательный прозаик [44, с. 196].

Разумеется, я незамедлительно установил знакомство с писателем. Мы стали переписываться. Я не раз звонил ему по телефону. Бы-

ла и личная встреча в Москве. М. П. Коробейников оказался словоохотливым собеседником. От него я узнал много фактов, которые частично вошли в мою книгу «Педагоги и психологи Вятского края», где ему посвящена целая глава. Экземпляр этой книги, вышедшей в 1993 г. в кировском издательстве «Информцентр», был подарен мной известному кировскому тележурналисту Л. А. Добровольскому. По моей «наводке» он посетил Коробейникова в его московской квартире и в 1995 г. сделал двухсерийный телефильм общей продолжительностью в два часа. Фильм, конечно, снят хорошо, но показывает Коробейникова исключительно односторонне, только как участника Великой Отечественной войны [44, с. 196].

Максим Петрович Коробейников родился 4 августа 1921 г. в деревне Чекоты Вожгальской волости (ныне Кумёнский район Кировской области). Его родители были крестьянами. Отец Пётр Алексеевич (1887–1958) зимой уходил на отхожие заработки: 19 «зим» отрабатывал на кожевенном заводе в посёлке Вахруши. В 1927 г. он был одним из организаторов коммуны в деревне Чекоты, которая впоследствии была преобразована в знаменитый на всю страну колхоз «Красный Октябрь». Организатором и председателем колхоза в течение сорока лет был дважды Герой Социалистического Труда Пётр Алексеевич Прозоров. А Чекотская молочно-товарная ферма десятки лет была образцовым производственным участком, давшим целую плеяду Героев Социалистического Труда.

Пётр Алексеевич Коробейников был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Мать М. П. Коробейникова Ольга Дмитриевна (1888–1954), простая неграмотная крестьянка, подняла на ноги одиннадцать детей (Максим был седьмым) [50, с. 71].

В своей первой большой книге «Я тогда тебя забуду», носящей автобиографический характер, М. П. Коробейников даёт яркие картины тогдашнего сельского быта. Разрушение отживающего свой век сельского быта и утверждение колхозного строя, классовая борьба в деревне, черточки нового быта («лампочка Ильича», радио, газеты, портреты «вождей»), характер вятских людей, особенности их речи и образа жизни – всё это отражено в книге выпукло, наглядно. Эту книгу по стилю изложения, языку и тематике я бы сравнил с тетралогией горьковского писателя Николая Кочина («Девки», «Парни», «Юность», «Нижегородский откос»). Главный герой книги Ефимка Перелазов это и есть сам Максим Коробейников... [44, с. 197].

До 1932 г. семья жила в Чекотах, потом переехала в соседнее село Вожгалы, на центральную усадьбу коммуны. В романе с пронзи-

тельной искренностью переданы ощущения Ефимки и его родственников от этого переезда, перехода к «новой, светлой» жизни. В Чеко-тах у них был свой дом, хозяйство, живность... В Вожгалах же, в «коммунии» был построен большой деревянный дом барачного типа, продуваемый всеми ветрами, в котором коммунары поселились все вместе «на городской манер» в «собственных» однокомнатных «фатерах». По прибытии новых коммунаров приходилось все время «уплотняться». И это в стране, где земли и лесоматериала, – сколько угодно! Понятно, что коммунаров убеждали, что всё это временные трудности. Но ведь известно, что в России нет ничего более постоянного, чем временное...

Ни пирог испечь, ни огород разбить... Пригорюнилась и сразу сдала бабушка маленького Ефимки, то есть Максима. Неладное чувствуют и взрослые. Разве это дело, когда приехавшая из города молоденькая учительница, в жизни не пахавшая и не сеявшая, на пару с восьмилетним Ефимкой ездит по волости, проводит собрания, агитирует крестьян вступать в колхоз, сулит им счастливое будущее, о котором и сама не имеет ни малейшего представления... Того и гляди, озверевшие от бескормицы селяне прикончат «агитаторов», как это уже не раз бывало в вятских селах. Вот и отец едва уходит от расправы, но не сдаётся, непоколебимо верит в партийные «предначертания», в «коммунистические зори», до которых, как пелось в песне, «остался один поворот».

А рядом – Пётр Алексеевич Прозоров, один из зачинателей колхозного движения в стране, личный друг Н. С. Хрущёва. Ну как тут не поверишь в лучшее будущее, когда плечом к плечу с тобой такой выдающийся человек! М. П. Коробейников делился воспоминаниями с автором монографии: «П. А. Прозорова я знал очень хорошо. До войны жили рядом. После войны часто встречались в Москве, куда он приезжал как депутат Верховного Совета СССР. Человек необыкновенный, талантливый, целеустремлённый до одержимости, волевой, с чрезвычайно сложным характером и холерическим темпераментом, необузданный, честолюбивый, по натуре лидер, великолепный знаток человеческой психологии, опытный стратег и тактик, обаятельный руководитель, искусный оратор и логик. Мы его одновременно обожали, любили и боялись. Он нёс в себе ту эпоху, которую сейчас модно охаивать» [40, с. 360–361].

Краевед, основатель и многолетний председатель Вятского Шалыпинского общества Борис Васильевич Садырин приводит воспоми-

нения М. П. Коробейникова о родственнике великого русского певца Михея Шаляпине: «Он обладал настолько зычным голосом, что когда выезжал в поле, в нашей деревне (Чекоты), в одной версте от Шаляпинок, было слышно, как он кричал на лошадь. Федор Иванович перед революцией (в 1901 г.) приезжал в Шаляпинки, чтобы навестить больного отца (тот лежал в больнице волостного села Вожгалы), и оставил у Михея довольно много книг. Когда мне было шесть лет, я уже умел читать (научился по амбарным книгам). Ходил к Михею, приносил грибы и ягоды. Он мне давал читать книги, оставленные Федором Ивановичем. Первые книги, которые я прочитал, были “Старосветские помещики” и “Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”».

Максим Петрович Коробейников написал очень интересную повесть «Я тогда тебя забуду». Она построена на автобиографическом материале. Рассказывает о детстве героя, которое проходило рядом с деревней Шаляпинки. Упомянуты в книге Шаляпины и из других соседних деревень. Разумеется, эта повесть – художественное произведение» [73, с. 53].

Автор данной книги спрашивал Максима Петровича о том, с чего всё-таки началось у него писательство. Он ответил – с рассказа «Когда вырастет на камушке зелёная трава» о деревенском добром и бойком мальчике, его знакомстве с городскими девочками и их родителями.

... Летом 1932 года в село Большой Перелаз приехал на отдых главный инженер автомобильного завода Дмитрий Иванович Порошин. Родом он был из этого села. Его жена Софья Владимировна и две дочери Галя и Тоня были городскими. Дмитрий Иванович сразу привёл дочерей в пионерский отряд. Рассказчик – Ефим Перелазов – перешёл в пятый класс и считался первым учеником. Ему было одиннадцать лет. Он влюбился сразу в обеих сестер. Пионерам поручили поливать капусту. Нужно было ведром зачерпнуть воду из реки и плеснуть на каждый росток капусты. Галя и Тоня не были приучены к физической работе. Деревенские ребята и девочки потешались над их неумелостью. Ефим помог им. Он брал у сестёр ведро, набирал воду и отдавал девочкам. Потом бежал со своим ведром. Благодаря этой помощи Галя и Тоня шли вровень с другими. Как-то после работы сестры пригласили Ефима вечером в гости. Ефим в красивой рубашке, в штанах из рядна и новых лаптях пришёл в школу, где жили Порошины. Девочки и их мать встретили его приветливо. Ефим, бойкий мальчик, хвалился, что научился фотографировать и играть в шахма-

ты. Стали пить чай. Ефим к конфетам не притронулся, чтобы не подумали, будто он конфет никогда не видал. Софья Владимировна дала ему несколько конфет, чтобы он потом съел. Ефим спрятал их в карман, чтобы угостить маму и младшего брата. Ефима попросили спеть. Он спел несколько песен и частушку: «Я тогда тебя забуду, ягодиночка моя, когда вырастет на камушке зелёная трава. А и вырастет на камушке зелёная трава, я тебя не позабуду, ягодиночка моя». Потом он плясал, показывал девочкам, как танцевать кадрили. Пришёл Дмитрий Иванович. Ефим стал рассказывать о картинках, которые подарил ему председатель, это были репродукции картин знаменитых художников. Дмитрий Иванович тоже подарил ему несколько картинок. Вскоре Порошины уехали. Ефиму не пришлось их больше увидеть. Только с Галей была короткая встреча. В 1974 г. Ефим с женой отдыхал в санатории на юге. Накануне отъезда к ним в номер пришла врач Галина Дмитриевна Порошина. Они узнали друг друга. Она заплакала, сказала, что родителей и Тони уже нет в живых, и что она хорошо помнит, как Ефим пел и плясал у них сорок два года назад... [44, с. 198].

Вожгальскую образцовую среднюю школу Максим Коробейников оканчивает с отличием. Золотых и серебряных медалей тогда ещё не было, и лучшим выпускникам вручался аттестат с золотой каемкой, который открывал дорогу в институт без вступительных экзаменов. С таким аттестатом приехал Максим учиться в Кировский пединститут в 1938 г.

Война началась, когда он был третьекурсником, кончить институт удалось лишь в 1948 г. экстерном. 30 июля 1941 г. он был призван Молотовским районным военкоматом г. Кирова. Боевое крещение он принял в январе 1942 г. молодым лейтенантом после досрочного окончания Черкасского пехотного училища, размещавшегося в г. Свердловске. В годы войны он служил на Северо-Западном, Волховском, Ленинградском и 3-ем Прибалтийском фронтах, которые считались самыми «гиблыми»: в процентном отношении от численности состава там погибло больше всего солдат и офицеров [50, с. 71].

Особенно запомнилось М. П. Коробейникову сражение в августе 1943 г. у деревень Карбусель и Вороново Мгинского района Ленинградской области. Как отмечалось в приказе командования, М. П. Коробейников «умело организовал роту на выполнение боевой задачи», а также «выполнил ответственную задачу по овладению деревней Нурма, Тосненского района Ленинградской области». В марте 1944 г.

в районе села Рожанка Псковского района Ленинградской области он «умело организовал отражение контратак противника». Первым на Северо-Западном фронте он получил медаль «За отвагу» [6].

За участие в боях он был награждён двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, а всего 26 орденами и медалями, в том числе двумя иностранными наградами. Был командиром пулемётного взвода, стрелковой и разведывательной рот, командовал батальоном. Участвовал примерно в сотне атак, был трижды тяжёло ранен. Закончил войну в 1944 г. комбатом, в звании капитана 1216-го стрелкового полка, 364-й стрелковой Тосненской дивизии, 54-й Армии 3-го Прибалтийского фронта.

Что было с М. П. Коробейниковым на войне, о том он рассказал в своих книгах «Подробности войны» (М.: Молодая гвардия, 1988) и «Ненадежное время» (М.: Современник, 1991). Можно однозначно утверждать, что книги Максима Петровича были написаны и предъявлены читателю именно тогда, когда стало возможным публиковать такие факты о войне, о которых прежде было принято умалчивать. Тех же, кто писал в 1960–1970-е гг. о войне реалистично, нередко объявляли очернителями советской действительности, антисоветчиками. Вспомним печальные судьбы таких книг и их авторов, как, например, «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова и «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова [44, с. 199].

Хорошо ещё, что на волне горбачевской перестройки седовластым авторам «новой волны» уже не приходилось биться с цензорами за право сказать правду о том, что составляло самую суть фронтовой жизни советского солдата и офицера. А правда эта состояла в том, что на войне не только совершали подвиги и ходили в атаки с криками «За Родину, за Сталина!», но и что-то *ели*, что-то *носили*, где-то и чем-то *мылись* и *брились*, наконец, влюблялись, смеялись, убегали в отлучку, пили водку... Вот ординарец указывает Коробейникову на убитого бойца Белякова и добавляет: «А ведь именно он у Вас, товарищ капитан, сапоги-то украл. Вы меня ещё ругали; мол, недоглядел. Точно они. Мне ли их не знать, сколько раз их чистил...».

Содержание романа «Ненадёжное время» таково: стрелковая дивизия, измотанная боями, осенью 1942 г. прибывает в Сибирь на повторное формирование, а потом её снова ждут бои. Как справедливо пишет В. Кислинский, заместитель председателя совета ветеранов Северо-Западного фронта, в романе масштабно раскрыты человеческие характеры, есть задушевные мысли фронтовиков о довоенной

жизни и войне. Автор не умалчивает о том, что в действующей армии были не только люди высокой нравственности и патриотизма, и война предъявляла счет каждому персонально [6].

После длительного лечения Коробейников был направлен на центральные курсы усовершенствования офицерского состава «Выстрел» в г. Солнечногорске. Окончил адъюнктуру военного педагогического института Советской Армии по кафедре общей и военной психологии. Научным руководителем по кандидатской диссертации был профессор Т. Г. Егоров. Сначала Коробейников стал кандидатом, а потом и доктором психологических наук. Получил ученые звания доцента и профессора. До 1960 г. М. П. Коробейников был на командных должностях в армии, затем перешёл на научно-педагогическую работу. В 1972–1985 гг. заведовал кафедрой общественных наук в Военно-политической Академии имени В. И. Ленина [50, с. 71].

Он стал одним из основоположников военной психологии в нашей стране. Изучал поведение людей в экстремальных условиях во время землетрясений в Ашхабаде, Ташкенте и Душанбе, при чрезвычайных происшествиях и во время учений с реальным применением средств массового поражения. Ему посчастливилось работать вместе с такими выдающимися отечественными психологами, как А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, А. В. Петровский, Д. Б. Эльконин, К. К. Платонов и др. Собственно говоря, можно сказать, что и им, в свою очередь, посчастливилось работать с Максимом Петровичем [44, с. 199].

В 1960–1986 гг. М. П. Коробейников состоял членом диссертационных советов Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина и трёх военных академий. М. П. Коробейников опубликовал свыше двухсот научных работ. Наиболее крупные из монографий – «Современный бой и проблемы психологии», «Сержанту о психологии», «Солдат и война» (руководитель авторского коллектива и автор значительной части книги), «Человек в современной войне», «Поведение воина в опасной ситуации». Эти и некоторые другие книги Коробейникова были переведены и опубликованы практически во всех восточно-европейских странах, объединявшихся Варшавским договором [50, с. 71].

Из армии Максим Петрович уволился после 45 лет службы в возрасте 65 лет. И тут, вспоминает он, как с крыши свалился в художественную литературу. Всё равно, что из спального вагона прямого сообщения генерал попал в теплушку, начал жизнь заново. Совер-

шенно новая среда, непривычные отношения, отсутствие связей и знакомств. Стал неизвестным, рядовым, необученным солдатом литературы. Зато полная свобода духа, удовольствие от творчества! Никаких препонов и уставов. Придумывать ничего не надо; всё, о чём писал М. П. Коробейников, было в его жизни. Не нужно копаться в архивах или просить творческую командировку, как это принято у писателей. Когда приняли в союз писателей СССР, почувствовал, что признан «товарищами по перу» [44, с. 200].

Путёвку в большую литературу Максиму Петровичу дали поэт-фронтовик Михаил Матусовский, познакомившийся с первыми рассказами Коробейникова, которые стали появляться в периодике и на радио, и понявший, что они – незаурядное явление литературы, а также известный прозаик-фронтовик Вячеслав Кондратьев. Когда в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Подробности войны», Кондратьев написал к ней предисловие под названием «Достоверность, или Новое имя в литературе о войне» [44, с. 200].

«Вот так и живу, – писал мне М. П. Коробейников, – преодолевая соблазн вступить в какую-либо группировку, оказаться на чьей-либо стороне в борьбе, охватившей всё общество, в том числе и литературу. Считаю, что каждый должен делать своё дело честно и хорошо, а иначе зря потеряешь время» [44, с. 200].

Несмотря на возраст и болезни М. П. Коробейников продолжал трудиться по мере сил в последние годы жизни. Переживал, что в связи с затруднениями (нехваткой средств и бумаги) откладывалось издание двух книг, рукописи которых были одобрены и рекомендованы к печати. Последняя работа вышла в 2000 г., уже после смерти автора. Это была статья «Алексей Федорович Лосев» в журнале «Наука и Жизнь» (№ 2, 2000). Скончался М. П. Коробейников 16 декабря 1999 г. [44, с. 200].

Х. ДЕЛО, КОТОРОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ (Л. А. ЦВЕТКОВ)

Есть такие учёные, имена которых с детских лет привычно для всех ассоциируются с той или иной наукой. Для многих поколений это авторы школьных учебников и учебных пособий Пёрышкин, Рымкевич, Закожурникова, Коровкин, Киселёв, Брадис и др. Но даже в этой блестящей плеяде выдающееся место занимает Леонид Александрович Цветков, крупнейший советский учёный в области методики обучения химии в школе.

Л. А. Цветков родился 16 (29) апреля 1909 г. в селе Николаевском Костромской губернии [68, с. 421]. В 1915 г. семья переехала на постоянное жительство в село Вонданка, ныне Даровского района Кировской области. Так что Л. А. Цветков всегда считал себя вятским. Отец будущего учёного был сельским священником. В 1922 г. церковную службу он оставил, а умер в 1926 г. В 1924 г. Л. А. Цветков окончил школу II ступени [50, с. 66].

Как вспоминал Леонид Александрович, нелепые наркомпросовские методические нововведения тех лет Вонданской школы не коснулись. Обучение велось по обычной классно-урочной системе. По некоторым предметам, например, по истории, приходилось заниматься вообще без учебников: старые не годились по идеологическим причинам, а новых не было. Поэтому оставались всем классом в школе и записывали в свои тетрадки пересказ нового материала под диктовку того ученика, кто лучше записал конспект урока. При изучении природоведения, математики и физики приходилось пользоваться немногими дореволюционными учебниками; новые только начинали появляться. Преподавание вели, в основном, учителя, получившие образование ещё до революции, опытные и гуманные наставники. Особенно памятни Леониду Цветкову были учитель математики Роман Альфредович Крегер, заведующий школой и преподаватель истории Павел Васильевич Стрежнев, словесница Софья Константиновна Москвина. Одноклассником Леонида был известный в будущем вятский педагог Василий Федулович Смердов [27, с. 46].

Конечно, объём сведений, которые получали тогдашние учащиеся, не идёт в сравнение с ныне обрушивающимся на школьников информационным потоком, но отсутствие спешки в прохождении учебного материала, мастерство учителей и старательность тянувшихся к знаниям сельских ребятшек обеспечивали формирование пусть не обильных, но достаточно основательных знаний, вспоминал в беседе с нами Л. А. Цветков. Кстати, химию будущий методист-химик в школе вообще не изучал и не имел о химии никакого понятия. Такой предмет тогда не входил в учебную программу [27, с. 47].

В Вонданской школе Леонид Цветков был одним из первых комсомольцев. Его фамилия значится пятнадцатой в протоколе самого первого комсомольского собрания. Пятнадцати лет он уехал в Свердловск, где окончил железнодорожную школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1927 г. комсомольская организация командировала его на дальнейшую учебу, в Московский индустриаль-

но-педагогический институт имени Карла Либкнехта, в котором готовились преподавательские кадры для школ ФЗУ и профтехшкол. Здесь и произошла первая встреча Леонида с наукой, которая стала делом и смыслом всей его жизни [50, с. 67].

1931 год. Институт окончен, получен диплом преподавателя химии и металлургии. Некоторое время Леонид работает инструктором-методистом по подготовке рабочих кадров металлургического объединения «Сталь» в г. Харькове, а оттуда направляется на работу в Москву, в НИИ политехнического образования, где работает в лаборатории методики химии в должности научного сотрудника и одновременно без отрыва от работы учится в аспирантуре. С этим институтом, неоднократно изменявшим впоследствии свое наименование (НИИ общего и политехнического образования, НИИ методов обучения, НИИ содержания и методов обучения), связана вся дальнейшая научная деятельность Леонида Александровича. Некоторое время (с 1934 г.) он работает учителем химии в московских школах, в 1938–1941 гг. – декан и преподаватель химического факультета Московского городского института усовершенствования учителей. Это был, к слову, первый институт такого типа в стране [27, с. 47].

Наставниками Л. А. Цветкова в науке были известные учёные В. Н. Верховский и Л. М. Сморгонский. Цветков стал разрабатывать наиболее актуальные проблемы методики обучения химии. В печати появились его первые работы: «Освещение жизни и деятельности А. М. Бутлерова на уроках химии», «Возникновение, развитие и современная оценка структурной теории в органической химии», «О пространственных и электронных представлениях при изучении органической химии» и др. [50, с. 67]. В 1937 г. Л. А. Цветков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы химической структуры в курсе органической химии».

С июня 1941 г. по декабрь 1945 г. Л. А. Цветков служил в действующей армии в должности начальника химической лаборатории отдельного батальона химической защиты. За участие в боях был награждён восемью орденами и медалями, а всего Леонид Александрович за свою многолетнюю ратную и трудовую деятельность был удостоен шести орденов и семнадцати медалей. Ему было присвоено почётное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». В 1965 г. он был избран членом-корреспондентом АПН РСФСР.

В работах иных учёных-педагогов явственно чувствуется оторванность от жизни и школьной практики. О научных трудах Леони-

да Александровича этого не скажешь. Он ведь никогда не был кабинетным ученым, постоянно совмещал работу в академическом НИИ с работой в школе. В 1950–1955 гг. он был редактором журнала «Химия в школе», активным автором и членом редколлегии которого оставался до конца жизни. Если в начальный период своей научной деятельности (1930–1934 гг.) учёный разрабатывал вопросы профессионального образования, детского технического творчества; писал методические работы для школ ФЗУ и школьных технических кружков, то в предвоенные годы он начал заниматься проблемами методики обучения органической химии в средней школе [50, с. 67].

В послевоенный период его интересы значительно углубляются и концентрируются вокруг следующих трёх направлений школьной методики обучения химии: изучение теории и химического строения в средней школе, содержание учебного курса органической химии, школьный эксперимент по органической химии. В развитие последнего из указанных направлений Л. А. Цветков написал книгу «Эксперимент по органической химии», в которой рассматриваются особенности и задачи учебного эксперимента, его классификация; большое внимание уделяется химическому методу установления строения органических веществ, выяснению зависимости свойств веществ от их строения [27, с. 48].

Значительным вкладом в методическую науку стал выход в свет его книг-пособий для учителей «Преподавание органической химии» и «Преподавание органической химии в средней школе», в которых обобщён богатейший опыт учительский опыт, собранный выдающимся методистом за многие годы кропотливого неустанного труда. Пособия вооружали учителей методиками формирования и развития химических понятий. Важную роль в научно-методическом оснащении учителей химии сыграли такие книги Л. А. Цветкова, как «Изучение полимеров в средней школе» (1960), «О преподавании химии в средней школе» (1954), «Преподавание химии в школе» (1959), «Проблемы содержания и методов обучения химии в средней школе» (1971), «Общая методика обучения химии» (1981), «Преподавание органической химии в 10 классе» (четыре издания), «Эксперимент по органической химии в средней школе» (пять изданий) и целый ряд других. Всего им опубликовано свыше 200 научных работ, причём некоторые из них вышли за рубежом, – в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польше и других странах.

Л. А. Цветков был автором важных материалов, подготовленных по заданию ЮНЕСКО. Под руководством Л. А. Цветкова постоянно

совершенствовалась школьная программа по химии. Так, в 1982 г. вышли в свет два больших тома коллективного монографического труда «Основы методики обучения химии в средней школе» (ред. Л. А. Цветков), в которых отражены основные достижения отечественных методистов в разработке проблем преподавания химии.

И всё же главным детищем Л. А. Цветкова, предметом его постоянной заботы и работы оставался учебник для 10 класса средней школы «Органическая химия», первое издание которого вышло ещё в 1950 г. Учебник постоянно совершенствовался автором на протяжении полувека, и потому выдерживал испытание временем. Более полувека по нему учатся школьники всей страны. Специалисты отмечают, что это один из лучших учебников для средней школы. По общему признанию учителей и методистов он даёт учащимся полноценные знания, точнее сказать, даёт возможность овладеть ими. Высокий научный уровень материала, включённого в учебник, органично сочетается с доступностью изложения, теоретическая доказательность – с удачным раскрытием связей изучаемого с жизненной практикой. При этом учащиеся как бы вовлекаются в обсуждение серьезных проблем органической химии, в самостоятельное решение сложных и интересных задач. К 2000 г. учебник выдержал 25 изданий. За эту книгу Л. А. Цветков в 1974 г. был удостоен Государственной премии СССР [5, с. 554].

Много сил отдавал Л. А. Цветков руководству комиссиями по химии учёного методического совета Минпроса СССР, на которых обсуждались актуальные вопросы преподавания этого учебного предмета. Он был организатором и постоянным участником международных симпозиумов по методике преподавания химии. Его выступления на научно-практических конференциях, педагогических чтениях всегда вызывали большой интерес у учителей, преподавателей высших и средних профессиональных учебных заведений, и играли важную роль в деле распространения передового опыта школы и совершенствования химического образования [37].

«Продолжаю работать, что, вероятно, Вас немало удивит», – писал автору этой книги Л. А. Цветков в 1992 г. Неудовлетворённость – вот, пожалуй, то слово, которое определяло его умонастроение. Не скрывая своей озабоченности состоянием преподавания химии в школе, Цветков писал мне: «Вы спрашиваете о современных проблемах методики химии. Коснусь этого вопроса в субъективном плане. Я в течение четверти века заведовал лабораторией химии НИИ содер-

жания и методов обучения АПН СССР. Постоянным предметом моих забот было учебно-методическое обеспечение преподавания химии в школе, повышение знаний учащихся, качества обучения. К сожалению, результаты неутешительны, и за это я несу немалую моральную ответственность. Возможность существенных перемен в школе, в частности, в химическом образовании, я вижу в организации дифференцированного обучения. На него вся надежда! Вот десятилетиями в школе используется мой учебник по органической химии. Он, конечно, в значительной степени рассчитан на то, чтобы учащиеся смогли продолжать химическое образование в вузе; для всей молодежи заложенный в нем объем сведений слишком велик. Готовлю сейчас учебник более краткий и общедоступный, который давал бы минимум необходимых знаний по химии для всех обучающихся в школе, а не только для тех, кто готовится к продолжению естественнонаучного образования. Коллективом сотрудников лаборатории, где я состою теперь так называемым ведущим научным сотрудником, разрабатываем разнопрофильные программы для дифференцированного обучения химии и методические пособия к ним. Годы подсказывают необходимость обратиться к очерку развития методических идей преподавания химии в школе...» [27, с. 48–49].

Конечно, столь самокритично может писать о себе и о результатах своего труда лишь смелый и честный человек, уверенный в собственной правоте убежденный в важности дела, которому отдана жизнь. Дела, которому служишь. Л. А. Цветков скончался 12 марта 1993 г.

ХІ. НА ВЯТКУ ЗЛА НЕ ДЕРЖАЛ (Б. А. БЯЛИК)

Филологам хорошо известно имя выдающегося литературоведа, члена Союза писателей СССР со дня его основания (1934), доктора филологических наук, профессора, крупнейшего исследователя творчества А. М. Горького, блестящего очеркиста и мастера публицистики Бориса Ароновича Бялика [37].

Но, оказывается, его жизнь была связана и с Вяткой. Вот что писал он в письме в Кировский пединститут в 1968 г.: «Учился я в Вятском пединституте только один год, и то с перерывом – был исключён; одновременно и из РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей) за какие-то стихи, – их поругали в журнале “На литературном посту”» [50, с. 62].

Как же складывалась жизнь человека, к которому Вятка оказалась такой неблагосклонной? В качестве ответа мы предлагаем (с некоторыми сокращениями) автобиографию Б. А. Бялика, подготовленную им для Академии наук СССР, когда его в очередной раз переутверждали членом-корреспондентом. Она была выслана нам вдовой Людмилой Васильевной Бялик в письме от 21 июля 1993 г.

«Родился 5 (18) октября 1911 г. в Киеве в семье служащих. Отец, Арон Яковлевич, был бухгалтером; мать, Любовь Исаковна – портнихой. Они умерли в 1947 г. в Москве. В 1932 г. я закончил Самарский пединститут, а в 1936 г. – аспирантуру государственной академии искусствознания в Ленинграде. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему “Эстетические взгляды Горького”, в 1947 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему “М. Горький и социалистический реализм”. После окончания аспирантуры два года работал доцентом Ленинградского коммунистического института журналистики. Педагогическую работу продолжал и впоследствии, работая по совместительству в Воронежском государственном университете, а затем более 30 лет и по настоящее время – на Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР. Руководил десятками студентов-дипломников и аспирантов, многие из них теперь кандидаты филологических наук. С 1938 г. и по настоящее время работаю в системе АН СССР, с перерывами на три месяца финской кампании и четыре года Великой Отечественной войны. В Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) я заведовал отделом новейшей литературы. В Институте мировой литературы АН СССР работаю с 1946 г., после демобилизации. Став в 1961 г. зав. сектором изучения творчества Горького, расширил круг работ сектора, и он стал называться “Сектором изучения творчества Горького и русской литературы конца XIX – начала XX вв”. С тех пор сектор, помимо работ о Горьком, стал выпускать серию коллективных трудов по русской литературе конца XIX – начала XX вв. (Я их руководитель и ответственный редактор): “Русская литература конца XIX – начала XX вв.”, “Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX вв.”, “Революция 1905–1907 годов в литературе”, четырехтомник “Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв.”. Был членом редколлегии 30-томного полного собрания сочинений Горького, ответственным редактором отдельных выпусков “Горьковских чтений”, томов

“Архива А. М. Горького”, инициатором и ответственным редактором сборника “Ленин и Горький” (вышел двумя изданиями, переведён на ряд языков) и других изданий Института мировой литературы АН СССР. Выступал с докладами на многочисленных горьковских конференциях в СССР и за рубежом (ГДР, Польша, Куба, Япония, США, Италия, страны Латинской Америки и др.). Изданы мои книги о Горьком: “Горький в борьбе с театральной реакцией” (1938), “Эстетические взгляды Горького” (1939), “О Горьком” (1947), “М. Горький – литературный критик” (1960), “М. Горький – драматург” (1962, 1977), “Судьба Максима Горького” (1968, 1973), “Властители дум и чувств. В. И. Ленин и А. М. Горький” (1970), два сборника статей по вопросам истории и теории литературы: “Подвиг литературы” (1973) и “Великое слово” (1981). В 1966 г. и 1968 г. издана книга моих воспоминаний о фронте “Наедине с прошлым”. Около 300 моих работ опубликовано в журналах, газетах, сборниках и коллективных трудах. Часть моих книг и других работ издана в ГДР, Японии, Италии, Франции, Югославии, Китае, Болгарии и ряде других стран. С 1934 г., со времени основания, член Союза писателей СССР. Был членом президиума его ленинградского отделения, председателем ленинградской секции критиков и литературоведов, заместителем председателя московской секции критиков. В настоящее время член совета по критике и литературоведению, член правления издательства “Советский писатель”, член правления Центрального дома литераторов. В 1940 г. парторганизация ленинградского отделения Союза писателей приняла меня в кандидаты ВКП(б), в августе 1941 г. на фронте был принят в члены ВКП(б). Работая в системе АН СССР, добровольцем ушёл на фронт, – сначала во время советско-финской войны, затем – во время Великой Отечественной войны. Работал военным корреспондентом во фронтовой, армейской и дивизионной газетах с первого и до последнего дня войны. Награждён четырьмя боевыми орденами (Отечественной войны I степени и II степени, Красной Звезды, орденом Дружбы народов) и двенадцатью медалями. Член Европейского общества культуры, почетный член Ассоциации писателей Колумбии. Мне присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. 2 октября 1985 г. Б. А. Бялик» [37].

...В столичные, в том числе киевские, вузы братьев Бориса и Александра Бяликов не принимали. Пришлось ехать в провинциальный вуз, где на социальное происхождение абитуриентов, как

наивно полагали братья, смотрели проще. В Вятском институте братья были, по свидетельству студента тех лет Н. П. Борисова, «исполнительской душой» коллектива «Синей блузы», которой руководил замечательный энтузиаст своего дела Алексей Семёнович Ерёмин, которого с полным правом можно считать родоначальником художественной самодеятельности на Вятке [42, с. 17].

Ко времени учебы Бориса Бялика в Вятке относятся и его первые литературные опыты. Здесь действовало Вятское отделение РАППа, в которое входили начинающие прозаики и поэты П. Измestьев, Н. Шестаков, Н. Васенёв, П. Лаптев, М. Белов (председатель). Борис Бялик проявил себя вначале больше как поэт. В 1930 г. в Вятке вышел большой, объёмом в 168 страниц, литературно-художественный сборник «Утро колхозов», изданный окружным союзом колхозов. В него были включены произведения начинающих авторов, ставших впоследствии известными литераторами, таких как Николай Васенёв (рассказ «Чудо»), Михаил Решетников (повесть «Угор»), Леонид Кудреватых (рассказ «Симкин выбор»). Здесь же была помещена поэма Бориса Дьякова и Бориса Бялика «Бабий бунт».

В письме в КГПИ, написанном в 1968 г. по просьбе тогдашнего проректора по научной работе, председателя комиссии по организации проведения 50-летнего юбилея института Аркадия Иосифовича Шернина, Б. А. Бялик, конечно, не мог прямо назвать причину отчисления из института. Учились оба брата прекрасно, активно занимались литературной и общественной работой. Любой декан счёл бы за удачу иметь на факультете таких замечательных студентов. Но и декан был бессилён перед лицом партийно-комсомольской комиссии «по чистке рядов».

На беду братьев Бяликов, их родители были не рабочими или крестьянами, а всего лишь служащими. Братья Бялики должны были либо официально отречься от своих родителей, либо отработать пару лет на рабочей специальности с целью получения трудового, пролетарского стажа, и вот только тогда они могли выглядеть в глазах комиссии достойными того, чтобы учиться в педагогическом институте имени В. И. Ленина. А так... Они не могли даже со стопроцентной уверенностью ответить на вопрос комиссии о том, не работал ли на нэпмана-кровопийцу их отец-бухгалтер? Не занимается ли мать-портниха частной практикой? (А какая портниха этим не занимается!?). В общем, по понятиям тогдашних властей их ро-

дители были «нетрудовым элементом». А коль так, гнать в шею их детей из пролетарского вуза, носящего имя великого Ленина! [37].

Л. В. Бялик писала нам о своём муже: «А вообще-то он прожил очень сложную и трудную жизнь. Откуда только его не исключали! Исключали из комсомола, из института, из РАППа (разумеется, всегда за идейное несоответствие), из партии пытались дважды. И даже на фронте, причём отнюдь не за трусость, ибо он был очень храбрым офицером, о чём свидетельствуют его боевые друзья, в том числе и в своих книгах. Он не подтвердил доноса на Василия Семёновича Гроссмана, чем спас его от расправы ещё в военные годы. Второй раз он спас его после войны, в годы “борьбы с космополитизмом” (в 1949 г.). Борис Аронович был вызван в ЦК партии тогдашним заведующим отделом агитации и пропаганды, главным редактором “цекашного” официоза, – газеты “Культура и жизнь”. В разговоре с ним Борис Аронович категорически отказался писать разгромную статью об одном из первых названных в печати “космополитах”, то есть о Гроссмане. Борису Ароновичу было сказано: “Ну что же, найдутся другие. А вы ещё пожалеете об этом!” И, действительно, вскоре вышла статья уже о Бялике под названием “Космополит-теоретик” (автор сделал на ней большую карьеру!). И приказано было “реагировать” в институте исключением из партии. Правда, в те времена ещё не все порядочные люди перевелись, и он отделался строгим выговором.

И много чего ещё было у него в жизни. Но было и неизменное уважение коллег и даже многих из тех, с кем он страстно полемизировал в своих статьях и книгах. И было имя, которое знали и уважали во многих странах. Извините, Владимир Борисович, за столь длинное письмо. Но мне хотелось, чтобы Вы хоть немного узнали о Б. А., если будете о нём что-то писать как о человеке. А человек он был глубоко порядочный и принципиальный во всём и при любых обстоятельствах...» [37].

Лицо учёного – его научные достижения. А для литературоведа это книги и статьи. Всего книг вышло двенадцать, а статей – более четырехсот. Кратко упомянем лишь о наиболее значимых книгах Б. А. Бялика. Его первая крупная монография «Эстетические взгляды Горького» вышла в «Гослитиздате», когда её автору было всего 28 лет. Разумеется, литературная работа, изданная в 1939 г., не могла не включать обязательных, хотя и весьма сдержанных, панегирик в адрес Сталина. Не мог Бялик и открыто не согласиться с оценкой,

данной «корифеем всех возможных наук» ранней сказке Горького «Девушка и Смерть». Известно изречение Сталина о том, что, дескать, «эта штука посильнее “Фауста”». Но будучи не в состоянии, ни опровергнуть эту абсурдную оценку, ни замолчать её, он перевёл разговор с литературной позиции на философскую, трактуя её в значении «любовь побеждает смерть». Указанная сталинская «оценка» относится к тому, как оказалось впоследствии непродолжительному, периоду, когда генеральный секретарь партии стремился вернуть на родину уехавших из большевистской России наиболее видных деятелей культуры; конечно, тех из них, кто и в эмиграции не проявлял враждебности к социалистическому строю. Так, в СССР вернулись А. И. Куприн, А. Н. Толстой и некоторые другие известные литераторы. Но главной целью Сталина был, конечно, Горький. Была начата целая кампания, направленная на то, чтобы «буревестник революции» вернулся на родину этой самой революции. Кто только не писал страстных писем Горькому с призывом вернуться домой; даже воспитанники детской колонии имени А. М. Горького, которой руководил А. С. Макаренко, отправляли многочисленные письма в Сорренто, причём каждый воспитанник писал своё индивидуальное письмо, да ещё и не одно [42, с. 17].

Тема творчества А. М. Горького нашла своё плодотворное продолжение в ряде других крупных работ. Заметным событием литературной жизни стал выход книги Бялика «М. Горький – драматург». Это фундаментальное исследование, в котором тесно увязаны деятельность великого пролетарского писателя как драматурга, влияние острейших социальных, идейных и нравственных конфликтов общества на творчество Горького, воздействие его произведений на ход литературных процессов. «О Горьком» (1947), «Драматургия Горького советской эпохи» (1952), «М. Горький – литературный критик» (1960), «Судьба Максима Горького» (три издания), – все эти книги по-новому и с разных сторон раскрывали творчество знаменитого писателя, давали ответы на многие вопросы. Наверняка некоторые его работы, например, книга «М. Горький и сын», содержали бы куда более откровенные сведения, проживи Б. А. Бялик ещё несколько лет. В последние четверть века в печати не раз появлялась информация о том, что смерть совсем молодого человека Максима Алексеевича Пешкова, и вскоре последовавшая за ней кончина самого А. М. Горького, незадолго до этого возвратившихся в СССР, не были случайными [37].

Б. А. Бялик был известен не только как учёный-литературовед, но и как активный участник работы театральных коллективов над постановкой пьес А. М. Горького. Поэтому он рассказывает в книге о значительных достижениях в этой области ряда театров, не забывает и о неудачах. Книга менее всего похожа на сухой научный трактат. В ней много полемики, поэтому, несмотря на большой объем, она читается с неослабевающим интересом.

Совместно с кинорежиссером Марком Иосифовичем Донским Бялик написал сценарий фильма «Фома Гордеев» (1959) [91, с. 18].

Коллеги Бялика вспоминали его как талантливого лектора и блестящего полемиста, пропагандиста отечественной литературы. Его страстное слово в защиту мира и идеалов гуманистической культуры не раз звучало с трибун международных форумов. Бялик был связан многолетней дружбой с А. А. Фадеевым, Б. Н. Камповым (Полевым), Ю. К. Олешей, Я. В. Смеляковым, С. С. Смирновым и другими известными писателями и поэтами. Много сделал он и для подготовки научной смены, подготовил более тридцати аспирантов [50, с. 62].

С первых дней войны и до победы Бялик был корреспондентом армейских газет «За Родину», «На разгром врага» и «Фронтальная правда». События военных лет отражены им в книге воспоминаний «Наедине с прошлым». На её страницах мы встречаемся с товарищами Бялика по литературе – А. П. Гайдаром, М. А. Светловым, А. А. Прокофьевым, С. П. Щипачёвым. Книга воскрешает подвиги наших солдат и офицеров. Написана она живо и взволнованно, что, впрочем, естественно; ведь автор сам был свидетелем всех тех событий, о которых идёт речь в книге. Любопытен раздел книги, где рассказывается о фронтовых байках. Приведем несколько примеров солдатского фольклора, собранного Бяликом.

...Все ждали открытия второго фронта. В газетах не раз писали о достигнутой договорённости с союзниками. У солдатской массы было на этот счет своё мнение; чутьё подсказывало, что союзники ещё долго будут ограничиваться поставкой военной техники и продовольствия. Бойцы, протягивая один другому банку американской тушёнки, говорили: «А ну-ка, открой второй фронт» [42, с. 18].

Много баек было вызвано введением звания «ефрейтор». Рассказывали, как один ефрейтор, получив в строю выговор от заезжего генерала, якобы отвел его, генерала, в сторонку и дал ему понять, что, дескать, *нам, представителям командного состава*, не

следовало бы делать друг другу замечания при каких-то там рядовых [23, с. 84].

И ещё одна, столь же «правдивая» история... Полк, в котором служил некий капитан, оказался на переформировании в тыловом городке. Вечером капитан решил сходить в кино, но над кассой его встретила табличка «Все билеты проданы». Он уже собирался было уходить, когда к нему подошла хорошенькая женщина и сказала: «Я рада, что могу помочь офицеру-фронтовику. У меня как раз оказался лишний билет». «Муж не смог пойти?», – предположил капитан. «Подругу оставили на заводе на вторую смену. А муж на фронте», – «многообещающе» и игриво намекнула женщина. После совместного просмотра фильма она попросила офицера проводить её домой. Ничего предосудительного в этом капитан, конечно же, не усмотрел, как и в том, что она пригласила его затем на чашку чая. Значит, решил он, она хочет послушать его рассказы о фронте, где сражается и её муж. Но, приведя капитана домой, женщина быстро разделась и разлеглась на диване, жестами приглашая офицера в свои объятия. И вот тогда капитан расстегнул ремень и... зажав его в руке, стал «учить» женщину, приговаривая: «Это тебе – от меня, а это – от твоего мужа, а это – от всех мужей-фронтовиков». И будто бы после этого он снова затянул ремень и... ушёл.

Неистощимый армейский юмор помогал скрашивать недолгие часы отдыха на фронте. Б. А. Бялик аккуратно собрал его лучшие образцы и донёс их до современного читателя.

Б. А. Бялик скончался 28 сентября 1988 г.

ХII. ЕСЛИ ВЫ ПРАВИЛЬНО ВЫБЕРЕТЕ ТРУД (Е. А. КЛИМОВ)

Е. А. Климов родился 11 июня 1930 г. в г. Вятские Поляны Кировской области. Годы его детства пришлись на военное лихолетье. Вместе с другими мальчишками он работал на местном машиностроительном заводе № 367 «Молот», выпускавшем военную технику, сначала в летние месяцы, а с 1944 г. стал в 14 лет полноправным слесарем [31, с. 308]. По возрасту ему полагалось работать шесть часов в день, но работали подростки, как взрослые, – по двенадцать, а то и по восемнадцать часов. Многотиражка «Рабочая трибуна» как-то даже отметила ударный труд Жени Климова [37].

«Когда я в 1948 г. поступил на отделение русского языка, логики и психологии историко-филологического факультета Казанского госу-

дарственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина, (ныне Казанский Приволжский федеральный университет. – *В. П.*), то на первом же коллоквиуме по русскому языку преподавательница меня сразу “расколола” именно как вятского, – вспоминал в письме к автору этой монографии Евгений Александрович. – Дело было так. Я отвечаю, а она послушала-послушала, да и говорит: “Вы вятский что ли?” – “Я-то?” – отвечаю. Тут уж все студенты захохотали. Видимо это “я-то?” окончательно всех доконало. Говорок мой казался казанцам “иностранным”. Ну да ничего, на оценки это не влияло» [50, с. 69].

«Казанский университет — вуз с хорошими традициями, и там вполне “светлые головы”, у которых было чему поучиться. Если помните, в середине XIX в. ректором его был Н. И. Лобачевский – один из величайших новаторов в науке. Да и гуманитарный цикл, по крайней мере, в моё время был там представлен достаточно ярко. Могу гордиться тем, что я там учился», – делился своими воспоминаниями в одном из интервью Е. А. Климов.

В студенческие годы он заинтересовался наукой. «На первом курсе, – рассказывал нам Е. А. Климов, – профессор Вольф Соломонович Мерлин предложил мне тему по детской психологии, на втором – по зоопсихологии, на третьем – по трудотерапии в психиатрической клинике, и, к тому же, помог получить разрешение на прослушивание курса психиатрии в мединституте), на четвёртом – по производственному обучению, на пятом – по психологии труда». Под руководством Мерлина Климов провел первое серьезное исследование на психопатологическом материале по вопросу трудотерапии в нервно-психиатрической клинике. С тех пор главным направлением в научной деятельности молодого учёного стали проблемы психологии труда. Его дипломная студенческая работа была посвящена вопросу обучения рабочих трудовым приемам. Примечательно, что она защищалась на выездном заседании кафедры непосредственно на Казанском льнокомбинате, что было необычно для того времени. Такая разносторонняя подготовка помогла талантливому студенту стать в будущем светилом отечественной психологии.

В 1953 г. учёба в университете была завершена, и в течение последующих трёх лет Е. А. Климов (1953–1956) преподавал логику и психологию в средней школе № 1 Казанской железной дороги. (Такие предметы входили в те годы в школьную программу). В 1954 г. в Казанском университете закрыли отделение логики и психологии, и В. С. Мерлин переехал в Пермь. При этом он рекомендовал Климова

учёному совету Казанского университета на заведование кафедрой педагогики и психологии. В 1959 г. Е. А. Климов защитил кандидатскую диссертацию «Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов» под руководством профессора В. С. Мерлина. В 1959–1964 гг. Е. А. Климов был научным руководителем Казанского филиала лаборатории профессиональной педагогики Центрального учебно-методического кабинета профтехучилищ. В 1959 г. он организовал первую в те годы в России научно-практическую лабораторию по психологии труда и производственного обучения, располагавшуюся в ПТУ № 7 Казани [34, с. 223].

Е. А. Климов быстро вошёл в число ведущих советских психологов. В своих работах 1950–1960-х гг. он стремился к эффективному объединению идей А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина и Н. Ф. Талызиной о деятельном подходе в обучении, с достижениями дифференциальной психологии, которые развивались в трудах Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына, В. С. Мерлина, Н. С. Лейтеса и К. М. Гуревича.

Е. А. Климов предложил и реализовал на практике принцип индивидуального подхода при обучении новым приёмам труда, ввёл понятие индивидуального стиля деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. В своих трудах он указал на резервные возможности повышения эффективности деятельности человека в том случае, если его рассматривать не как «живую машину» (Ф. У. Тэйлор), но как творчески работающую личность, обладающую индивидуальными возможностями и способностями.

В 1968 г. Е. А. Климов переехал в Ленинград, где стал заведовать отделом психологии труда ВНИИ профессионально-технического образования Госпрофобра СССР. К нему пришло широкое научное признание: в 1970 г. – присвоение звания профессора по специальности «психология труда», 1974 г. – избрание членом-корреспондентом АПН СССР по отделению профтехобразования.

В эти годы Е. А. Климов обратился к одной из важнейших проблем жизни общества – к проблеме профессиональной ориентации молодежи, выбора ею профессии. Это сложная, многогранная проблема, а точнее комплекс проблем, охватывающий вопросы экономики, педагогики, психологии, физиологии, гигиены и ряда других наук. Нельзя сказать, чтобы раньше ими в нашей стране не занимались. Занимались, конечно. Прежде всего, отделы кадров и комсомольские комитеты, проводившие «оргнабор» по комсомольским путевкам на

не слишком привлекательные работы. Однако серьёзный отбор (медицинский, психологический и т. д.) проводился разве что среди претендентов в космонавты, летчики и на некоторые другие особо сложные профессии. А как же быть с остальными специальностями, с основной частью молодежи?

Под руководством профессора Е. А. Климова была создана информационно-поисковая система накопления и упорядочения сведений о профессиях в целях профессионального просвещения и профессиональной консультации, составлен набор дескрипторов (отличительных признаков) для описания профессий как многознаковых объектов. Эта классификация сейчас общепризнанна и широко используется в профориентационной работе. Учителям и другим педагогическим работникам, занимающимся проблемами профориентации, хорошо известна серия учебников «Человек и профессия», издававшаяся в 1976–1986 гг. В каждой книжке серии даны описания профессий в соответствии с предложенной Климовым классификацией, подразделяющей все профессии на типы («человек – природа», «человек – человек», «человек – знак», «человек – техника», «человек – художественный образ»), классы (гностические, преобразующие, изыскательные), отделы (ручного труда, машинно-ручного труда, труда с использованием автоматов, профессии с преобладанием функциональных орудий труда), группы (по признаку предметных и социальных условий труда, например, труд в условиях обычного микроклимата, в необычных условиях, труд с повышенной моральной ответственностью). Классификация «по Климову» позволяет соотнести объективные признаки труда и индивидуально-личностные особенности человека выбирающего профессию.

В 1968 г. Е. А. Климов защитил докторскую диссертацию и стал *первым в нашей стране доктором психологических наук!* Здесь надо заметить, что докторские ученые степени *именно по психологии* начали присваивать как раз в 1968 г. До этого, в период с 1937 по 1967 гг., защищавшиеся психологи получали степень доктора... педагогических наук. Причём этих «психологов среди педагогов» было больше, чем самих докторов наук-педагогов. Так, из самых первых пятнадцати докторов педагогических наук всего лишь три педагога: это дидакты Я. Б. Резник и И. В. Арнольд, а также историк педагогики Н. А. Константинов; все остальные – психологи: Н. Ф. Добрынин, А. Р. Лурия, А. Т. Бочорашвили, Б. Г. Ананьев, В. А. Артемов, П. М. Петров, П. М. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. Н. Леонтьев, И. В. Страхов, Т. Г. Егоров, Л. В. Занков.

Научные исследования Е. А. Климов сочетал с большой практической, организаторской работой. В 1971 г. он организовал бюро индивидуально-педагогической профконсультации, опыт которого был обобщён им в серии брошюр методического характера, которые до сих пор используют профконсультационные службы. Он был избран председателем секции психологии учёного совета Госпрофобра.

Е. А. Климов был одним из инициаторов введения в школах предмета «Основы производства. Выбор профессии». В соавторстве со своей ученицей Светланой Николаевной Чистяковой написал учебник для школьников по этому предмету (1987). С годами Е. А. Климова всё более стала притягивать педагогическая, преподавательская работа. В 1976–1980 гг. – он профессор Ленинградского пединститута, а с 1980 г. – профессор факультета психологии МГУ, заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии (1983–2002) и одновременно декан факультета психологии МГУ (1986–2000). В 1985 г. Е. А. Климов был избран действительным членом АПН СССР (ныне РАО). Он становится президентом общества российских психологов, членом бюро отделения психологии и возрастной физиологии РАО, председателем экспертного совета ВАК по психологии и педагогике, главным редактором журнала «Вестник МГУ. Серия 14. Психология» (1987–2001), председателем докторского диссертационного совета. Под его руководством защищено свыше сорока диссертаций [53, с. 237].

Е. А. Климов был первым организатором и председателем научно-методического совета Учебно-методического объединения университетов РФ по психологии (1988–2000), организовал разработку первых государственных образовательных стандартов подготовки специалистов-психологов. Много сил он отдавал общественной и научно-организационной работе в качестве председателя экспертного совета по педагогике и психологии Высшей аттестационной комиссии РФ (1998–2001), председателя диссертационного совета при МГУ им. М. В. Ломоносова по защите докторских диссертаций, члена редакционного совета ряда научных журналов («Вопросы психологии» и др.).

Но годы идут, и постепенно Евгений Александрович уступил эти должности своему более молодому коллеге Александру Ивановичу Донцову. (Его жена, Дарья Донцова – известная писательница, а сын тоже уже довольно известный учёный-психолог). Перу Е. А. Климова принадлежит около 320 научных публикаций, более 30 учебников и учебных пособий. Но дело, разумеется, не в их количестве. Основные труды учёного заложили основы новых научных направле-

ний, таких как психология труда, профессиональная ориентация. Это, прежде всего, такие книги как «Обучение рабочих на производстве новым приемам труда и пути индивидуального подхода» (Казань, 1958), «Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы» (Казань, 1969), «Четыре задачи программированного обучения» (Казань, 1965), «Школа... а дальше?» (Л., 1971), «Путь в профессию» (Л., 1974), «Информационно-поисковая система «Профессиография» (Л., 1972), «Психолого-педагогические проблемы профессиональной консультации» (М., 1983), «Как выбирать профессию?» (М., 1984, 1990), «Психологическое содержание труда и вопросы воспитания» (М., 1986), «Введение в психологию труда» (М., 1988), «Психология профессионального самоопределения» (Ростов-на-Дону, 1996), «Психология: Учебник для школы» (М., 1997), «Основы психологии: Учебник» (М., 1997), «Основы психологии: Практикум» (М., 1999) и многие другие. Указываю только те, что Е. А. Климов высылал автору этой монографии с дарственной надписью.

Его неутомимая научно-педагогическая деятельность была увенчана многочисленными наградами, среди которых назовем Орден Почёта (2001), орден Международной Академии психологических наук «За заслуги в психологии» (1998), Ломоносовскую премию Учёного совета МГУ «За педагогическую деятельность» (1999), премию Президиума Российской академии наук имени С. Л. Рубинштейна за серию работ по тематике «Системно-генетические исследования профессиональной деятельности» (2002). Он был признан победителем национального профессионального конкурса «Золотая Психея» в номинации «Патриарх Российской психологии» (2004). Е. А. Климов был награждён почётной грамотой за научно-педагогическую деятельность Академией государственной службы при Президенте РФ (2005). Учебное пособие Е. А. Климова «Педагогический труд: психологические составляющие» (М., 2004 г.) получило награду в конкурсе «Лучшая книга по педагогике 2006 года» в номинации «Лучшие учебники и учебные пособия по педагогике».

Наше личное знакомство с Евгением Александровичем произошло в 1983 году в ВАКе. Так получилось, что автор данной монографии помогал в организации работы в этом уважаемом учреждении.

Среди членов экспертного совета ВАКа по педагогике и психологии был, естественно, и Е. А. Климов. Я принёс ему газету «Кировская правда», в которой рассказывалось о юбилее школы, в которой в

своё время учился Климов. Его фамилия, как известного выпускника, также упоминалась в статье журналиста А. Скорнякова. Евгений Александрович, помню, удивился и спросил: «А где это в Москве “Кировскую правду” продают?». Пришлось его «разочаровать», и сказать о том, что я этот экземпляр специально привёз для него из Кирова. Мы познакомились, и в дальнейшем постоянно переписывались. Мы посылали друг другу вышедшие книги. Разумеется, при этом «счёт» был, конечно, явно в пользу Евгения Александровича. Меня интересовали подробности его жизни, поскольку в то время я собирал материал для книги «Педагоги и психологи Вятского края», которая, в итоге, вышла в 1993 г. в Кирове. В ней, разумеется, была глава и о Климове. Она называлась «Если вы правильно выберете труд» [37].

Как учёный Е. А. Климов был неутомим. Его статьи в специальных журналах появлялись одна за другой. Вовсе не из желания польстить маститому ученому, отмечу, что его книги интересны и с пользой изучаются теми, для кого они предназначены. Вот передо мной лежит второе издание книги «Как выбирать профессию» с дарственной надписью и пожеланием всего доброго «от одного из вятичей». Эту книгу с удовольствием прочитает и старшеклассник. Эпиграфом к ней автор взял слова К. Д. Ушинского: «Если вы удачно выберете труд и вложите в него душу, то счастье само вас отыщет». Уверен, что эти слова можно с полным основанием отнести не только к тем школьникам, которым книги нашего земляка помогут выбрать верный жизненный и профессиональный путь, но и к автору этих книг. Ведь для учёного нет большего счастья, чем увидеть результаты своих научных поисков воплощёнными в жизнь, получившими признание. Е. А. Климов скончался 31 мая 2014 г.

ХІІІ. САМЫЙ МОЛОДОЙ АКАДЕМИК (В. Г. РАЗУМОВСКИЙ)

Выдающийся отечественный методист-физик Василий Григорьевич Разумовский родился 1 февраля 1930 г. в Вятке (город Вятского округа Нижегородского края) в семье педагога. Как и отец, Василий также выбрал профессию учителя. По окончании физико-математического факультета Кировского пединститута (1952) он в течение трёх лет работал учителем в Татауровской средней школе Нолинского района Кировской области [58, с. 246]. Впоследствии Василий Григорьевич так вспоминал об этом времени: «Для молодого начи-

нающего учителя очень важно сразу попасть в хороший педагогический коллектив. Мне в этом смысле повезло. В нашей школе царила атмосфера сотрудничества учителей и учащихся. Со стороны большинства педагогов проявлялось кровно заинтересованное отношение к делу. Почти все мы были молоды. У нас была совместная комсомольская организация учителей и учащихся. Я был её секретарем...» [50, с. 74].

Став известным ученым, В. Г. Разумовский не забыл школу, давшую ему «путёвку в жизнь». Всякий раз, приезжая в родной город, он стремился побывать и в Татауровской школе. Надо ли говорить, какой это всегда был праздник для татауровских учителей и учащихся! ... В 1950-е гг. в Татауровской школе велась обширная кружковая работа, находил практическое применение принцип дифференциации обучения. Молодой учитель В. Г. Разумовский много занимался организацией детского технического творчества. В школе было плохо с освещением, и Василий взялся с ребятами за создание ветросиловых установок, которые вырабатывали свет для школы. Опыт школы по организации детского технического творчества в 1954 г. был представлен на ВДНХ СССР и получил всесоюзное признание. Для молодого учителя это стало стимулом к последующей научной работе.

Всегда праздником был приезд В. Г. Разумовского для Кировских учителей физики и методистов-физиков местного пединститута. С ними он проводил семинары, участвовал в работе диссертационного совета. Его отец Григорий Николаевич на склоне лет совместно со своим одноклассником по Вятской мужской гимназии Авксентием Цезаревичем Пуни издал небольшую, но содержательную книжку «Страницы истории спорта в Вятке» (Киров. 1969). Имя Г. Н. Разумовского (1902–1989) было в свое время хорошо известно вятским учителям. Много лет он работал директором средней школы № 32 г. Кирова, прожил долгую, насыщенную событиями и добрыми делами жизнь, и оставил о себе светлую память в сердцах многочисленных учеников.

...Пытливый молодой исследователь В. Г. Разумовский учился в аспирантуре под руководством автора школьных учебников по физике Александра Васильевича Пёрышкина. Защитил кандидатскую диссертацию, а затем и докторскую (1972). Его избрали действительным членом АПН СССР. В 1980-е гг. он был самым молодым членом экспертного совета ВАК СССР по психологии и педагогике, и одним из

самых молодых, если не самым молодым, действительным членом АПН СССР за всю её историю. В числе его многочисленных аспирантов и докторантов были не только советские (российские) исследователи, но и граждане ГДР, Кубы, Египта, Ирака, Болгарии, а позднее и стран СНГ. Творческие достижения учащихся московской школы № 315 под его руководством экспонировались в Центральном выставочном зале г. Москвы (1968), а также в гг. Сан-Франциско, Сиэтл, Портленд, Бостон (США, 1965–1967) [27, с. 49].

В 1970–1980-е гг. В. Г. Разумовский был руководителем семинара московских учителей «Современный урок физики». Совместно с академиком Е. П. Велиховым он вёл всесоюзный семинар «Компьютер и образование» (1985–1992), был соучредителем Московского детского фонда (1991), руководителем научного коллектива и национальным координатором Международного исследования по оценке качества математического и естественнонаучного образования (TIMSS) (1989–1991). Итогом научных исследований В. Г. Разумовского стало опубликование таких значительных работ, как «Развитие творческой деятельности учащихся в физико-техническом кружке» (М., 1959), «Развитие технического творчества учащихся» (М., 1961), «Творческие задачи по физике в средней школе» (М., 1966), «Изучение электроники в курсе физики средней школы» (М., 1968, в соавт.), «Физика в современной школе в США. Основные направления в изменении содержания и методов обучения» (М., 1973), «Развитие творческих способностей учащихся в процессе обучения физике» (М., 1975), «Задания для контроля знаний учащихся: VIII кл.» (М., 1976) и др.

В течение нескольких лет В. Г. Разумовский заведовал лабораторией в НИИ содержания и методов обучения АПН СССР. В 1965–1992 гг. выполнял обязанности главного редактора журнала «Физика в школе». Работа в журнале дала ему возможность общаться с такими выдающимися учёными, как П. Л. Капица, И. Я. Кикоин, В. А. Фабрикант. Общение с такими людьми, по воспоминаниям В. Г. Разумовского, поистине бесценно, ибо очень многому учит, оттачивает мысль, убеждает в необходимости приобретения широких и глубоких знаний. А первый разговор с П. Л. Капицей начался с... дымковской игрушки. Гениальный физик, Нобелевский лауреат был чрезвычайно любознательным человеком, живо интересовался самыми разнообразными вопросами из области культуры и истории. Близки ему были и проблемы школы, народного образования.

В 1976 г. по линии ЮНЕСКО Василий Григорьевич проходил стажировку в Стокгольмском и Лондонском университетах. Как специалист в области сравнительной педагогики он принимал участие во многих международных конференциях и семинарах в Берлине, Будапеште, Праге, Софии, Варшаве, Марселе, Триесте, Женеве, Вашингтоне, Копенгагене, Лос-Анджелесе, Франкфурте-на-Майне, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Принстоне, Пекине, Токио, Стамбуле и др. В 1981 г. он возглавлял делегацию СССР и был вице-президентом международного конгресса ЮНЕСКО «Научно-техническое образование и национальное развитие» в Париже [27, с. 50].

Не один десяток лет В. Г. Разумовский работал в президиуме АПН СССР (ныне РАО), а в 1989–1992 гг. был вице-президентом. В конце 1980-х гг. деятельность АПН СССР подверглась острой и, надо признать, во многом справедливой критике со стороны средств массовой информации, прежде всего, со стороны «Учительской газеты», главным редактором которой в то время был замечательный педагог-новатор В. Ф. Матвеев. Была даже создана специальная комиссия по реорганизации АПН СССР. В беседе с журналистом В. П. Борисенковым («Советская педагогика», 1990, № 2, с. 88) Василий Григорьевич самокритично признал и свою часть ответственности за промахи в работе тогдашней академии. И всё-таки научный и моральный авторитет нашего земляка никогда и ни у кого не вызывал ни малейшего сомнения. Доказательством этого служит хотя бы и такой факт как его избрание вице-президентом академии.

Что же академик Разумовский считал главными направлениями своей деятельности? Это, прежде всего, восстановление престижности образования, образованности, таланта... Демократизация школьной жизни, дифференциация и индивидуализация обучения, гуманизация образования и воспитания на основе овладения достижениями национальной и мировой культуры и искусства при необходимо высоком уровне естественно-математического образования. Борьба с перегрузкой школьников путём разработки новых учебников и методик. Борьба за высокий авторитет и престиж учительской профессии в обществе. Расширение участия советских специалистов в международных симпозиумах и семинарах, в обмене студентами, в стажировках ученых, в совместной с зарубежными коллегами разработке педагогических, психологических, физиологических проблем воспитания и развития подрастающего поколения [27, с. 50].

В 1989 г., на волне горбачёвской «перестройки» проводились выборы в народные депутаты СССР. Значительная часть депутатов

избиралась от организаций. На АПН СССР была выделена квота на двух депутатов. Ими были избраны Герой Советского Союза, директор НИИ профессионально-технического образования Сергей Яковлевич Батышев и Василий Григорьевич Разумовский. Наш земляк вошёл в состав комитета Верховного совета СССР по науке, культуре, образованию и воспитанию.

А завершился столь памятный для него год приездом в Киров на празднование 75-летнего юбилея КГПИ. Выступая на торжественном заседании, посвящённом этой славной дате, Василий Григорьевич, сославшись на свой опыт изучения постановки образования за рубежом, в частности отметил, что уровень преподавания на ряде факультетов в Кировском пединституте соответствует европейским стандартам. Что ж, академику видней!

В 1999 г. вышел второй том «Российской педагогической энциклопедии», в который, в частности, был включён материал автора данной книги о Разумовском. Василий Григорьевич был очень тронут этим фактом, так же, как и статьей о нём в нашей книге «Педагоги и психологи Вятского края». В течение ряда лет мы входили с В. Г. Разумовским в один диссертационный совет, и в связи с этим общались. Он запомнился как человек не только высокообразованный, но и интеллигентный, высококультурный. Как автор книги «100 великих педагогов» (2018) я включил В. Г. Разумовского в число этих ста великих педагогов. Так же, впрочем, как и некоторых других героев этой монографии, в частности, таких учёных, как Л. А. Цветков и Б. П. Есипов. В. Г. Разумовский скончался 21 февраля 2017 г. в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище.

XIV. БЕЗ ВЯТСКИХ – НЕТ ПЕДАГОГИКИ (И. Т. ОГОРОДНИКОВ, А. И. ПИСКУНОВ, Н. С. СУНЦОВ)

Летом 1925 г., до начала занятий в пединституте, студента Эле Моносзона направили вожатым в пригородный школьный пионерский лагерь. Здесь в один из дней произошёл несчастный случай: утонула учительница, спасавшая свою тонувшую дочь. Прибежали крестьяне из соседней деревни. Пустили по реке каравай с зажжённой свечкой. В одном месте каравай закрутился. Водоворот! Здесь стали искать и, в конце концов, нашли бездыханное тело... На место происшествия приехал инспектор губоно И. Т. Огородников. Он строго отчитал юного вожатого за... допущенный им «религиозный обряд»

(каравай со свечкой!). Происшествие было расценено как несчастный случай. Вот при таких курьезных и, вместе с тем, трагических обстоятельствах познакомились два в будущем замечательных ученых-педагога. Эта история известна нам со слов Эле Исаевича Моносова [38, с. 196].

Доктор педагогических наук (1966), член-корреспондент АПН РСФСР (1955) и АПН СССР (1968), профессор (1935), заслуженный деятель науки РСФСР (1971) Иван Трофимович Огородников родился 11 (23) апреля 1900 г. в селе Огородники Котельничского уезда Вятской губернии в бедной крестьянской семье [36, с. 29].

По окончании начальной школы он поступил в реальное училище, но учёбу пришлось оставить из-за материальных трудностей. В 1919 г. И. Огородников поступил на физико-химическое отделение Вятского института народного образования, но, в итоге, в 1921 г. окончил инструкторско-педагогические курсы, а в 1930 г. – уже аспирантуру по педагогике в Москве [47, с. 77].

Его педагогическая деятельность началась в 1922 г. в г. Нолинске: сначала на педагогических курсах, потом его назначили заведующим отделом социального воспитания Нолинского уездного отдела народного образования. В 1923–1928 гг. Огородников был школьным инспектором и преподавателем педагогического техникума в Вятке. В эти годы началось приобщение молодого педагога к науке. Свою первую опубликованную статью он послал в родную деревеньку любимой учительнице Антонине Николаевне Полянской. За первой статьей последовали другие. Особенно увлекали молодого педагога вопросы обобщения и распространения передового педагогического опыта.

Неожиданно Огородникова вызвала в Москву Н. К. Крупская. Зачем, он не знал. Оказалось, что причиной столь крутого поворота в жизни Ивана послужили несколько его статей, напечатанных в журнале «На путях к новой школе», который редактировала Надежда Константиновна. «Мы Вас хорошо знаем. Мы печатали Ваши статьи. Они нам очень нравятся, – сказала она при встрече. – Вам надо переходить на научную работу». Многие годы потом в кабинете Огородникова почётное место занимал № 2 журнала «На путях к новой школе» за 1929 г., полностью посвящённый вопросам политехнического обучения. В нём вместе с работами В. И. Ленина «Тезисы о производственном пропаганде», «Из заметок на тезисы Надежды Константиновны» (эта работа публиковалась впервые) и статьёй Н. К. Крупской

«О политехнизме» помещены две статьи аспиранта института методов школьной работы И. Огородникова «К вопросу о политехнизме» и «К вопросу строительства школы крестьянской молодёжи». Статьи молодого ученого отличало доскональное знание проблем сельской школы. И. Т. Огородников, в частности, писал о том, что нельзя ждать, как предлагалось некоторыми учёными, пока деревня обретёт надлежащий «технико-экономический базис»; надо использовать всё то, что уже имеется в наличии для ускорения социалистического строительства в деревне.

С 1930 г. И. Т. Огородников в течение почти полувека вёл педагогическую работу в вузах Москвы: в высшем инженерно-педагогическом институте, в МГУ, в Московском областном пединституте имени Н. К. Крупской, а с 1949 г. – неизменно в Московском госпединституте имени В. И. Ленина [49, с. 317].

Причём в должности заведующего кафедрой педагогики в этих институтах он работал более сорока лет, в том числе в МГПИ свыше четверти века. Помимо этого, в 1944–1947 гг. он был одновременно заместителем начальника главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. В 1933 г. по рекомендации Глеба Максимилиановича Кржижановского И. Т. Огородникова приглашали принять участие в деятельности всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при Центральном исполнительном комитете СССР.

Профессор И. Т. Огородников читал курсы педагогики, руководил учебной и научно-исследовательской работой кафедр, возглавлял учёный совет педагогических кафедр вузов Москвы. Он автор свыше полутора сотен научных работ, в которых рассматривались коренные проблемы методологии педагогики, дидактики, теории воспитания и вопросы педагогического образования [48, с. 389].

Важным событием в общественно-политической жизни страны стала созванная перед самым началом Великой Отечественной войны всесоюзная конференция по педагогическим наукам. И. Т. Огородникову было поручено сделать на ней доклад по проблеме, которая тогда была предметом острейших споров, – о взаимоотношении педагогики, дидактики и частных методик. В то время было немало методистов, отрицавших руководящее значение общепедагогических и дидактических принципов для построения вузовских курсов методики, а то и просто не признававших за методикой статуса научной дисциплины и рассматривавших её как некий случайный набор технических

приемов. В докладе И. Т. Огородникова были намечены пути дальнейшего развития частных методик, укрепления связей между педагогикой и частными методиками, обобщения методической работы, ведущейся в школах [38, с. 197].

И. Т. Огородников был разносторонним учёным-педагогом, но особенно много сделал он для развития экспериментальной дидактики. Причём его теоретические исследования всегда сочетались с экспериментальными. Младшие коллеги Ивана Трофимовича Александр Егорович Дмитриев и Валентина Васильевна Мерцалова в своих воспоминаниях отмечали его огромную эрудицию, глубокое знание школьных проблем, широту научных интересов, талант организатора и руководителя, которые во всей полноте были реализованы профессором Огородниковым в период работы на кафедре общей педагогики МГПИ. Кафедра под его руководством стала подлинным центром научно-педагогических исследований, направленных на решение актуальных проблем народного образования, педагогической науки и подготовки педагогических кадров [36, с. 29].

Эти исследования были сосредоточены в созданных при кафедре лабораториях воспитательной работы, экспериментальной дидактики, программированного обучения, высшего педагогического образования, сравнительной педагогики, истории педагогики. За кафедрой были закреплены три экспериментальные школы. Лаборатория дидактики, например, свои усилия сосредоточила на поиске, научно-теоретическом обосновании и практическом внедрении путей и способов повышения эффективности урока, на решении проблем развития познавательной и творческой активности учащихся. На памяти учителей старшего поколения эксперимент в школах г. Казани, организованный И. Т. Огородниковым. Передовой опыт учителей Татарии по повышению познавательной активности и организации разнообразной самостоятельной учебной деятельности учащихся на уроке перенимали тогда многие учителя страны, стремившиеся работать творчески.

Самим И. Т. Огородниковым опубликовано несколько оригинальных исследований о путях повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в средней школе. К наиболее важным трудам разных лет можно отнести такие работы как «Организация и методика работы в высшей школе» (1934), «Повышение идейного и теоретического уровня учебной и научной работы по педагогическим наукам» (1947), «Педагогический практикум», «Методика изучения эф-

фективности урока по основам наук в школе» (1959), «Вопросы повышения эффективности урока» (под ред. И. Т. Огородникова, тт. 1–3, 1959–1964).

Велик вклад И. Т. Огородникова в создание учебников по педагогике. Его первый учебник для учительских институтов вышел в 1946 г. и был написан в творческом содружестве с П. Н. Шимбирёвым. Ещё один учебник, для пединститутов, увидел свет в 1954 г. Последний учебник И. Т. Огородникова был издан в 1978 г., уже после смерти автора. Некоторые работы И. Т. Огородникова переведены на иностранные языки. Особый интерес представляет опыт написания совместно с учёными ГДР работы по методике исследования проблем дидактики, которая была выпущена в 1974 г. в издательстве «Просвещение».

В разные периоды своей долголетней научно-педагогической деятельности И. Т. Огородников принимал активнейшее участие в педагогических дискуссиях. Так, в 1930-е гг. он настойчиво проводил мысль о необходимости комплексного применения различных методов преподавания, подвергал критике тех учёных, кто считал, что бригадно-лабораторный метод универсален. И всё же в центре его деятельности на ниве просвещения было педагогическое образование и подготовка учительских и научно-педагогических кадров. Ученики И. Т. Огородникова до сих пор трудятся во многих регионах страны. Под его руководством написаны и защищены 48 кандидатских и докторских диссертаций.

Помимо своей основной работы И. Т. Огородников выполнял обязанности председателя учёной комиссии по педагогике Минпроса СССР, члена экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР, члена бюро отделения теории и истории педагогики АПН СССР, члена учёного совета НИИ общей педагогики. За свой труд И. Т. Огородников был награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями К. Д. Ушинского и Н. К. Крупской. Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 5 февраля 1971 г. ему было присвоено почётное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Доцент кафедры педагогики КГПИ Галина Алексеевна Созинова (1941–2014), хорошо знавшая И. Т. Огородникова, вспоминала, что он был чрезвычайно остроумным, глубоко образованным человеком, требовательным и принципиальным, и, в то же, время, сердечным и доброжелательным, внимательным к людям. И. Т. Огородников ак-

тивно работал вплоть до того трагического дня, когда, возвращаясь с работы, он был сбит автомашиной. Через несколько дней, 7 октября 1976 г. Иван Трофимович скончался.

В 2000 г. в Московского педагогическом государственном университете к 100-летию И. Т. Огородникова состоялась конференция в его память. На ней выступали дорогие моему сердцу люди, – В. А. Сластёнин, Б. З. Вульф. Г. Н. Волков и другие. А вскоре не стало и их... [36].

Примечательная деталь: журнал «Советская педагогика», членом редколлегии которого Иван Трофимович состоял с 1952 г., в № 12 за 1976 г. поместил некролог И. Т. Огородникова, и одновременно материал о VIII совместном семинаре аспирантов и молодых учёных АПН СССР и АПН ГДР, в котором сообщалось, в частности, о том, что на пленарном заседании семинара с докладом на тему «О повышении творческой познавательной самостоятельности в обучении» выступил И. Т. Огородников. А руководителем упомянутого семинара был другой наш земляк-котельничанин, доктор педагогических наук (1965 г.), профессор (1968 г.) Алексей Иванович Пискунов. Именно А. И. Пискунов стал преемником Огородникова в должности заведующего кафедрой общей педагогики МГПИ (1980–2000).

А. И. Пискунов родился 24 февраля 1921 г. в г. Оханске Пермской области. Когда Алексею было несколько месяцев семья переехала в г. Котельнич Вятской губернии, на родину его родителей. Здесь прошли детские годы будущего учёного. В 1942 г. А. И. Пискунов окончил факультет иностранных языков Ставропольского пединститута. Педагогическую деятельность начал в 1940 г. в качестве учителя немецкого языка в средней школе. По окончании института работал в Махачкалинском пединституте. В 1949 г. он становится аспирантом НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР.

После защиты кандидатской диссертации в 1952–1954 гг. работает доцентом и заведующим кафедрой педагогики Мордовского пединститута. В 1955–1962 гг. – он старший научный сотрудник, а в 1962–1965 гг. – зав. сектором истории педагогики НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР; в 1965–1974 гг. – заместитель директора, в 1974–1980 гг. – директор этого института (последние годы при Пискунове он назывался НИИ общей педагогики). Член-корреспондент АПН СССР (1968), действительный член АПН СССР (1977), действительный член РАО (1993). В 1970-е гг. Пискунова избирают академиком-секретарём отделения теории и истории педагогики АПН СССР.

А. И. Пискунов известен научной общественности, прежде всего, своими фундаментальными исследованиями в области истории зарубежной и отечественной педагогики. Им написаны такие значительные труды, как «Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII – начала XIX в.» (1960), «Теория и практика трудовой школы в Германии (до Веймарской республики)» (1963), «Проблемы трудового обучения и воспитания в немецкой педагогике XVIII – начала XX в.» (1976). За большой вклад в дело изучения наследия великих педагогов Министерство просвещения Чехословакии наградило А. И. Пискунова медалью Я. А. Коменского, великого славянского педагога [16, с. 93].

А. И. Пискунов – один из инициаторов, руководителей и авторов многотомного издания, посвящённого развитию школы и педагогики народов СССР. Он автор фундаментальных трудов, таких как «Методы педагогических исследований» (1979), «Теория и практика педагогического эксперимента» (в соавторстве с Г. В. Воробьёвым, 1979), «Развитие экспериментальных учебно-воспитательных учреждений в СССР и за рубежом» (в соавторстве, редактор, 1978) и др. Всего на его «лицевом счету» около трехсот научных работ [50, с. 66].

Большой вклад внёс наш земляк в совершенствование вузовской педагогики и как председатель методического совета по педагогическому образованию Министерства просвещения СССР. Он был членом нескольких диссертационных советов. Под его руководством десятки учёных стали докторами кандидатами наук. Скончался А. И. Пискунов 30 мая 2005 г.

В 1997 г. автор данной монографии присутствовал на докторской защите в диссертационном совете, возглавляемом А. И. Пискуновым. В ходе обсуждения я взял слово и высказал своё мнение о диссертации. После окончания процедуры защиты Алексей Иванович подошёл ко мне, мы познакомились. Он дружески обнял меня со словами: «Так вот, значит, Вы какой – Помелов!». Оказывается, он давно хотел со мной познакомиться. Дело в том, что в моей книге «Педагоги и психологи Вятского края» речь шла, в том числе, и о А. И. Пискунове. Узнав об этом обстоятельстве, некоторые наши кировские соискатели учёных степеней, пытавшиеся в те годы «покорить Москву», обращались ко мне с просьбой подарить им экземпляр этой книги для вручения его А. И. Пискунову, к которому они намеревались обратиться за содействием в поступлении в аспирантуру и докторантуру. В итоге, у Алексея Ивановича скопилось целая стопка экземп-

ляров этой моей книжки. Помню, Алексей Иванович ещё недоумевал, почему я, в то время докторант, ранее не обратился к нему за содействием в поступлении в докторантуру. Я как-то отшутился. Не мог же я, в самом деле, сказать «истинную правду», что я, как всякий русский человек, пошёл самым трудным путем, и напросился в докторанты к его постоянному научному оппоненту Захару Ильичу Равкину, а «вариант» с А. И. Пискуновым «приберегал» на крайний случай.

Мы стали вспоминать видных учёных – педагогов и психологов вятского происхождения: В. Г. Разумовского, Б. П. Есипова, Е. А. Климова, М. Г. Яновскую, В. Ф. Сахарова, Л. А. Цветкова, В. С. Серебrenикова, В. М. Бехтерева, Н. С. Сунцова, Ф. Ф. Нагибина и др.), а также тех, кто провёл значимую часть жизни в Вятке (Э. И. Моносзона, П. Н. Шимбирёва и др.). В итоге, А. И. Пискунов согласился с высказанным мной утверждением о том, что Вятский край дал так много учёных в этих областях науки, как никакой другой, за исключением, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга. Но у столиц ведь и огромный «численный перевес» населения по сравнению с провинциальным регионом, каковым является Кировская область. В общем, мы пришли к выводу о том, что *«без вятских – нет педагогики»!*

Одним из учёных, которого мы вспомнили в разговоре с Алексеем Ивановичем, был ещё один наш земляк – Николай Степанович Сунцов, в своё время относившийся к числу наиболее крупных ученых в области школоведения – отрасли педагогической науки, изучающей проблемы организации деятельности школы. Как известно, организационно-управленческие вопросы, в том числе и применительно к школьному делу и системе образования в целом приобрели в последнее время особую актуальность в связи с тем, что становится всё более очевидным следующее обстоятельство: достижение успеха в этой сфере обеспечивается зачастую не только и не столько за счёт самоотверженных усилий отдельных учителей, сколько за счёт правильной организации их труда, совершенствования постановки и решения школьных проблем на государственном уровне, повышения престижности педагогического труда и образованности в стране. Всем этим вопросам Н. С. Сунцов и организованный и возглавляемый им на протяжении более пятнадцати лет НИИ школ Минпроса РСФСР уделял первостепенное внимание. И как заместитель академика-секретаря отделения теории и истории педагогики АПН СССР он внёс значительный вклад в организацию педагогических исследований в указанных научных направлениях.

Н. С. Сунцов был автором значительного количества работ по актуальным проблемам школы и педагогической науки. Его главный научный труд – монография «Управление общеобразовательной школой. Вопросы теории и практики» (М., 1982) является плодом фундаментального исследования в этой области, итогом многолетних раздумий и научных изысканий. Положения и выводы, содержащиеся в этой книге, легли в основу докторской диссертации. А ещё раньше, в 1950-е гг. была успешно защищена кандидатская диссертация. И эту диссертацию сопровождал капитальный труд «Экономические взгляды Н. В. Шелгунова» (М., 1957) [16, с. 95].

Видный советский учёный Н. С. Сунцов родился 22 ноября 1914 г. в Вятке в семье рабочего-железнодорожника [63, с. 429]. Отец Степан Леонтьевич работал главным кондуктором пассажирских поездов Вятского резерва, был ударником производства. По окончании в 1930 г. школы-семилетки № 53 Северной железной дороги Николай решил пойти по стопам отца и стать железнодорожником. Два года проучился он в школе фабрично-заводского ученичества на помощника машиниста, имел только отличные и хорошие отметки, и тут случилось несчастье: вследствие травмы коленного сустава ему пришлось ампутировать правую ногу. Пришлось расстаться с мечтой стать машинистом. Николай перешёл в слесари по ремонту паровозов.

Затем он сдал экстерном экзамены за среднюю школу и поступил на физико-математический факультет КГПИ, который окончил в 1938 г. Директор института Ф. С. Орешков и декан И. И. Бессонов писали в характеристике студента Н. С. Сунцова: «Академически успевает хорошо, педпрактику провел отлично. Вёл общественную работу в качестве старосты духового оркестра, агитатора на избирательном участке. К работе относится серьёзно». По окончании института Н. С. Сунцов работал учителем физики. Как вспоминал его студенческий товарищ, директор кировской средней школы № 17 Николай Андреевич Сапожников, позднее многолетний заведующий Кировским облоно, Николай Степанович так живо и интересно вёл уроки, что к нему было настоящее паломничество других физиков города. Имея всего один год учительского стажа, он стал руководить городской секцией физиков-методистов. Затем Н. С. Сунцов был назначен завучем, директором школы [67, с. 40].

Впоследствии Н. С. Сунцов более 20 лет находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС. Много внимания уделял он делу пропаганды педагогических знаний среди родителей и общественно-

сти, будучи председателем президиума центрального совета Всероссийского педагогического общества. Активно участвовал в международных симпозиумах и конференциях, вёл обширную переписку с английскими, японскими, болгарскими, американскими учёными. Его ценили зарубежные коллеги. Он был избран почётным членом Болгарской и Румынской академий наук.

Заслуги Сунцова были отмечены высокими государственными наградами: орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями. 14 февраля 1987 Н.С. Сунцов скоропостижно скончался. Память доктора педагогических наук, члена-корреспондента АПН СССР Н. С. Сунцова почтили некрологами «Учительская газета» и журнал «Советская педагогика» [35, с. 522].

XV. ФЕНОМЕН НИЖНЕИВКИНСКОЙ ШКОЛЫ (Г. Е. ЗАУЗОЛКОВ)

Во второй половине 1970-х–1980-х гг. Нижнеивкинская средняя школа Кумёнского района Кировской области считалась одной из лучших сельских школ страны. О самой школе говорили не иначе как о педагогическом феномене. Автору данной монографии посчастливилось в ней работать с августа 1975 г., после окончания факультета иностранных языков Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина (КГПИ), по октябрь 1979 г. [64, с. 125]. Возглавлял её великий труженик и энтузиаст педагогического дела, выдающийся российский педагог-практик, заслуженный учитель школы РСФСР (1982), «Отличник народного просвещения», кавалер ордена «Знак Почёта» (1978) Геннадий Ефимович Заузолков (1931–2002).

Г. Е. Заузолков родился 26 мая 1932 г. в крестьянской семье, в Пижанском районе. Окончил Советское педагогическое училище и исторический факультет КГПИ, где, кстати, учился в одной группе с будущим ректором КГПИ Василием Афанасьевичем Патрушевым и известным историком-краеведом Борисом Васильевичем Садыриным, инициатором возведения памятника Ф. И. Шаялину в г. Кирове.

Сначала Геннадий Ефимович работал в Кумёнской средней школе, затем инспектором Кумёнского РОНО. В Нижнеивкино он приехал в 1959 г. с дочкой, женой Идой Митрофановной, учительницей русского языка и литературы, и тётцей, тоже учительницей. Г. Е. Заузолков был по натуре общественником: ему до всего было

дело. Поэтому он неоднократно избирался депутатом местного и районного советов, несколько лет возглавлял совет ветеранов посёлка.

Его старшая дочь Наталья Долгушева (1955–1999) свою оказавшуюся столь короткой жизнь так же, как и родители, посвятила учительской профессии: сначала по окончании факультета иностранных языков КГПИ в 1978 г. работала в Нижнеивкино, затем на родном факультете. Младшая дочь Екатерина стала врачом; её муж Иван Степанович Ершов некоторое время был директором Нижнеивкинской школы.

... Немного истории. Первая школа (церковно-приходская) в селе Нижнеивкино была открыта в 1877 г. Через некоторое время строится второе здание школы, и школа становится земской с тремя классами. Впоследствии оба здания начальной школы были разделены: для девочек предназначалось здание первой церковно-приходской школы, для мальчиков – здание земской школы. Трёхклассная школа просуществовала до 1934 г., после чего была преобразована в «семи-летку». Семилетняя школа в своём здании бывшей земской школы находилась по 1955 г., а потом перешла в одноэтажное здание на Октябрьской (бывшей Школьной) улице. В 1962 г. в школе открывается восьмой класс, а с переходом страны на всеобщее среднее образование в 1966 г. открывается и десятый класс обучения. Первый выпуск окончивших полный курс средней школы состоялся в 1968 г. С 1959 г. по 1990 г. коллектив местной школы возглавлял Г. Е. Заузолков.

Первый свой учебный год в Нижнеивкино я работал ещё в старой школе. Она располагалась в трёх рядом расположенных деревянных помещениях: в одном был спортзал, в другом – мастерские, в третьем – учебные помещения (на этом месте была расположена база отдыха ВятГУ «Ласточка»). Место романтическое: куда ни глянешь – кругом лес, цветы, ветки бьют прямо в стёкла окон. В мае уроки, по примеру Сухомлинского, проводили прямо на лужайке; там были расставлены старые парты. Но такую радость детям ещё надо было заслужить примерным поведением на уроках и отличным выполнением домашних заданий.

Зимой, бывало, ведёшь урок, ребята пишут письменную работу. В печке трещат дрова. Подойдёшь, подбросишь полено... Сейчас даже не верится, что всё это было...

Но одной романтикой сыт не будешь. С каждым годом учеников становилось всё больше. В классах было тесно, душно. Обстановка напоминала, скорее, сельскую школу середины XIX века, но никак не XX.

Естественно, это не устраивало такого энергичного, деятельного, хозяйственного руководителя, каким был Г. Е. Заузолков. По инициативе и под его непосредственным руководством в 1976 г. было завершено строительство трёхэтажной современной школы на 640 учащихся, а позднее и школьного интерната, гаража, хоккейной коробки, лыжной базы, теплицы, подсобных помещений. На фронтоне здания школы стоит дата «1975». Но, увы, пуск школы состоялся лишь через год.

Опыт передовых учителей-одиночек – это уже немало, но ещё лучше, если передовой становится вся школа. Опыт работы этого учебного заведения неоднократно освещался в печати, и автор книги, как говорится, приложил к этому руку².

Будучи сам прекрасным историком, директор добивался, чтобы в коллективе работали самые первоклассные специалисты. Постепенно в Нижнеивкинской школе складывался коллектив единомышленников, учителей сильных, волевых, творчески работающих. Среди них хотелось бы назвать таких прекрасных педагогов, как Лидия Ивановна Шихова, Эмилия Андреевна Береснева, Галина Анатольевна Зыкова и Августа Иосифовна Бушмелева (математика); Раиса Ивановна Пелевина, Пётр Григорьевич Фёдоровых и Людмила Геннадьевна Сырцева (русский язык и литература); Валерий Иванович Ушаков, Юрий Иванович Хлебников, Расим Михайлович Закиев (физкультура); Николай Васильевич Крупин (трудовое обучение); Софья Николаевна Братухина (география); Леонид Григорьевич Мамаев (физика); Эльвина Степановна Сухова (химия); Владимир Александрович Сергеев (история), Александр Михайлович Рылов (история и военное дело); Евгения Степановна Федоровых и Екатерина Федоровна Захарова (начальные классы), Нина Михайловна Шевелева, Людмила Николаевна Путилова, Наталья Геннадьевна Заузолкова, Елена Константиновна Тарловская (Поздеева), Ирина Геннадьевна Винокурцева (иностранные языки); Вера Павловна Арасланова (руководитель интерната) и др. Все они давали прочные знания своим ученикам, много занимались их воспитанием. Это позволяло юным нижеивкинцам поступать в самые престижные учебные заведения страны, не говоря уж о кировских вузах.

Директор не забывал и о быте учителей, он делал всё, чтобы они жили благополучно. Свой незаменимый вклад в общее дело вносил

² см. Помелов В. Б. Воспитание социалистической деловитости // Советская педагогика. 1986. № 10. С. 15–17; Его же. Воспитывать деловитость у школьников // Воспитание школьников. 1984. № 3. С. 37–38; Его же. Призвание // Кировская правда. 1982. № 74 (30 марта), и др.

зав. хозяйством Анатолий Васильевич Сырцев. Но время идёт, и все эти замечательные учителя давно не работают в школе, а некоторых, увы, уже нет в живых.

Очень насыщенная была внеурочная жизнь: выпускались газеты, шло радиовещание, проходили пионерские сборы, турпоходы, игра «Зарница». Школьники побывали во многих уголках страны. Школа славилась своими спортсменами. Команда школы постоянно побеждала в соревнованиях на приз клуба «Золотая шайба». При этом областные спортивные организации очень любили именно здесь проводить свои турниры: тут и прекрасный каток, и отличный спортивный зал, во дворе спортивное ядро. В распоряжение гостей был интернат. А главное в школе были прекрасные учителя физкультуры, замечательные энтузиасты своего дела.

В Нижнеивкинскую школу приезжало много учителей и работников органов образования со всей области для того, чтобы ознакомиться с достижениями педагогического коллектива. Для молодых учителей района здесь даже неоднократно проводился «день открытых дверей». В школу приезжали делегации из Кирова, Москвы и других городов, и даже из-за границы (Чехословакия) для ознакомления с опытом работы директора и педагогов.

В разговоре с автором этих строк один из гостей сказал, что, ещё не побывав ни на одном уроке, не посетив ни одного мероприятия, он проникся уверенностью, что здесь работают настоящие мастера своего дела, люди деловые и обязательные. При первом знакомстве со школой всех восхищало обилие цветов, зелени, ухоженность пришкольного участка, чистота территории.

Ещё больше удивлялись посетители, когда знакомились с оснащением кабинетов, всех без исключения. Не стану говорить об их методическом оснащении, которое было на высоте. Хотелось бы специально отметить высочайший уровень эстетического оформления каждой частицы школьной территории. Вспоминаю, как директор запретил вывешивать любые объявления, стенгазеты, стенды и т.п., если они не соответствовали высоким эстетическим нормам. А всё это было тогда, когда никаких ксероксов и принтеров не было в помине. Он исходил из того, что учащиеся в школе должны видеть только красоту: грязи они и дома насмотрятся.

Заместитель начальника облоно Юрий Ильич Синцов в статье, посвящённой рассмотрению недостатков в работе некоторых школ, в качестве положительного примера привёл Нижнеивкинскую школу:

«Школа на 640 мест в п. Нижнеивкино построена в 1976 г. За прошедшее время силами учащихся, учителей и родителей только дважды проводился декоративный ремонт. Побывайте там и вы увидите высокую культуру содержания не только зданий школы и интерната, но и всей окружающей территории...» [64, с.129].

Интересная деталь: асфальтовое покрытие и прекрасные цветники появились здесь ещё за год (!) до пуска школы в эксплуатацию. (Надо ли говорить, что почти всегда бывает наоборот!?).

Вспоминаю свою первую встречу с Нижнеивкинской школой. В один из августовских дней 1975 г. я пошёл, было, прогуляться, даже фотоаппарат с собой захватил. Однако на школьной территории застал едва ли не весь учительский коллектив, который был занят... выравниванием асфальтового покрытия перед его укаткой. На мой недоумённый вопрос, почему этим делом заняты не рабочие-дорожники, а педагоги, один из учителей пояснил мне, что никакой строитель-шабашник не сумеет сделать это так качественно, как учителя, которые, кстати, занимались этим в первый и в последний раз в своей жизни. Торопливо сделав несколько снимков «для истории», я, разумеется, присоединился к своим новым коллегам. Между прочим, асфальт был положен так качественно, что с тех пор, – а прошло уже почти полвека! – ни разу не обновлялся, и до сих пор неплохо выглядит.

Принцип эстетики и красоты во всём! Это был девиз Г. Е. Заузолкова; ему он следовал неукоснительно и требовал того же от других. За каждым учителем был закреплен кабинет, за который он был персонально ответственным. Такая ответственность, естественно, казалась обузой. Я и подумать тогда, конечно, не мог, что спустя годы буду считать это время самым счастливым в своей профессиональной жизни. Г. Е. Заузолков привил мне, да и многим другим своим коллегам, привычку трудиться.

Вспоминается такой эпизод. В районной типографии директор заказал огромное количество специального размера листов, на которых распорядился оформлять план каждого урока. Сколько уроков – столько и конспектов. Никаких мятых тетрадок, записочек и т. п. в руках учителя на уроке он не допускал. У учителя должен был быть краткий конспект, изложенный на одном-двух листах, причём все они были одного формата. Это добавляло уроку эстетики и культуры, а самого учителя побуждало к выбору наиболее подходящих и, в то же время, экономных средств подачи материала. Понятно, что эти конспекты практически каждый год совершенствовались, дополнялись.

Лишь спустя три десятилетия в отечественной школе появился термин «технологическая карта». Эта «карта» представляет собой не что иное, как кальку того изобретения, которое предложил ещё Г. Е. Заузолков.

В конце 1970-х гг. в центральной печати стали писать о донецком учителе Викторе Фёдоровиче Шаталове как о выдающемся учителе-новаторе, стали пропагандировать его «опорные конспекты». Мы, помню, недоумевали: какое же это открытие, если у нас все учителя давно используют точно такую же методику каждый день.

Когда по семейным обстоятельствам мне пришлось переехать на работу в школу другого района, я и представить себе не мог, что меня там априори, даже ещё не будучи знакомыми со мной, зачислят в *передовые* учителя, станут включать в роновские комиссии по проверке других школ, уже только на том основании, что ранее я работал в Нижнеивкинской школе.

Тогдашний ректор КГПИ Василий Афанасьевич Патрушев (1929–1988), как мне позднее рассказывали, не раз говорил с укором своим деканам: «Съездите в Нижнеивкино и поучитесь, как нужно оформлять предметные кабинеты и организовывать работу в них». И как-то раз он сам лично действительно привёз их к нам в школу. Высокие гости обошли все кабинеты, теплицу, интернат, спортзал, спортплощадку и другие сооружения. Тут-то я и удостоился, пожалуй, самой большой похвалы в жизни. Когда они выходили из моего лингафонного кабинета, оснащённого югославским оборудованием фирмы «Никола Тесла», Патрушев негромко так сказал рядом стоящим деканам: «Учитель-то мальчишка мальчишкой, – а какой кабинет!». Спустя десять лет, будучи уже проректором института, я напомнил Василию Афанасьевичу об этой встрече.

Геннадия Ефимовичу суждено было пережить смерть старшей дочери. Последние годы он работал учителем изобразительного искусства. Он вообще хорошо рисовал, чертил; был талантлив во многих областях и многому мог научить детей. Особенно он любил возиться с техникой. Находясь на пенсии, он купил по дешевке, продававшийся на запчасти старый трактор, и поставил-таки его «на ноги». Именно через своего «железного коня» и принял смерть выдающийся педагог. Трактор хранился в сарае. Как-то в жаркий день мальчишки развели костер, который охватил постройки и, в том числе, этот самый сарай. Геннадия Ефимовичу едва удалось вывести трактор из огня, но самого его хватил удар, и 21 июня 2002 г. он скончался.

А как поживает Нижнеивкинская школа уже в новом веке? Как и чем живёт школа? Она, как и многие другие образовательные учреж-

дения, ищет различные пути реализации своих функций. На образовательную ситуацию большое влияние оказывает удачное расположение поселка на границе трёх районов, – Кумёнского, Оричевского и Верхошижемского. Положительным следствием этого является достаточная наполняемость классов (до 30 учеников), наличие параллелей. Анализ ситуации показывает, что стабильность в комплектовании школы сохранится и в дальнейшем. В школе обучаются 350 учащихся и 30 – в санаторной школе. Преподавание ведут 29 учителей, две трети из которых имеют высшую и первую квалификационные категории.

Школьные здания имеют тридцать учебных кабинетов, два спортивных зала, мастерскую по деревообработке, мастерскую по металлообработке, актовый зал, библиотеку, столовую на 120 посадочных мест. Территория школы разбита на следующие зоны: учебно-опытный участок, спортивная площадка, оснащённая гимнастическими снарядами, стадион с беговой дорожкой, цветники и хозяйственный блок, гаражи.

Развитие школы на современном этапе предполагает совершенствование структуры и содержания общего образования; поиск путей и создание условий для личностного роста учащегося, его подготовки к полноценному и эффективному участию в различных видах жизнедеятельности и информационном обществе; появление образа «нового учителя», открытого всему творческому, понимающего детскую психологию и особенности развития обучающихся; оптимизацию образовательного процесса с целью сохранения и укрепления здоровья детей; создание комфортных условий для обеспечения учебно-воспитательного процесса.

Основные положения проекта перспективного развития школы отражают эти приоритетные направления национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». В школе реализуется программа развития, рассчитанная на перспективу, в которой отслеживаются результаты работы образовательного учреждения согласно задачам по каждому из направлений. После того как ушел на пенсию в 1990 г. многолетний директор школы Г. Е. Заузолков, сменилось несколько директоров: Н. В. Крупин, В. И. Корепанов, А. О. Березин. В последние годы сформировалась сильная управленческая команда: директор Ирина Михайловна Чеснокова, заместители директора по учебно-методической работе Сергей Георгиевич Трушков и Людмила Владимировна Гют, заместитель директора по воспитательной работе Елена Александровна Серова.

В 2006 г. школа стала лауреатом конкурса «Лучшие школы Кировской области». Школа показывает стабильно высокие результаты деятельности, работает в режиме развития, является опытно-экспериментальной площадкой Российской академии образования по теме «Развитие методологической культуры учителя сельской школы в контексте перехода на стандарты нового поколения». Научные руководители инновационной площадки – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики бывшего ВятГГУ Ольга Геннадьевна Селиванова, сотрудник Института развития образования Нина Борисовна Сысолятина.

Учителя – активные участники профессиональных конкурсов различного уровня. Педагоги школы становились победителями и призерами учительских конкурсов различных уровней: это учитель биологии Л. В. Гют, педагог дополнительного образования Елена Николаевна Вязникова. Для создания в школе единого воспитательного пространства, главной ценностью которого является личность каждого ребенка, коллектив школы реализует подпрограмму «Одарённые дети».

Урочная и внеурочная деятельность в школе организованы как единый процесс, направленный на развитие творческих, познавательных способностей детей в различных аспектах: учебной, информационной, творческой, спортивной. Для этого в школе работают 20 кружков и студий, 7 спортивных секций и 15 курсов по выбору.

В силу специфики инфраструктуры поселка среди родителей учащихся немало медицинских работников. Не удивительно, что среди старшеклассников велик интерес к профессии родителей. Школа заключила договор с Вятским государственным медицинским университетом по довузовской подготовке учащихся. Все занятия проводятся на базе вуза в г. Кирове.

Школьники успешно выступают в конкурсах муниципального, областного и всероссийского уровней. Приведем несколько примеров. Денис Катаев, кандидат в мастера спорта по зимнему полиатлону, призёр международных соревнований по лыжным гонкам в эстафете среди юниоров, член сборной команды Кировской области, учился на спортфаке ВятГГУ. Андрей Смирнов, победитель всероссийской биологической олимпиады, проводившейся в Российской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, стал студентом МГУ им. М. В. Ломоносова. Тимофей Глухих, победитель всероссийской олимпиады по физике, поступил в МИФИ. Юлия Вязникова становилась победителем муниципального конкурса «Лидер

года» и участником регионального конкурса. На протяжении многих лет команда учащихся школы практически неизменно удерживает первое место в районной спартакиаде среди школьников.

Заслуженный учитель РФ, обладатель гранта Президента РФ Галина Александровна Корепанова в Нижнеивкинской школе работает более 20 лет. Вся её педагогическая деятельность, а это ни много ни мало 40 лет, прошла в Вятском крае. Она неоднократный победитель областных и районных профессиональных конкурсов учителей русского языка и литературы, в том числе предметно-методических олимпиад работников образовательных учреждений Кировской области и регионального конкурса мастер-классов, проходившего в рамках проекта «Педагогические инновации в гуманитарном филологическом образовании» в 2011–2012 учебном году. Педагог-новатор имеет стабильные высокие результаты обучения. Лучшие из её учеников ежегодно становятся победителями или призёрами районных олимпиад, интеллектуальных и исследовательских конкурсов всероссийского и регионального уровней. Особенно большое внимание она уделяет развитию учащихся среднего звена, мотивируя детей создавать творческие проекты, исследовательские работы. Средний балл результатов ЕГЭ по русскому языку выпускников этого учителя всегда выше областного на 12–15 баллов.

Каковы же составные достижения успеха нижеивкинского учителя? В последние годы коллектив, возглавляемый Г. А. Корепановой, работает над созданием условий для комплексного воздействия позитивных факторов, усиливающих влияние друг друга в процессе образования и становления субъектности ученика. Активно разрабатываются модели интерактивных уроков в режиме адаптивных технологий. Своими находками и инновационным опытом учителя делятся на областном и районном уровне. Г. А. Корепанова убеждена: любое взаимодействие учителя и ребёнка должно стать ситуацией приобретения компетенций, самовыражения, взаимного духовного обогащения и развития креативности.

XVI. НАСТАВНИКИ И КОЛЛЕГИ (В. И. КОСОЛАПОВ, В. Ф. САХАРОВ, М. И. СМЕРНОВ, М. Г. ЯНОВСКАЯ)

Одной из самых ярких личностей в КГПИ и вятском просвещении в 1950–1970-е гг. был Василий Иванович Косолапов. Он родился 19 декабря 1911 г. (1 января 1912 г.) в деревне Большие Косолаповы

Котельничского уезда Вятской губернии в многодетной крестьянской семье. В дружной семье вместе жили отец, мать, дед и бабушка, сёстры Александра (1908) и Нина (1924), и пятеро братьев – Николай (1905), Георгий (1908), Яков (1910), Иван (1921) и Василий [19, с. 172].

Отец и старшие братья занимались извозом: возили на своих четырёх лошадях почту и разные грузы (известь, зерно и др.) с пристани Котельнича. Был в хозяйстве ветряк. Собственная мельница! Не удивительно, что семья, считавшаяся зажиточной, подверглась при советской власти раскулачиванию, причём дважды. Хорошо ещё, что обошлось без высылки в Сибирь. Учли власти, что всё добро было отдано без малейшего возражения; кроме того, вся семья работала в местном колхозе под названием «Трактор». По-разному сложились судьбы братьев и сестер. Яков остался в родных местах: был председателем колхоза «День трактора» (такое название он получил после «укрупнения»), Александра трудилась звеньевой в том же колхозе. Георгий работал управляющим трестом во Владивостоке, Иван – инженером-радиолокатором в г. Николаеве. Нина стала учительницей математики в родном районе. Николай стал начальником цеха на металлургическом заводе в г. Молотове (Перми).

В 1929 г. Василий окончил школу II ступени с педагогическим уклоном, после чего в течение двух лет работал учителем начальных классов в школе деревни Екатерина, затем один год в Покровской школе крестьянской молодежи того же Котельничского района. Позднее он был направлен в г. Загорск на годичные педагогические курсы по подготовке учителей литературы, после окончания которых отправился в Чусовский район, к брату Николаю. Там он устроился учителем в Верхне-Калинскую школу-«семилетку». С 1936 г. он работал в ней директором. Затем ещё один год он трудился инспектором Чусовского горно. В 1938 г. с целью успешного окончания филфака Молотовского пединститута он перевёлся на очное отделение, и в 1939 г. получил диплом. Затем в течение года работал директором средней школы № 7 в г. Чусовой. В 1940 г. Василий Косолапов призывается в армию, где и встречает Великую Отечественную войну. Литва, Псков, Старая Русса, Можайск, оборона Москвы... Несколько тяжёлых ранений, контузия, и, наконец, 17 августа 1942 г. – демобилизация. Он возвращается в школу № 7 г. Чусовой, в 1946–1948 гг. работает инспектором школ Молотовского облоно.

В 1948–1949 гг. Косолапов проходит обучение на Высших педкурсах при Московском госпединституте, после чего получает на-

правление на работу в КГПИ. С этого времени жизнь Василия Ивановича неразрывно связана с Кировом. Работая на кафедре педагогики, он подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Воспитание советского патриотизма учащихся 8–10 классов средней школы в процессе внеклассной работы», которую защитил в 1954 г. В 1956 г. ему было присвоено учёное звание доцента [50, с. 77].

При этом одновременно Косолапов работал... директором средней школы № 16 г. Кирова. Как так могло получиться? Объясняется такое, прямо скажем, беспрецедентное совмещение тем, что местными властями было принято решение одну из школ сделать базовой школой пединститута. А ближе всех к учебному корпусу пединститута, как известно, именно средняя школа № 16. В период, когда директором школы № 16 был Косолапов, был принят закон о связи школы с жизнью и производством (1958 г.), провозглашён курс школы на политехнизацию. «Первой ласточкой» реализации этого курса и стала школа № 16. Она стала учебным цехом кировского завода «Физприбор» № 2 имени А. В. Луначарского. В те годы в г. Кирове было всего два школьных учебных цеха; ещё один цех был в средней школе № 32, установившей тесные связи с заводом «Сельмаш» усилиями замечательного директора школы Г. Н. Разумовского.

В школьных цехах дети изготавливали детали; получали не только первые трудовые навыки, но и определённую квалификацию. Дело В. И. Косолапова в дальнейшем продолжили замечательные директора средней школы № 16 Надежда Георгиевна Луценко и Владимир Николаевич Патрушев. В. И. Косолапов пользовался большим авторитетом в коллективе института. Его избирали председателем профкома института, ректором народного университета научно-педагогических знаний. С 24 июня 1971 г. он заведовал кафедрой педагогики и психологии. Как учёный он проявил себя изданием ряда книг, таких как «Диспуты и конференции в школе» (Киров, 1971; М., 1975), «Воспитание учащихся на примере жизни и деятельности В. И. Ленина» (Киров, 1973), «Сущность самовоспитания и его организация в школе и семье» (Киров, 1975).

В. И. Косолапов был неизменным участником различных педагогических дискуссий, смело вступал в спор с крупными авторитетами. Впрочем, он и сам был достаточно крупным научным авторитетом. По совокупности научных работ 25 июня 1976 г. ему было присвоено учёное звание профессора. Он работал над докторской диссертацией на тему «Проблема нравственного идеала в воспитании учащихся».

У Василия Ивановича была неповторимая, прямо таки артистическая, манера держать себя, вести беседу. В связи с этим вспоминаю студенческие годы (1970–1975 гг.). Теснота в учебном корпусе – в те годы единственным! – была невероятная. Нередко две–три группы инфака одновременно проводили занятия в кабинете ректора. Зачастую бывало так, что целая учебная группа в 12–15 человек с преподавателем усаживалась в лингафонную кабинку, рассчитанную на ... одного человека. Иногда студенты вваливались толпой и на кафедру педагогики и психологии и занимались там: переписывали методички и т. д. И вот на кафедру стремительно, как метеор, влетает В. И. Косолапов. И начинается что-то вроде представления. Вот он берёт трубку телефона, говорит кому-то: «С Вами говорит Косолапов. Вы это чувствуете? Чувствуете ли Вы, кто с Вами говорит, спрашиваю я Вас? Вы это еще не чувствуете?». Мы, студенты, сидим, ни живы – ни мертвы, прямо-таки вжимаемся в столы от страха, хотя эта «тирада» и относится вовсе не к нам. Более того, он у нас *«ничего не вёл»*. И всё равно боимся!

В последний раз я видел В. И. Косолапова в 1976 г. на традиционном августовском совещании учителей Куменского района. Я в то время был учителем Нижнеивкинской школы. Косолапов был приглашён как докладчик вместе с директором средней школы № 29 Г. А. Осетровой. Галина Александровна своё выступление посвятила рассказу о XXV съезде КПСС, делегатом которого она была. В. И. Косолапова заведующий районным отделом народного образования Серафим Яковлевич Мезрин поздравил с присвоением учёного звания профессора. Новоиспечённый профессор казался очень счастливым. Ещё бы, зарплата профессора, пусть и кандидата наук плюс доплата за заведование кафедрой составляла 500 рублей! Точно такая же, как у первого секретаря областного комитета КПСС, руководителя целого региона...

Но уже через несколько месяцев тяжёлая болезнь свела в могилу и Г. А. Осетрову, и В. И. Косолапова. В. И. Косолапов скончался 23 апреля 1977 г. Вспоминаю, как пять лет спустя встречались кафедрой на его квартире. За неделю до Первомая была жуткая выюга, снега по колено...

Важнейшим методом воспитания, как известно, является метод примера. Положительный пример близкого человека, учителя оказывает исключительно важное влияние на становление личности любого человека. Нам хотелось бы воздать должное человеку, который

оказал немалое влияние на судьбы многих своих коллег, является примером для подражания. Речь пойдёт о В. Ф. Сахарове. Василий Фёдорович Сахаров родился 22 октября 1920 г. в деревне Деревеньки, ныне Боровского района Калужской области в крестьянской семье [60, с. 396].

По окончании семилетней школы и педагогического техникума он поступил в 1938 г. в Калининский педагогический институт имени М. И. Калинина, однако учёбу прервала Великая Отечественная война. В 1941 г. В. Ф. Сахаров был призван в ряды Красной Армии. Пройдя соответствующую подготовку, он получил назначение на должность инструктора-летчика в авиационной школе имени В. П. Чкалова в г. Борисоглебске Воронежской области. По всей вероятности, при этом назначении руководители школы учли уже проявившиеся в те годы педагогические способности молодого выпускника. В. Ф. Сахаров был награждён шестью медалями, в том числе медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [26, с. 10].

После демобилизации в 1946 году В. Ф. Сахаров работал учителем русского языка и литературы и директором Тишинской семилетней школы Калужской области. В 1947–1949 гг. он завершил заочно обучение в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской. В 1950 г. был выдвинут на должность заведующего Боровским районным отделом народного образования, а затем стал заместителем заведующего Калужским облоно. С 1954 г. В. Ф. Сахаров снова работал заведующим РОНО, потом директором Абрамовской средней школы Калужской области [25, с. 126–127].

С годами В. Ф. Сахарова всё больше привлекала наука. Ему хотелось теоретически обобщить свой становившийся всё более значительным практический опыт. В 1961–1964 гг. он учился в аспирантуре Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской, подготовил и успешно защитил в 1964 г. диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук на тему «Интерес учащихся к профессиям и его воспитание в сельской школе». По окончании аспирантуры В. Ф. Сахаров получил направление на работу в Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, где и неизменно работал с осени 1965 г. на кафедре педагогики и психологии (в 1984 г. от кафедры педагогики отделилась кафедра психологии). Впоследствии он с неизменной теплотой вспоминал своих бывших коллег – преподавателей кафедры: Т. Б. Храбрикову, В. И. Косолапова, Б. В. Леготина, Д. М. Сони-

на, В. М. Забабурову, З. И. Крошихину, Г. А. Созинову, Н. М. Капустину, Н. А. Корневу, И. С. Ершова, В. С. Якимову, Л. И. Новикову, А. Е. Ситникову, В. Н. Гоголева, А. А. Лебедева, М. И. Смирнова, А. Е. Епифанова и др.

В 1967 г. В. Ф. Сахарову было присвоено учёное звание доцента. В 1977 г., после смерти заведующего кафедрой профессора В. И. Косолапова, В. Ф. Сахаров возглавил кафедру. Время его заведования кафедрой (1977–1988) вобрало в себя сложные и многообразные периоды в истории страны и системы образования: «застой», «реформу школы», движение педагогов-новаторов, «перестройку»... Все эти непростые и неоднозначные процессы требовали научно-педагогического осмысления, выработки соответствующих рекомендаций в адрес педагогов-практиков и студентов, и кафедра педагогики неизменно оставалась ведущей кафедрой вуза, главным генератором идей в деле совершенствования образования в Кировской области.

Как заведующий кафедрой В. Ф. Сахаров много внимания уделял подбору преподавательских кадров. От возглавлявшейся им кафедры «отпочковывались» кафедры психологии, основ научного управления школой, педагогики начального обучения, и даже целый факультет начальных классов. С кафедры постоянно уходили люди, как правило, в наиболее работоспособном возрасте, но при этом уходили не «в никуда», а, так сказать, на повышение, в том числе – в деканы (Н. Г. Колотилова, Л. И. Новикова, Г. И. Русинова) и проректоры (В. Б. Помелов). При этом кафедра, благодаря усилиям В. Ф. Сахарова, быстро восстанавливала свой научный и преподавательский потенциал [37].

Помимо заведования кафедрой в 1970–1980-е гг. на общественных началах В. Ф. Сахаров успешно руководил народным Университетом научно-педагогических знаний, являлся членом научно-методического совета при областном управлении профессионально технического образования, был руководителем секции по профориентации учащихся при областном отделении Педагогического общества РСФСР. Как народный депутат Кировского городского совета депутатов трудящихся он возглавлял комиссию по народному образованию.

Автор был коллегой В. Ф. Сахарова на протяжении тридцати лет. Помнится, жарким июльским днем «олимпийского» 1980 г. я пришёл «на разведку» в КГПИ насчёт трудоустройства. Однако на интересовавшем меня факультете никого не оказалось. Прямо в коридоре меня приметил В. Ф. Сахаров. Мы познакомились, и он пред-

ложил мне место на кафедре педагогики, где я и не планировал работать. Помню, во многом его подкупило то обстоятельство, что я несколько лет работал в Нижнеивкинской школе, которая тогда, и не без оснований, считалась едва ли не лучшей сельской школой страны. В течение года я, можно сказать, готовился к тому, чтобы перейти на работу в институт: несколько раз выступал на научных конференциях, читал рекомендованную литературу, готовил реферат. Поступив на работу в родной институт в октябре 1981 г., я выполнял обязанности заведующего созданной В. Ф. Сахаровым на кафедре педагогики лаборатории профессиональной ориентации и профессионального отбора. В рамках этой лаборатории был создан так называемый факультет будущего учителя, а заведующий лабораторией был его деканом. Лаборатория ставила своей целью привлечение на учебу в пединститут абитуриентов, стремящихся к получению педагогического образования. Поэтому на каждом факультете для абитуриентов выпускались специальные методические пособия с контрольными заданиями. В работу со школьниками области были вовлечены десятки преподавателей, а количество самих учащихся, проходивших подготовку на «факультете будущего учителя» измерялось тысячами. Каждое воскресенье проходили встречи с потенциальными абитуриентами: для них читались лекции, проводились консультации. Такая лаборатория была единственной в СССР. Опыт её работы изучался и пропагандировался по всей стране.

17 июня 1985 г. в диссертационном совете научно-исследовательского института трудового обучения и профессиональной ориентации Академии педагогических наук СССР В. Ф. Сахаров успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Педагогические основы системы профориентации учащихся средней школы». Данная проблема давно интересовала В. Ф. Сахарова. В рамках её им был выпущен ряд ценных книг. Среди них: «Профессиональные интересы Кировских школьников» (Киров, 1975), «Система профессиональной ориентации учащихся средних школ» (Киров, 1977), «Воспитание будущих земледельцев» (Киров, 1986), «Школа в пути» (Киров, 1992). Особенно значимым событием был выход монографии «Профессиональная ориентация школьников» (Москва, 1982), написанная в творческом содружестве с учёным из г. Кургана Александром Дмитриевичем Сазоновым. В. Ф. Сахарову принадлежит авторство наиболее существенных глав этой книги. В ней в обобщающей форме им представлена модель профориентационной работы в нашей стране.

Защита В. Ф. Сахаровым докторской диссертации – кстати, это была первая защита докторской диссертации по общей педагогике за всю историю института – и присвоение ему учёного звания профессора в 1986 г. стали значительными событиями в жизни института: ведь в начале 1980-х гг. на весь Кировский пединститут было всего два доктора наук. Сам факт наличия на кафедре педагогики двух докторов наук по общей педагогике (В. Ф. Сахаров и М. Г. Яновская) и двух докторов наук по методике преподавания физики (Ю. А. Сауров и В. В. Мултановский) дал основание в начале 1990-х гг. открыть аспирантуру, а в 1995 г. – и кандидатский совет по защите диссертаций по этим двум специальностям, в котором В. Ф. Сахаров был заместителем председателя. Это был первый диссертационный совет в истории нашего вуза. Со временем он стал докторским советом.

Всего состоялось 208 защит диссертаций. И думаю, если бы В. Ф. Сахаров не был в своё время доктором наук, десятки этих кандидатов и докторов просто не стали бы обладателями учёных степеней, не получили бы возможность стать доцентами и профессорами, не смогли бы сделать вузовскую карьеру; ведь учиться в аспирантуре и докторантуре в Москве и Санкт-Петербурге и организовывать защиту куда как сложнее (и дороже!), нежели в родном городе, в своем вузе. В качестве научного руководителя Сахаров подготовил 10 кандидатов наук. Это М. Н. Бородатая, А. А. Хохлов, И. Г. Завойчинская, Н. Г. Колотилова, С. С. Быкова, Р. Г. Сабирова, О. А. Говорова, Е. А. Кувалдина, М. П. Кибардина, С. А. Окунева.

В последние годы В. Ф. Сахаров работал профессором кафедры педагогики педагогического факультета ВятГГУ. Он активно занимался научной деятельностью. За заслуги в деле воспитания и обучения подрастающего поколения В. Ф. Сахаров награждён медалью «Ветеран труда», значками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР», «Отличник высшей школы СССР», знаком «Почётный работник высшей школы РФ», почётным знаком «Заслуженный работник ВятГГУ».

В. Ф. Сахаров был патриархом целой династии педагогов. Его дочь Лариса Васильевна Мясникова – учитель иностранных языков с многолетним стажем работы; старший сын Александр – кандидат педагогических наук; младший сын Евгений – кандидат технических наук. Внучка В. Ф. Сахарова Елена Юрьевна Мясникова и его внук Василий Александрович Сахаров прошли обучение в аспирантуре на кафедре педагогики ВятГГУ и стали кандидатами наук. Жена В. А. Са-

харова Людмила Геннадьевна и её брат Алексей Геннадьевич Поляков – кандидаты исторических наук. Зять В. Ф. Сахарова Юрий Алексеевич Мясников (1941–1995) долгие годы возглавлял школу-интернат № 6 г. Кирова.

В памяти своих многочисленных коллег и благодарных учеников Василий Федорович Сахаров останется замечательным руководителем, компетентным преподавателем, образцом научного работника, удивительно мудрым, отзывчивым и добрым человеком. В. Ф. Сахаров прожил длинную, наполненную плодотворным трудом жизнь. Он скончался 8 мая 2010 г.

Ещё совсем недавно трудно было найти в нашем крае педагога, не слышавшего вдохновенных, захватывающих по форме и глубоких по содержанию лекций Михаила Израилевича Смирнова, замечательного пропагандиста психолого-педагогических знаний.

М. И. Смирнов родился 25 марта 1920 г. в г. Одессе. В 1938–1942 гг. он учился на истфаке Уральского госуниверситета (г. Свердловск), после окончания которого до конца войны работал по распределению в выездной редакции газеты «Правда» «Всё для фронта» и в газете «Знамя» [50, с. 78]. В 1946–1949 гг. он учился в аспирантуре на философском факультете МГУ. В 1949 г. стал кандидатом педагогических наук (по психологии). В 1992 г. ему было присвоено учёное звание профессора [61, с. 414].

М. И. Смирнов был автором одной из первых диссертаций по творчеству А. С. Макаренко. Писалась она в те годы, когда ещё не были изданы очень многие произведения замечательного педагога, не было собраний его сочинений. Так что аспиранту Смирнову приходилось работать не только в библиотеке, но и на квартире Антона Семеновича в Лаврушинском переулке, в знаменитом «писательском» доме, впоследствии сплошь увешанном мемориальными досками. Ныне, кстати, все они сняты. Вдова Макаренко Галина Стахиевна (Евстафьевна) Салько (Макаренко) бережно хранила рукописи своего мужа и, прекрасно понимая необходимость изучения и популяризации его работ, разрешала аспирантам пользоваться ими, но только под своим присмотром. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. роль М. И. Смирнова в осмыслении творческого наследия А. С. Макаренко была очень значительна [37].

М. И. Смирнов был аспирантом великого психолога С. Л. Рубинштейна, главный труд которого «Основы общей психологии» признан международным психологическим сообществом лучшей

книгой по психологии в XX в. В 1949 г. С. Л. Рубинштейн попал в опалу в связи с кампанией по борьбе с «безродными космополитами», видными деятелями культуры, науки и медицины, которым «не повезло» тем, что они были евреями и которые никак не хотели отказываться от культуры, языка и обычаев своего народа, считали себя, как верные сыны своего народа, именно евреями. Сергей Леонидович был уволен со всех постов, и в течение одиннадцати лет, до самой своей смерти в 1960 г. был лишён возможности работать. Книги его перестали печататься.

Вспоминаю, как в 1984 г. мне с большими пререканиями и после неоднократных отказов выдали на руки для прочтения и срочного возврата единственный (!) сохранявшийся в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве экземпляр «Общей психологии» Рубинштейна. В каком он был ужасном состоянии! Создавалось впечатление, что книгу специально обрабатывали в какой-то молотилке. Впрочем, может быть, это было от того, что переплётчики никак не могли её «ухватить» из-за постоянного на неё спроса со стороны читателей. Даже *заказать* эту книгу в библиотеке в те годы (1982—1985) было своего рода *поступком*!

Упоминалось на печально известной сессии Академии наук СССР имя и М. И. Смирнова в связи со следующими обстоятельствами. Одним из обвинений в адрес Рубинштейна было то, что он якобы «не давал ходу молодёжи». Оправдываясь, Сергей Леонидович в качестве примера назвал фамилию Смирнова, что только подлило «масла в огонь»: ведь называя фамилию, он был вынужден назвать и его *отчество*. Поэтому самым правильным решением для молодого кандидата наук в то время был переезд на периферию, в город Киров. Спустя многие годы я как-то спросил Михаила Израилевича, почему он отказывается написать в редактировавшиеся в то время мной сборники научных статей воспоминания о Рубинштейне, фигуре мирового значения. М. И. Смирнов даже спросил у меня, откуда я знаю, что его руководителем был именно Рубинштейн. Ведь он никому из коллег об этом не рассказывал. И, конечно, никаких воспоминаний он не написал.

С 1949 г. вплоть до самой смерти, последовавшей 22 февраля 2001 г., М. И. Смирнов неизменно работал в КГПИ. Им было написано около 200 статей, методических рекомендаций, ряд книг, среди них выделяется «Воспитание коллективиста в труде». Его имя как автора встречалось в самых неожиданных местах, вплоть до заметок в

некогда популярных отрывных календарях. Разумеется, маститый профессор не писал специально для календарей, просто их составители брали из работ Смирнова понравившиеся им мысли и примеры, и вставляли их в свои «отрывники». Но всё-таки это был, прежде всего, тип профессора-рассказчика. Именно как рассказчик он был особенно силен. О чём бы он ни говорил, в том числе и в бытовой обстановке, речь у него всегда лилась как-то по-особенному сочно, «вкусно», хотелось его слушать и слушать... В моей памяти он стоит где-то рядом с И. Л. Андрониковым, В. Б. Шкловским, Ю. М. Лотманом. Конечно, я не ставлю М. И. Смирнова в один ряд с этими всемирно известными людьми, просто я имею в виду тип личности, тип профессионала. Сам М. И. Смирнов неоднократно и с большой признательностью отзывался о П. П. Распопове, называл его своим предшественником на кафедре.

М. И. Смирнов отличался неповторимым, поистине одесским чувством юмора. Не могу не привести некоторых примечательных случаев из нашей совместной работы. Как-то мы с Михаилом Израилевичем принимали государственный экзамен у заочников: я – как преподаватель педагогики, он – как психолог. Отвечая на вопрос о влиянии социальных и биологических факторов на развитие личности, одна студентка, плохо знавшая материал, смутилась и замолчала. Желая помочь ей, и «навести на мысль», М. И. Смирнов в своей неповторимой манере стал «помогать» ей: «Деточка, покажите свой указательный пальчик. Покажите, покажите... Так, хорошо. А сейчас укажите им, этим вашим пальчиком, где у вас – социальное, а где – биологическое». Сорокалетняя «деточка» нерешительно начинает показывать, где у ней *социальное* (показывает на голову), затем указывает на *биологическое* (а это всё, что ниже головы). Тут я, с притворно испуганным видом, обращаюсь к вконец смутившейся тёте, и «шепчу» ей: «Не показывайте на себе; это дурная примета. Раз Михаил Израилевич спрашивает, на нём и показывайте...» Студенты потом долго смеялись, вспоминая этот эпизод.

И ещё один случай. В начале 1970-х гг. автор этой монографии, будучи студентом, сдавал экзамен по психологии М. И. Смирнову. В билете был вопрос «Типы коллективов». Я был отличником и, естественно, по любимому предмету рассчитывал только на «отлично». А надо сказать, что Михаил Израилевич был довольно-таки скуп на высокую отметку. Для того чтобы её получить, надо его было чем-то поразить, удивить. Я припомнил юмористический рассказ, который

слышал по радио. Речь в нём шла о группе людей, которые ехали на автобусе. Вдруг автобус сломался, водитель не может его завести, все возмущены. Находятся активные люди, которые «берут инициативу в свои руки»: организуют собрание, формируют «актив», составляют петицию... Тем временем, водитель справляется с поломкой, и благополучно привозит пассажиров по месту назначения. Все, естественно, выходят из автобуса. Однако «избранному народом» председателю не хочется лишаться своих «полномочий»; он призывает всех остаться; ведь «собрание еще не окончено»... Когда я пересказал эту историю «в лицах» на экзамене, преподаватель был откровенно доволен. Михаил Израилевич от души посмеялся и сказал, что непременно будет использовать этот рассказ в своих лекциях. Впоследствии мне не раз студенты уже других поколений рассказывали, что слышали эту историю от М. И. Смирнова, и именно так, – «в лицах»! Что касается меня, то я, как преподаватель, как «рассказчик», считаю себя учеником именно М. И. Смирнова.

Осенью 1991 г. радостная и давно ожидаемая весть пришла из Санкт-Петербурга: доцент кафедры педагогики Мая Григорьевна Яновская успешно защитила докторскую диссертацию.

М. Г. Яновская прошла большой жизненный и научно-преподавательский путь (21.08.1929–24.03.2016). Она родилась в г. Пскове, в семье военнослужащего. В 1944 г. окончила школу-«семилетку» в г. Минске. В 1945–1948 гг. училась в Петропавловском педучилище, потом работала учителем начальных классов. Продолжила образование на педагогическом факультете Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена, где получила специальность учителя начальных классов. Несколько лет работала преподавателем педагогики в педучилище г. Смоленска. Затем учёба в аспирантуре «альма-матер» (1958–1961). Одновременно в 1960–1961 гг. работала воспитателем школы-интерната № 15 г. Ленинграда. В 1961 г. М. Г. Яновская пришла на работу в КГПИ [70, с. 530]. В 1964–1971 гг. вела преподавательскую работу в пединституте Южно-Сахалинска, а с 1971 г. неизменно до самой смерти работала в КГПИ (ВГПУ, ВятГГУ).

Автор этих строк и моя дочь в своё время были студентами Май Григорьевны в бытность студентами факультета иностранных языков. Для М. Г. Яновской характерной чертой как преподавателя была влюблённость в науку – качество, которое она стремилась привить своим ученикам, студентам и аспирантам. Многие годы она возглавляла проблемную лабораторию «Эмоциональное стимулирование в

процессе нравственного воспитания». Заметным событием в педагогической литературе стал выход в свет издательстве «Просвещение» её книг «Творческая игра в воспитании младшего школьника» (1974), и «Эмоциональные аспекты нравственного воспитания» (1986). На эту же тему была её кандидатская диссертация «Творческая игра как средство нравственного воспитания младшего школьника» (1968). Многие десятки статей, брошюры по различным вопросам воспитания детей и подростков... [50, с. 78].

Считается, что успех любого дела процентов на 70 зависит от разумного эмоционального настроя его исполнителей. Основным направлением научной деятельности М. Г. Яновской как раз и является на протяжении многих лет проблема эмоционального стимулирования. А завершающим этапом значительного по содержанию и охвату эксперимента и стала защита докторской диссертации. Событие это тем более значительно, если принять во внимание тот факт, что М. Г. Яновская – первая женщина-доктор наук в истории КГПИ (ВГПУ, ВятГГУ). Это, впрочем, неудивительно: по данным высшей аттестационной комиссии женщин среди докторов наук примерно 10%. Тем значительней достижение нашей коллеги.

Имена В. Ф. Сахарова, В. И. Косолапова, М. И. Смирнова, М. Г. Яновской известны в нашей стране учёным-педагогам и многим учителям. Завоевать признание коллег и учеников, получить широкую известность, хотя бы и в рамках своей конкретной науки, непросто. На такое признание могут рассчитывать лишь те, кто сказал своё, достаточно веское слово в науке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей монография является пятым томом авторской серии «Просвещение на Вятке». В каждом томе автор стремился дать характеристику той или иной стороны проблемы, заключающейся в показе того, как на протяжении столетий осуществлялся процесс развития образования в одном из регионов российского государства – на Вятской Земле (в Вятской провинции, Вятской губернии, Кировской области).

В первом томе серии нами показана картина того, как происходил процесс просвещения коренных вятских народов – татар, удмуртов, марийцев в XIX – начале XX вв. Во втором томе автор, в соответствии с выделенными им этапами развития регионального образования, раскрыл содержание этих этапов: просветительского, церковного, государственного, взяв в качестве исторического периода XIV – начало XX вв. В третьем томе главное внимание уделено показу многогранной деятельности вятских просветителей и педагогов-методистов, а также тех деятелей культуры и образования, которые, подчас не по своей воле, провели ряд лет в Вятской губернии в XIX – начале XX вв. В четвёртом томе нами показана деятельность руководителей первого на Вятской земле вуза – Вятского учительского института (Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина). И, наконец, в пятом томе серии автором освещена деятельность крупных деятелей педагогической и психологической науки, которые жили и работали в Вятском крае или имели к нему отношение.

Автор отчётливо осознаёт, что не все аспекты проблемы «Просвещение на Вятке» нашли в этих пяти монографиях полное и адекватное раскрытие. В этой связи хотелось бы напомнить читателям, что автором написано и опубликовано на тему истории педагогики и образования около 500 публикаций, среди которых вятская тематика занимает преобладающее место.

В 2018 г. в московском издательстве «Вече» вышла наша книга «100 великих педагогов», и почётное место в ней занимают главы о вятских педагогах, таких как Стефан Пермский, Лаврентий Горка, Ф. М. Керенский, С. А. Нурминский, Ф. Ф. Павленков, Г. Е. Верещагин, К. А. Андреев, братья Габдулла и Губайдулла Нигматуллины-Бобинские и их сестра Мухлиса, И. С. Михеев, Н. Н. Блинов, В. И. Фармаковский, Б. П. Есипов, Л. А. Цветков, В. Г. Разумовский.

В 2012–2013 гг. вышло электронное издание В. Б. Помелова «Поиски утраченного» (1 том – «Российские педагоги», 2 том – «История Вятского образования», 3 том – «Педагогика и психология»). 2 том этой серии составил около 1200 страниц, и полностью посвящён истории образования «на Вятке» в XIV–XXI вв.

Статьи автора этой монографии публиковались, в общей сложности, более чем в тридцати журналах, в том числе за рубежом, а также в «Российской педагогической энциклопедии» и «Вятской энциклопедии», в «Российском педагогическом энциклопедическом словаре», в зарубежных сборниках и журналах, других изданиях. Для того чтобы заинтересованный читатель мог ориентироваться в нашем научном творчестве нами планируется издание библиографического указателя научных трудов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Интерес к Макаренко будет расти // Народное образование. 1990. № 5. С. 118–128.
2. Бехтерев В. М. Основные задачи рефлексологии физического труда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1919. № 1. С. 7–14.
3. Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004 / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров : Изд-во ВГПУ, 2004. 304 с.
4. Загайнов Р. М. Поражение. М. : Изд-во «Прогресс», 1993. 260 с.
5. Иванова Р. Г. Цветков Леонид Александрович // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 1999. Т. 2. С. 553–554.
6. Кислинский В. Подробности войны // Вятский край. – 1993. – 9 января.
7. Колодкина О. О. Вклад В. А. Вагнера в развитие разных отраслей психологии: дисс. ... канд. псих. наук. М., 2011. 176 с.
8. Ладыгина-Котс Н. Н. Биографическая справка // Войтонис Н. Ю. Предыстория интеллекта. М. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–7.
9. Марцинковская Т. Д. История психологии. М. : Изд-во «ACADEMIA», 2001. 544 с.
10. Моносзон Э. И. Педагогика фашистских варваров // Советская педагогика. 1941. № 10. С. 7–12.
11. Мясищев В. Н. В. М. Бехтерев – замечательный ученый, врач, педагог, общественный деятель. Киров : Кировское книжное издательство, 1956. 56 с.
12. Петровский А. В. История советской психологии. М. : Изд-во «Просвещение», 1967. 366 с.
13. Петряев Е. Д. Литературные находки. Киров : Кировское книжное изд-во, 1981. 288 с.
14. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 2002. 528 с.
15. Помелов В. Б. А. Ц. Пуни – основатель спортивной психологии // Герценка : Вятские записки: научно-популярный альманах : вып. 15 / редкол. : Н. П. Гурьянова (отв. ред.). Киров : ИД «Герценка», 2009. С. 192–198.
16. Помелов В. Б. Без вятских нет педагогики! // Герценка: Вятские записки: научно-популярный альманах : вып. 30 / редкол. : Н. П. Гурьянова (отв. ред.). Киров : ИД «Герценка», 2016. С. 87–101.
17. Помелов В. Б. Борис Петрович Есипов – человек и учёный // Десятые юбилейные Есиповские чтения : школьный учитель в поли-

этническом регионе – гражданин, предметник, наставник / науч. ред. А. А. Мирошниченко. Глазов : Изд-во ГГПИ, 2019. С. 188–213.

18. Помелов В. Б. Б. П. Есипов – крупный учёный-педагог // Вятская Земля в прошлом и настоящем: мат-лы рег. научн. конф. / ред. Е. И. Кирюхина. Киров : Изд-во КГПИ, 1989. С. 202–204.

19. Помелов В. Б. В. И. Косолапов: личность яркая и светлая // Город на Вятке : история, культура, люди (К 640-летию города Хлынова – Вятки – Кирова): мат-лы Всерос. научн. конф. Киров, 4-5 июня 2014 г.) : отв. ред. М. С. Судовиков. Киров : ИД «Герценка», 2014. С. 172–176.

20. Помелов В. Б. Вклад В. М. Бехтерева в отечественную педагогику и психологию // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 3. С. 117–124.

21. Помелов В. Б. В. М. Бехтерев – гордость отечественной науки (К 160-летию со дня рождения учёного) // Вопросы педагогики. 2017. № 11. С. 67–75.

22. Помелов В. Б. В. С. Серебренников – первый вятский учёный-психолог, библиограф Герценки // Материалы Всерос. научно-практ. конф. / М. С. Судовиков (сост.) [и др.]. Киров, 2019. С. 97–102.

23. Помелов В. Б. Выдающийся литературовед Б. А. Бялик // Символ науки. 2017. № 4. Ч. 3. С. 79–84.

24. Помелов В. Б. Выдающийся отечественный дидакт Б. П. Есипов // Историко-педагогический журнал. 2016. № 3. С. 114–130.

25. Помелов В. Б. В. Ф. Сахаров как учёный и педагог // Молодёжь Кировской области : мат-лы II межрег. научно-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Поляков, Л. Г. Сахарова. Киров : ООО «Лобань», 2010. С. 126–129.

26. Помелов В. Б. В. Ф. Сахаров – учёный, педагог и гражданин // Твоё призвание : мат-лы первого межрег. конкурса научно-практ. работ, посвящ. памяти д-ра пед. наук, проф. В. Ф. Сахарова. 24 мая 2013 г. / отв. ред.: В. А. Сахаров и Л. Г. Сахарова. Киров : ООО «Лобань», 2013. С. 9–12.

27. Помелов В. Б. Выдающиеся деятели педагогической науки Г. Н. Волков, Л. А. Цветков, Г. Н. Разумовский // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 3. С. 46–51.

28. Помелов В. Б. Выдающийся уроженец удмуртской земли Б. П. Есипов // Классический университе : история и современность: мат-лы всерос. с межд. участием научно-практ. конф., посвящ. 85-летию Удмуртского гос. ун-та (Ижевск, 3–4 февраля 2016 г.) / отв. ред.

и сост.: В. В. Пузанов и Д. В. Репников. Ижевск : Изд-во УдГУ, 2016. С. 253–261.

29. Помелов В. Б. Выдающийся отечественный ученый А. Ц. Пуни – основоположник спортивной психологии // Вопросы педагогики. 2018. № 1. С. 70–73.

30. Помелов В. Б. Вятский уроженец А. Ц. Пуни – основатель спортивной психологии (к 110-летию со дня рождения) // Развитие основных направлений педагогической науки XX века : в 2 ч. / ред. М. В. Богуславский. М. : Изд-во ИТИП, 2009. Ч. 1. С. 123–128.

31. Помелов В. Б. Вятский уроженец – выдающийся психолог Е. А. Климов // Десятые Петряевские Чтения: мат-лы Всерос. научн. конф. / ред. кол. : С. Н. Будашкина [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2010. С. 308–311.

32. Помелов, В. Б. Вятский уроженец – основатель спортивной психологии (К 100-летию со дня рождения А. Ц. Пуни) // Актуальные проблемы дошкольного и начального образования и подготовки специалистов: мат-лы Всерос. заочной пед. конф. : вып. 3 / под ред. Л. Н. Вахрушевой, С. В. Савиновой. Киров : Изд-во ВГПУ, 2009. С. 44–51.

33. Помелов, В. Б. Вятский уроженец А. Ц. Пуни – основоположник спортивной психологии // Символ науки. 2017. № 1. Ч. 2. С. 208–212.

34. Помелов, В. Б. Е. А. Климов: вятский уроженец, видный отечественный психолог // Символ науки. 2016. № 12. Ч. 3. С. 222–225.

35. Помелов, В. Б. Имя в педагогике (о Н. С. Сунцове) // Вятская Земля в прошлом и настоящем : в 2 т. : материалы 2-й рег. научной конференции / отв. ред. Е. И. Кирюхина. Киров : Изд-во КГПИ, 1992. Т. 1. С. 520–522.

36. Помелов В. Б. И. Т. Огородников – уроженец Вятского края // Проблемы подготовки учителя: история и современность : в 3 т.: мат-лы Всерос. научн. конф. / ред. В. А. Сластенин, А. Е. Дмитриев, Н. Н. Рощина, Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во МПГУ, 2000. Т. 1. С. 29–33.

37. Помелов В. Б. История Вятского образования: XIV–XXI вв. : монография [Электронный ресурс – CD-ROM]. Киров : Изд-во «РАДУГА-Пресс», 2013. 1184 с.

38. Помелов В. Б. И. Т. Огородников – уроженец Вятского края // Вестник Вятского государственного педагогического университета. 2000. № 3–4. С. 196–198.

39. Помелов В. Б. Климов Евгений Александрович // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Том 6. Знатные люди. С. 193.

40. Помелов В. Б. Максим Коробейников – новое имя в литературе // История и культура Волго-Вятского края: мат-лы рег. научн. конф. : отв. ред. В. В. Низов. Киров : Изд-во КГПИ, 1994. С. 360–362.
41. Помелов В. Б. Когда победы были большими... Очерки о вятских футболистах. Киров : ИД «Герценка», 2018. 80 с.
42. Помелов В. Б. Литературовед Б. А. Бялик – студент Вятского пединститута // Проблемы вузовской и школьной педагогики : тезисы докладов рег. научно-практ. конф. «Пятые Есиповские Чтения» / под ред. Л. А. Штыковой. Глазов : Изд-во ГГПИ, 2003. С. 17–18.
43. Помелов В. Б. Моносзон Эле Исаевич // Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Том 6. Знатные люди. С. 291.
44. Помелов В. Б. М. П. Коробейников: воин, ученый, писатель // Символ науки. 2017. № 2. Ч. 1. С. 195–200.
45. Помелов В. Б. Народное образование в Вятской губернии (Кировской области) в 1917–1999 годах // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1999. Т. 9. Культура. Искусство. С. 57–147.
46. Помелов В. Б. Недолгий век отечественной педологии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 89–96.
47. Помелов В. Б. Огородников Иван Трофимович // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 1999. Т. 2. С. 77.
48. Помелов В. Б. Огородников Иван Трофимович // Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 2002. С. 389.
49. Помелов В. Б. Огородников Иван Трофимович // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 317.
50. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров : Изд-во «Информцентр», 1993. 84 с.
51. Помелов В. Б. Поэты улицы: творчество вятских беспризорников // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2016 год : информ.-статист. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. / Н. И. Зорин (сост.) [и др.]. Киров, 2015. С. 305–318.
52. Помелов В. Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета. 2018. №4. С. 94–103.
53. Помелов В. Б. Психолог Е. А. Климов // История и культура Волго-Вятского края : в 2 т.: мат-лы рег. научн. конф. / ред. В. В. Низов. Киров: Изд-во КГПИ, 1994. Т. 1. С. 234–237.

54. Помелов В. Б. Пуни Авксентий Цезаревич // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 1999. Т. 2. С. 233.
55. Помелов В. Б. Пуни Авксений Цезаревич // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Том 6. Знатные люди. С. 361.
56. Помелов В. Б. Путь в науку начинался в Вятке // Спутник агитатора. 1989. № 2. С. 24–27.
57. Помелов В. Б. Путь в педагогику начинался на Вятке // Герценка : Вятские записки : научно-популярный альманах : вып. 14 / Н. П. Гурьянова (отв. ред.). Киров: ИД «Герценка», 2009. С. 100–112.
58. Помелов В. Б. Разумовский Василий Григорьевич // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 1999. Т. 2. С. 246.
59. Помелов В. Б. Разумовский Василий Григорьевич // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 365.
60. Помелов В. Б. Сахаров Василий Федорович // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 396.
61. Помелов В. Б. Смирнов Михаил Израилевич // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 414.
62. Помелов В. Б. 100 великих педагогов. М. : Изд-во «Вече», 2018. 416 с.
63. Помелов В. Б. Сунцов Николай Степанович // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 429–430.
64. Помелов В. Б. Феномен Нижнеивкинской школы: вчера и сегодня // Педагогическое искусство. 2017. № 2. С. 125–131.
65. Помелов В. Б. Школьные коммуны и школьные городки в 1920-е гг.: к 100-летию создания // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С. 66–80.
66. Помелов В. Б. Учёный-педагог Б. П. Есипов – уроженец Вятского края // Герценка : Вятские записки : научно-популярный альманах : вып. 28 / Н. П. Гурьянова (сост.). Киров : ИД «Герценка», 2015. С. 129–148.
67. Помелов В. Б. Учёный-педагог Н. С. Сунцов // Вятская Земля в прошлом и настоящем : мат-лы 5-й рег. научно-практ. конф. / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во ВГПУ, 2001. С. 40–42.

68. Помелов В. Б. Цветков Леонид Александрович // Педагогический энциклопедический словарь : гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 2002. С. 421.
69. Помелов В. Б. Э. И. Монозон: жизнь, отданная педагогике (к 110-летию со дня рождения учёного) // Историко-педагогический журнал. 2018. № 3. С. 36–53.
70. Помелов В. Б. Яновская Мая Григорьевна // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / гл. ред. В. А. Ситников. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. Т. 6. Знатные люди. С. 530.
71. Помелов В. Б. «Я стремился стоять ближе к учительству...» // Проблемы вузовской и школьной педагогики: Шестые Есиповские Чтения: мат-лы рег. научн. конф. / ред. М. А. Захарищева. Глазов : Изд-во ГГПИ, 2005. С. 4–9.
72. Пуни А. Ц., Разумовский Г. Н. Страницы истории спорта в Вятке. Киров : Кировск. книжн. изд-во, 1968. 68 с.
73. Садырин Б. В. Вятский Шаляпин. Киров : Изд-во «Вятка», 1998. 180 с.
74. Серебrenиков В. С. Аффект // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб, 1900. Т. 4. С. 523–524.
75. Серебrenиков В. С. К вопросу об экспериментальной психологии // Христианское чтение. 1895. № 7–8. С. 228–231.
76. Серебrenиков В. С. Учение Лейбница о бессознательной душевной жизни // Вестник психологии. 1904. № 6. С. 220–226.
77. Степанов С. С. Психология в лицах М. : Изд-во «ЭКС-МО-Пресс», 2001. 382 с.
78. Шиндаров С. Б. Учение о душе человека в трудах проф. В. С. Серебrenикова : дисс... канд. богословия. СПб., 2010. 210 с.
79. Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии / пер. с англ.; под ред. А. Д. Наследова. СПб. : Изд-во «Евразия», 2002. 670 с.
80. Эле Исаевич Монозон [некролог] // Учительская газета. 1987. 10 марта.
81. Юбилей учёного // Советская педагогика. 1978. № 6. С. 156–157.
82. ГАКО. Ф.139. Оп. 1а. Д. 22. Л. 490–494.
83. ЦГАКО. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 47.
84. ЦГАКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1.
85. ЦГАКО. Ф. 1143. Оп. 2а. Д. 13.
86. ЦГАКО. Ф.1143. Оп.2а. Д. 270.
87. ЦГАКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 22.

88. ЦГАКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 15.
89. ЦГАКО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 47.
90. ЦГАКО. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 78.
91. ЦГАКО. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 90.
92. ЦГАКО. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 26.
93. ЦГАКО. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 195.
94. ЦГАКО. Ф. 1143. Оп. 2а. Д. 201.
95. ЦГАКО. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 408.

Научное издание

Помелов Владимир Борисович

ВЯТСКИЕ ПЕДАГОГИ И ПСИХОЛОГИ

Редактор *Ю. В. Булдакова*

Технический редактор *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 30.12.2019 г.

Выход в свет 30.01.2020 г.

Формат 60×84/16.

Печать цифровая.

Бумага для офисной техники.

Усл. печ. л. 10,8.

Тираж 500 экз.

Заказ № 6138.

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru

Тел. 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в центре полиграфических услуг

Вятского государственного университета,

610000, г. Киров, ул. Московская, 36